1174

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ОТ КУЛЬДЖИ ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБ-НОР

ОГИЗ · ГЕОГРАФГИЗ
1947

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ОТ КУЛЬДЖИ ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБ-НОР

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1947 г.

Под редакцией и со вступительной статьей
Э. М. МУРЗАЕВА

Н. М. Пржевальский.

ЛОБНОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И ЗАГАДКА ЛОБ-НОРА

Своё лобнорское, или второе центральноазиатское, путешествие Николай Михайлович Пржевальский считал мало удачным, незаконченным. Он имел все основания не быть довольным результатами этого путешествия, хотя не раз подчёркивал, что счастье удивительным образом сопровождало его и на этот раз, что старая тайна Лоб-нора, наконец, разгадана.

События в Западном Китае, охваченном войной, натянутость в дипломатических отношениях между Россией и Китаем, смерть горячо любимой матери Николая Михайловича, его болезнь — всё вместе взятое заставило свернуть работы экспедиции, и по предложению из Петербурга Пржевальский должен был покинуть пределы Центральной Азии.

В первоначальные планы второй центральноазиатской экспедиции входило изучение Лоб-нора и Тибета, посещение Лхасы и берегов Брамапутры. В 1877 г., когда вспыхнула русско-турецкая война, Пржевальский был в горах Восточного Тянь-шаня. Как солдат, он ждет указания куда следовать. Страшно хочется ехать в Тибет, как предполагалось по плану, а родина зовёт стать в ряды сражающихся. В дневнике от 1 июня 1877 г. имеется следующая его запись:

«Из газет узнаю, что война с Турцией, наконец, началась. Едва ли она ограничится только двумя государствами. Всего вернее, будет свалка общеевропейская. В подобную минуту честь требует оставить на время мирное путешествие и стать в ряды сражающихся. Послезавтра пошлю об этом телеграмму в Петербург. Не знаю,

какой получу ответ. Куда придётся ехать? На Дунай или на Брамапутру? Хорош контраст!»

Надо было спешить в Тибет, ибо Лхасу готовились посетить англичане из Индии.

До последней минуты Пржевальский надеялся на осуществление всех планов путешествия, на посещение и изучение Тибета. Хотя все обстоятельства складывались против путешествия, сам путешественник не мог сознаться себе в этом. В нём происходила борьба, где много «за» и ещё больше «против» продолжения экспедиции мучили и не давали покоя. Всегда решительный и не колеблющийся, больной и измученный, Пржевальский колебался, боролся, раздражался, но сам не мог сделать вывода. Между тем, всё подсказывало ему это решение. Когда пришла телеграмма начальника Генерального штаба о необходимости возвратиться в Петербург, — явилось успокоение, ибо такое решение подтверждало скрытые, далеко спрятанные думы, мучившие путешественника длинными бессонными ночами, когда усиливающийся зуд не давал сомкнуть глаз, а раздражение готово было выливаться на всё, на каждого. Мучения, которые не оставляли путешественника в течение нескольких месяцев, изменили характер Пржевальского.

Вот его признание, доверенное страницам дневника:

«*29 марта*. Стоим возле деревни Кендерлык. Погода отвратительная, холод и буря.

Перед вечером получил от графа Гейдена телеграмму, в которой объяснено, что военный министр находит неудобным, при настоящих обстоятельствах, моё движение в глубь Китая. Теперь более уже невозможно колебаться. Как ни тяжело мне, но нужно покориться необходимости и отложить экспедицию в Тибет до более благоприятных обстоятельств. Тем более, что моё здоровье плохо — общая слабость и хрипота горла, вероятно, вследствие употребления иодистого кали. Пожалуй, что самый отказ итти теперь в экспедицию, даже болезнь и возвращение из Гучена — случились к моему счастью. Больной теперь, я почти наверное не мог бы сходить в Тибет. Только сам я не хотел и н е м о г отказаться от этой мысли, хотя внутренне предугадывал неудачу.

Если же мы прошли бы в Цайдам, то китайцы, в случае ссоры с русскими, легко могли передушить нас. Посмотрим, насколько рассеется это дело в будущем.

С эстафетою послал в Главный штаб телеграмму с просьбою разрешить мне вернуться в Петербург для поправления здоровья».

С самого начала экспедиции, с момента выхода из Кульджи в Тянь-шань, обстоятельства складываются не в пользу экспедиции. Это много раз подчёркивает Пржевальский в отчёте и дневнике. С первых дней пришлось расстаться с одним из помощников Е. М. Повало-Швый-

ковским, «оказавшимся совершенно не годным для экспедиции по своей умственной ограниченности и неспособности к какому-либо делу...» Это обстоятельство очень переживал Пржевальский: «...я плакал несколько раз, как ребёнок». Но строгий и требовательный начальник, каким был Пржевальский, взял вверх, и Швыйковский оставил экспедицию.

Якуб-бек, глава кратковременно существовавшего государства в Восточном Туркестане — Джеты-шаара—уже в горах Тянь-шаня прислал своих представителей, по существу конвой, которые сопровождали всю экспедицию почти на всём её протяжении и тем самым до крайности осложняли работы, а это вызывало не раз справедливый гнев путешественника. По пути следования экспедиции местным жителям были даны указания не общаться с русскими, не давать им никаких сведений. Пржевальский только украдкой вёл маршрутную съёмку, и это, по его признанию, очень сильно отражалось на точности работ. Пржевальского не допускали в города, не давали возможности итти по избранным им маршрутам, водили трудными и окольными путями, чтобы затруднить работы и заставить его отказаться от путешествия и возвратиться в Россию. О том, до какой степени раздражала Пржевальского такая обстановка, видно из его записи, сделанной на обратном пути из Лоб-нора:

> *1 — 4 мая* [1877 г.]. Пьём до дна горькую чашу испытаний... Идём из Курли в Тянь-шань под конвоем человек двадцати всякой сволочи, посланной с нами Бадуалетом под предлогом проводов. Не только мы, но даже наши казаки под караулом: сзади и спереди каравана едут солдаты и не дают никому слова сказать «кафирам». На Хайду-голе калмыкам запретили приходить к нам под страхом смертной казни. На обеих сторонах реки были поставлены караулы. Ложь и лицемерие на каждом шагу; нас ненавидят все провожающие, за исключением разве Заман-бека. Последний к нам нелицемерно расположен, но боится высказаться и потому также обманывает нас. Каторга ехать при такой обстановке! В особенности трудно сдерживаться, зная, что это уже последние дни испытаний. Довольно мы уже натерпелись — целых шесть месяцев были «дорогими гостями» во владениях Бадуалета».

Восточный Туркестан в этот год переживал трагическое время. Правительственные китайские войска двигались на запад и грозили государству Якуб-бека полным разгромом. Назревала и скоро разразилась русско-турецкая война. Личные дела у Пржевальского складывались также не в пользу путешествия. Вторая часть экспедиции очень тяжело отозвалась на здоровье Пржевальского. Уже в записях от 15 июля 1877 г. он жалуется на то, что различные боли ему мешают. Болит горло и правый бок. «Кроме того, я сильно похудел: нравственные волнения во время лобнорской экспедиции и на Балгантай-голе, голодовки и непроходный путь на Кунгесе, наконец, постоянная работа — всё это

сильно отозвалось на моём здоровье. Хватит ли его, чтобы успешно совершить тибетскую экспедицию?»

Но болезнь, ставшая кошмаром, началась летом 1877 г. Упорный, нестерпимый зуд Pruritus scrofi поразил Пржевальского и некоторых его спутников: Эклона, Чебаева. Особенно тяжело досталось Пржевальскому. В течение всей осени и зимы зуд не прекращался, а, наоборот, усиливался, доводя до бессильного бешенства этого энергичного и всегда жизнерадостного человека. В городе Гучене лечил его китайский врач, в дороге больной лечил сам себя, в Зайсане русские врачи, но так и не избавился Пржевальский от болезни до самого конца экспедиции. Временами наступало облегчение, но затем вновь появлялся зуд и мучил пуще прежнего. Нельзя без участия читать жалобы путешественника на болезнь, столь частые во второй половине экспедиции:

> «*5 — 20 декабря* [1877 г.]. Всё это время было употреблено на переход до Зайсанского поста. Шли без дневок с восхода солнца почти до заката. Всё это время я должен был сидеть в телеге, которая трясла немилосердно, в особенности по кочкам. От такой тряски ежедневно болела голова; боль эту ещё увеличивал постоянный дым в юрте. Грязь на всех нас была страшная, в особенности у меня, так как по несколько раз в день и в ночь приходилось мазаться дёгтем с салом, чтобы хоть немного унять нестерпимый зуд. От подобной мази бельё пачкалось страшно, штаны были насквозь пропитаны дегтярным салом. Холода стояли страшные, пять суток сряду ртуть в термометре замерзала. В юрте ночью без огня мороз доходил до — 26°. И на таком морозе в грязи приходилось проводить ночи наполовину без сна. Мёрзлою мазью, в темноте и морозе 5 — 6 раз в ночь нужно было мазаться. Бррр!.. противно вспомнить о таких тяжёлых временах».

И всё же Пржевальский не оставляет своих наблюдений, он регулярно ведёт дневник, делает записи метеорологических наблюдений, поддерживает дисциплину в своём небольшом отряде. Приходится удивляться выдержке и могучему духу путешественника.

Несмотря на все эти обстоятельства, тормозящие работу, Н. М. Пржевальский всё же считает, что результаты экспедиции оказались хорошими, ибо она явилась большим шагом вперёд в деле исследования внутренней Азии: «Бассейн Лоб-нора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся, наконец, для науки». Свой отчёт по первому этапу экспедиции автор заканчивает строками: «Оглянувшись назад, нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мне удивительно. С большим вероятием можно сказать, что ни годом раньше, ни годом позже исследование Лоб-нора не удалось бы...»

И даже тогда, когда уже было принято решение о прекращении экспедиции, Пржевальский с удивительной жизнерадостностью и оптимиз-

мом, несмотря на понятную грусть, смотрит на будущее, на близкое продолжение своего путешествия:

> «*31 марта* [1878 г.] Перешли из Кендерлыка в Зайсанский пост с тем, чтобы отсюда ехать в Петербург. Верблюды и все экспедиционные запасы останутся на хранении в Зайсане. Рассчитываю вернуться сюда к будущей весне и тогда с новыми силами и новым счастьем предпринять новую экспедицию.
>
> Сегодня исполнилось мне 39 лет, и этот день ознаменовался для меня окончанием экспедиции, далеко не столь триумфальным, как моё прошлое путешествие по Монголии. Теперь дело сделано лишь наполовину: Лоб-нор исследован, но Тибет остаётся еще нетронутым... Я не унываю! Если только моё здоровье поправится, то весной будущего года снова двинусь в путь... Правда, жизнь путешественника несёт с собою много различных невзгод, но зато она даёт и много счастливых минут, которые не забываются никогда. Абсолютная свобода и дело по душе — вот в чём именно вся заманчивость странствований. Не даром же путешественники никогда не забывают своей труженической поры, даже среди самых лучших условий цивилизованной жизни.
>
> Прощай же, моя счастливая жизнь, но прощай ненадолго. Пройдёт год, уладятся недоразумения с Китаем, поправится моё здоровье, и тогда я снова возьму страннический посох и снова направлюсь в азиатские пустыни...»

Эта всепобеждающая уверенность, убеждающая воля, направленная к завершению начатого дела, создали из Пржевальского великого путешественника, сделавшего удивительные открытия в Центральной Азии и обогатившего науку важнейшими исследованиями.

Открытия и исследования, совершённые Николаем Михайловичем во время лобнорского путешествия, вызвали массу откликов в России и за границей, упрочили славу Пржевальского как исследователя Азии, расширили круг поклонников его таланта.

К важнейшим достижениям лобнорской экспедиции следует отнести:

1. Открытие и описание озера Лоб-нора, на берегах которого Пржевальский был первым европейским учёным-путешественником.

2. Открытие и описание громадной горной цепи Алтын-таг, о которой не знали географы прошлого столетия. Это открытие определило границу Тибетского нагорья, которое простирается на 300 км далее на север, чем предполагалось до путешествия Пржевальского.

3. Сбор новых зоологических и ботанических коллекций, среди которых важнейшим экспонатом являются шкуры диких верблюдов, впервые вывезенные из Центральной Азии.

4. Маршрутные съёмки низовьев Тарима, озера Лоб-нора и хребта Алтын-таг, определение их географических координат.

5. Метеорологические наблюдения, впервые разрешившие судить о климате бассейна Тарима и о климате восточной части Кашгарии и Алтын-тага.

6. Этнографические наблюдения над лобнорцами (каракурчинцами) и таримцами, давшие интереснейший материал для суждения о быте, жизни и антропологическом типе этих азиатских племён, заброшенных в самую глушь Центральной Азии.

Высокая оценка этнографических наблюдений на Лоб-норе дан

Ф. Рихтгофеном, который пишет: «Описание быта, обычаев и рода занятий лобнорцев и тяжёлых климатических условий, при которых они живут, самая завлекательная и интересная из этнографических картин, нарисованных новейшими путешественниками».

Уже одно это перечисление говорит о богатейших результатах путешествия Пржевальского на Лоб-нор. Опубликование краткого отчёта в «Известиях Географического общества» и выступление с докладами вызвало широчайший отклик у научной общественности. Как раз в этот период Н. М. Пржевальский избирается почётным членом Академии наук и Ботанического сада. К своему пятидесятилетию Берлинское Географическое общество учреждает Большую золотую медаль имени Александра Гумбольдта. Первым, кто удостоился этой медали, был Н. М. Пржевальский, получивший её за совокупность исследований Центральной Азии, т. е. за монгольское и лобнорское путешествия.

Отчёт о лобнорском путешествии был переведён на немецкий и английский языки. В английском издании труд Пржевальского был предварён вступительной статьёй Дугласа Форсайта, главы английской экспедиции в Кашгарию, посетившей государство Якуб-бека в 1870 и 1873 гг.[1]. Таким образом, результаты лобнорского путешествия Пржевальского очень быстро стали известны во всём мире.

Важнейшим открытием, вызвавшим большие отклики и положившим начало длительной и оживлённой полемике, явилось определение положения и описание Лоб-нора. Лобнорская проблема в течение долгого времени не сходила со страниц печати, и еще не так давно вновь возвратился к ней П. К. Козлов, когда на страницах Известий Государственного Географического общества опубликовал свою статью «Кочующие реки Центральной Азии»[2].

В чём же сущность проблемы Лоб-нора и как она представляется ныне, через 70 лет после первого посещения озера Пржевальским?

Озеро Лоб-нор и страна Лоб[3] известны уже очень давно. О городе Лоб упоминает Марко Поло. В замечательной книге великого венецианца есть рассказ о Кашгаре, Хотане, Яркенде. В главе 57, озаглавленной: «Здесь описывается город Лоп», указывается, что город лежит в начале великой пустыни. «Лоп принадлежит великому хану. Жители почитают Мухаммеда»[4]. Но Марко Поло ничего не упоминает об озере с таким названием. Китайские географы давно знали Восточный Туркестан. Первая, весьма схематичная карта Центральной Азии была составлена в 605—606 гг. Пэйцзю'ем; вслед за картой он написал также первую географию

[1] Описание путешествия посольства Форсайта опубликовано в 1875 г.

[2] Том 67, вып. 5, Л., 1935, стр. 599—601.

[3] О названии «Лоб, Лоп» см. наше примечание 39 к настоящему изданию книги Н. М. Пржевальского.

[4] Марко Поло. Путешествие. Перевод И. П. Минаева, Л., 1940. стр. 50.

Таримского бассейна. Китайский монах Цзятань в 801 г. составил «Генеральную карту Китая и варварских заморских стран». Позже этого в Китае, сначала по старой китайской манере, а затем при помощи иезуитов, сделавших много астрономических наблюдений в Китае, составляются новые карты Китая по-европейски. Замечательным картографическим произведением явилась карта Китайской империи 1718 г. на 120 листах, повторное издание её на 104 листах и другие последующие, издаваемые в XIX столетии [1].

Известный геолог и географ Фердинанд Рихтгофен, исследователь и знаток Китая, хорошо знал китайские картографические источники. Высоко оценивая труды Пржевальского по изучению Центральной Азии,

Панорама хребта Алтын-тага.

Рихтгофен представил нашего великого путешественника к награде медалью Гумбольдта; при этом произнёс речь, где особенно подчёркивал роль и значение открытия Лоб-нора. Речь эта, опубликованная в печати [2], специально отмечает, что Пржевальский с бесстрашием, отличающим гениального путешественника, разрешает вопрос о географическом положении Лоб-нора. Открытия Лоб-нора и Алтын-тага, по мнению Рихтгофена,— величайшие открытия, а наблюдения Пржевальского так разнообразны и многосторонни, что мало кому под силу.

Однако Рихтгофен отмечает, что данные истории и китайской географии [3] указывают на что, что исторический Лоб-нор должен быть в другом месте, а не там, где нашёл его Пржевальский и определил его

[1] Сведениями по древней китайской картографии я обязан А. В. Маракуеву, в интересном труде которого «Картография Китая» я почерпнул вышеприведённые данные.

[2] Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstleutenant Przewalski's Reise nach dem Lop-nor und Altyn-tagh. Verhandlungen der Gessellschaft für Erdkunde zu Berlin. B. V., № 4, 1878.

[3] Главнейшим таким китайским источником по географии Западного Китая является книга «Си-юй-Шуй-Дао-цзи» в извлечении «О бассейне Лоб-нора», переведённая В. М. Успенским и напечатанная в Записках Русского Географического общества по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 93—150.

координаты. По китайским данным, Лоб-нор имеет солёную воду, а не пресную, как отмечает наш путешественник. «Вопреки теоретическим соображениям и историческим известиям, мы узнаём от первого европейца, посетившего Лоб-нор и отличающегося редкой наблюдательностью, что это озеро пресное, а не солёное», — пишет Рихтгофен, отмечая, что Пржевальский, видимо, описал под названием Лоб-нора другое озеро, истинный же Лоб-нор должен лежать севернее. Рихтгофен предполагает, что Тарим изменил направление своего течения, в результате чего небольшой рукав течёт в сторону древнего водоёма, а основная масса воды прорвалась на юг и образовала озеро Кара-буран и Чон-куль. Впрочем, отмечает Рихтгофен, эти соображения не доказаны и требуют исследований на месте.

В ответ на возражения Рихтгофена, сделанные в полном уважении к Пржевальскому, последний на критику ответил небольшой заметкой: «Несколько слов по поводу замечаний барона Рихтгофена на статью «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» [1]. В этой заметке Пржевальский, не возражая против предположений Рихтгофена, сомневается в правдоподобности китайских карт, — ведь они весьма несовершенны и часто грешат крупнейшими ошибками. К тому же незаметно никаких протоков, идущих от Тарима на восток и питающих древний Лоб-нор китайских карт. Ничего о северном озере не знает и местное население, которое не употребляет названий «Тарим» для реки, а «Лоб-нор» для озера. Тарим известен здесь под названием Яркенд-дарьи и Чон-дарьи, а Лоб-нором зовётся весь район низовьев Тарима и прилегающий к озеру. «Когда мы пришли в первую таримскую деревню Кутмень-кюль, то местный старшина на мой вопрос: далеко ли до Лоб-нора? — отвечал, показывая пальцем на себя: «Я Лоб-нор» (стр. 6) [2].

Что же касается минерализации воды в Лоб-норе, то озеро Карабуран как проточное, естественно, пресное, а из озера Чон-куль (собственно Лоб-нор) вода уходит в необозримые солончаки и болота. где засолоняется [3].

Так возникла проблема Лоб-нора, проблема, которая получила удовлетворительное решение только в наши дни.

Пржевальский в 1885 г. во время своего четвёртого центральноазиатского путешествия вновь посетил Лоб-нор, на этот раз вместе с помощниками В. И. Роборовским и П. К. Козловым. После этого Лоб-нор изучал также в 1890 г. М. В. Певцов с геологом К. И. Богдановичем и теми же двумя помощниками. П. К. Козлов специально уделил время для изучения Лоб-нора в последующей экспедиции Русского

[1] Известия Русского Географического общества за 1879 г., т. 15, вып. I, СПб., 1880, стр. 1—6.

[2] Сравним названия страны и города Лоп. упоминаемые Марко Поло.

[3] Позже П. К. Козлов показал, что вода в Лоб-норе пресная только у устья Тарима, далее она постепенно засолоняется.

Географического общества 1893—1895 гг., проведённой под руководством В. И. Роборовского.

Этим, однако, не исчерпывается список путешественников, побывавших на Лоб-норе в конце прошлого столетия. Интерес, вызванный путешествиями Пржевальского и открытием им Лоб-нора, был настолько широк, что сюда направили свои маршруты иностранные экспедиции. В 1885 г. А. Д. Кэри и Дальглейш прошли из Тибета на Тарим и Лоб-нор. Большой маршрут по Восточному Туркестану совершили Э. Бонвало и Генрих Орлеанский; они почти повторили маршрут Пржевальского, с озера Баграч пройдя к Лоб-нору, а затем и на Алтын-таг. Свен Гедин же дважды посетил Тарим и Лоб-нор: в 1896 и 1899—1900 гг., когда он задался специальной целью разрешить до конца вопрос о Лоб-норе[1]. В журнале Берлинского Географического общества он напечатал статью под претенциозным названием «Das Lop-nor problem»[2], где, не выдвигая собственных соображений по поводу положения Лоб-нора и не опровергая открытий Пржевальского, этот путешественник старается подтвердить фактами остроумную гипотезу Рихтгофена об изменении русел в низовьях Тарима и в связи с этим об изменении положения Лоб-нора. Однако Свен Гедин не окончил, вопреки его убеждению, полемику о Лоб-норе; наоборот, она вновь возгорелась на страницах географической печати, причём русские географы, во главе с учеником Пржевальского П. К. Козловым, не соглашались с Гедином, считая его положения недоказанными. Гедин нашёл следы озера севернее озера, обнаруженного Пржевальским, считая, что это и есть настоящий Лоб-нор.

П. К. Козлов в 1898 г. напечатал большую статью под коротким

---

[1] Свен Гедин (Sven Hedin) — шведский путешественник, известный благодаря своим большим и многочисленным экспедициям, главным образом, в Центральную Азию и Тибет. В этих экспедициях Гедин выступает искателем приключений, любителем экзотических картинок и «страшных» явлений природы, в описание которых он вкладывал много субъективного, преувеличивая трудности пути и искажая рассказ в расчёте на большую эффективность рассказа и увлечение читателя. Научными исследованиями Свен Гедин занимался мало и как учёный не проявил себя в противоположность Н. М. Пржевальскому, научный авторитет которого был признан во всём мире. В описании путешествий С. Гедин всегда оставался поверхностным писателем-популяризатором; его многочисленные книги удивительно бедны научными фактами, скудны наблюдениями, обобщениями. Чувствуя свою слабость как учёного, С. Гедин привлекал в свои последние экспедиции специалистов—геологов, зоологов, ботаников, которые и осветили географию посещенных районов Центральной Азии.

Несмотря на большую поддержку Свену Гедину со стороны России при организации его первых экспедиций, во время первой мировой войны он выступал в печати как ярый германофил и проповедник войны. После окончания мировой войны он не раз пользовался гостеприимством Советского Союза, оказывавшего ему всяческое содействие в его планах новых путешествий. Однако во время второй мировой войны он вновь взялся за проповедь милитаризма; с настойчивостью, достойной лучшего применения, он выступает как защитник и пропагандист германского фашизма и агрессии. В Швеции Гедин возглавил те реакционные круги, которые вели неудержимую кампанию против Советского Союза.

[2] Zeitschrift, № 31. 1886, pp. 305—361. Те же данные приводятся этим автором и во многих других его изданиях на немецком, английском, шведском и русском языках.

названием «Лоб-нор» [1], а также посвятил ему специальную главу в своём отчёте помощника начальника экспедиции по Центральной Азии [2]. Как в статье, так и в этой главе Козлов разбирает положения Рихтгофена и сведения, приводимые Гедином. П. К. Козлов считает, что озёра, открытые Свеном Гедином севернее Лоб-нора Пржевальского, образовал не Тарим или Лоб-нор, «а река Конче-дарья в своём непрерывном стремлении к западу, озеровидная же местами старица Илек и сопровождающий её вдоль восточного берега «пояс соляных лагун» и болот представляют жалкие остатки вод опять-таки не Лоб-нора, а уклонившейся странницы-реки» [3].

Интерес к Лоб-нору сохранился и в XX столетии. В бассейне этого озера работала английская экспедиция Ауреля Стейна [4], которая больше всего уделяла внимания археологическим и историко-географическим исследованиям и сделала ряд интересных пересечений Восточного Туркестана, в частности, изучила долину Конче-дарьи и её притоков. Топографы, сопровождавшие Стейна, засняли район древнего Лоб-нора, некогда имевшего значительно бо́льшую площадь распространения. Впрочем, о бо́льших размерах древнего Лоб-нора впервые указали еще русские исследователи, особенно же К. И. Богданович, который считает долину нижнего течения Тарима молодым образованием, возникшим на площади древнего Лоб-нора [5].

Некоторые факты по гидрографии Тарима и Лоб-нора приведены в небольшой статье Р. Шомберга [6], где автор поделился своими впечатлениями 1928 г. о наблюдавшемся им изменении течения низовьев Конче-дарьи, прорвавшейся на восток и почти потерявшей связь с низовьями Тарима и тем самым переставшей снабжать водой Лоб-нор. К статье приложены небольшие схемки гидрографии бассейна Тарима и его низовьев, которые мы воспроизводим в нашем издании.

Миграция главного русла полноводной Конче-дарьи — вот одна из существенных причин изменения контуров Лоб-нора, перемещений его положения.

Ныне уже общеизвестно, что в Средней, Центральной и Восточной Азии реки «кочуют» на равнинах. Примером таких изменений своего течения может служить великая китайская река Хуан-хэ на Восточно-китайской равнине, Аму-дарья в своих низовьях, окончание в Гоби

---

[1] Известия Русского Географического общества, т. 34, вып. I, СПб., 1898, стр. 60—116.

[2] Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии под начальством В. И. Роборовского, ч. 2-я, СПб., 1899, стр. 85—98.

[3] Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии под начальством В. И. Роборовского, ч. 2-я СПб., 1899, стр. 98.

[4] A. Stein. Jnnermost Asia (Сокровенная Азия. Oxport. 1924).

[5] Труды Тибетской экспедиции 1880—1890 гг. под начальством М. В. Певцова. ч. 2. СПб., 1892, стр. 95—100.

[6] R. C. F. Schomberg. River changes in the Eastern Tarim Basin. The geographical Journa, vol. 74, N 6, London, 1929, pp. 574—576.

наньшанской реки Эдзин-гол. На отмершем рукаве последней некогда процветал ныне мёртвый город Хара-хото, открытый П. К. Козловым.

У Конче-дарьи, у места поворота её на юг к слиянию с Таримом, лежало сухое, но отчётливое русло, которое местные жители называли Кум-дарья, или Курук-дарья, что в переводе значит «песчаная или сухая река».

Древнее русло Конче-дарьи видел сухим ещё в самом конце прошлого столетия П. К. Козлов, который в следующих словах передаёт свои впечатления:

Бассейн р. Тарима по Р. Шомбергу.

«...мы скоро достигли древнего ложа реки Конче-дарьи. Оно мертво; вид его печальный; уцелевшие берега наполовину низменные, наполовину возвышенные. По всему бывшему течению разбросаны сухие стволы тополей; многие ещё продолжают стоять, будучи наполовину занесены песком, залегающим по обоим берегам древнего русла, в виде невысоких (10—15 футов) барханов» [1].

Из этой характеристики совершенно ясно, что Курук-дарья некогда обладала водой, что она была живой рекой, несущей жизнь пустыне, и было это не так давно, в исторические времена. Иначе как же объяснить

[1] Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии под руководством В. И. Роборовского, ч. 2-я. Отчёт помощника начальника экспедиции П. К. Козлова, СПб., 1899, стр. 74.

наличие хорошо сохранившихся и засыпаемых песками остатков тополей, растущих в пустыне Лоб только у берегов рек, в их разливах.

В 1923 г. произошло возвращение Конче-дарьи в старое сухое русло. Великое событие в пустыне — новая река. Вода устремляется в старое мёртвое ложе, заполняет его, уходит всё дальше в пустыню. Сухие земля и песок жадно впитывают живительную влагу; вместе с водой глубоко внутрь пустыни идёт и жизнь, появляется новая растительность, и вот уже щебетание первых птиц оглашает ещё вчера мёртвые пространства.

Раздвоение Конче-дарьи по Р. Шомбергу.

В песках, окружающих новую реку, всё чаще попадаются следы диких зверей, по ночам издалека приходящих на водопой. Часто оглядываясь и чутко прислушиваясь к ночным шорохам, долго, с перерывами,

пьют живительную влагу редкий дикий верблюд и пугливая антилопа-джейран.

Вот как описывает Шомберг свои впечатления от воскресшей реки, появившейся в пустыне всего за 5 лет до его поездки на её берега:

«Мы увидели реку с руслом до 200 шагов ширины, с довольно быстрым течением; недавний же уровень был выше, и ширина русла вдвое больше. Интересно было видеть, как новая растительная жизнь пробуждалась в мёртвой долине, тишину которой нарушали шум волн, разрушение берегов, падение песчаных дюн в воду, движение сухих тополей тограков. Всё это было словно в сказке» [1].

В чём причина поворота Конче-дарьи и возвращения её в старое русло? Шомберг, а затем и П. К. Козлов, с ссылкой на работу этого автора, видят причину поворота Конче-дарьи в деятельности человека.

Полноводная Кум-дарья и покинутые низовья Конче-дарьи.

У поворота Конче-дарьи к Тариму в течение длительного периода человек строил ирригационные сооружения, создавал новые каналы, идущие на восток вдоль русла Курук-дарьи. По каналам уходила вода на восток, орошая поля трудолюбивых земледельцев. Но осенью, когда река несла еще много воды, а нужда в поливах уже отпадала, вода сбрасывалась в Курук-дарью и тем самым вновь разрабатывала старое русло, предопределив поворот главной ветви Конче-дарьи с юга на восток. Ныне Курук-дарья (воскресшие низовья Конче-дарьи) имеет течение на восток-юго-восток.

Тарим же, в своей нижней части лишившись воды Конче-дарьи, стал худосочным; он даже не всегда доносит свои воды до озера Лобнор Пржевальского, которое стало постепенно уменьшаться в размерах, исчезать, заменяясь болотами и солончаками. Жители в низовьях Конче-дарьи стали уходить вверх по реке, населять долину Конче-дарьи выше её поворота в Курук-дарью.

[1] Привожу в переводе П. К. Козлова. См. его «Кочующие реки Центральной Азии», Известия Государственного Географического общества, т. 67, вып. 5, Л., 1935, стр. 599—601.

Н. М. Пржевальский в 1876 г. После охоты на Лоб-норе.

В 1928—1930 гг. Центральная Азия, в частности, Внутренняя Монголия и Синь-цзян, были посещены большой шведско-китайской экспедицией. Участники последней, особенно Норин, Гауде, Бергманн, Чен, посетили Курук-таг, долины Конче-дарьи, Курук-дарьи, Тарима и Черчена, а также Лоб-нор Пржевальского и Лоб-нор китайских карт. Данные обследования этих учёных подтвердили, что, в связи с поворотом Конче-дарьи, вся гидрографическая система низовьев Тарима претерпела существенные изменения, постепенно стал меняться и ландшафт районов, прилегающих к Лоб-нору, что вызвало миграцию населения, тесно связанного в своей деятельности с рекой и озером.

В 1935 г. Нильс Гернер и Паркер Чен опубликовали статью «Блуждающие озёра», где они сообщают новые данные об озёрах Центральной Азии, меняющих своё местоположение [1]. В этой статье авторы анализируют изменения в положении Лоб-нора и озёр Гашиун и Сого, лежащих в Гоби, близ границ Монгольской Народной Республики, и питаемых рекой Эдзин-гол. Эти последние озёра в прошлом также имели другие очертания, размеры и другой, более высокий, уровень воды. На карте упомянутые авторы показывают размеры и положение нового Лоб-нора. В 1930—1931 гг. Лоб-нор Пржевальского превратился в обширные солончаки и болота с мелкими и маленькими окнами чистой воды, остатками некогда обширного водоёма, описанного нашими русскими путешественниками конца прошлого столетия. На другой карте видна затейливая густая сеть древних и современных русел в дельте Лоб-нора. Всматриваясь в эту карту, можно представить гигантские масштабы былой деятельности речных вод, прихотливо разливавшихся по плоской приозёрной котловине и часто меняющих направление главных и второстепенных потоков. Учитывая это, делаются легко объяснимыми частые находки древних развалин городов и селений в сухой пустыне, заносимой песками [2].

В изменениях гидрографической сети Тарима и Конче-дарьи ключ разгадки Лоб-нора, разгадки, подсказанной самой природой. Пржевальский был совершенно прав, когда утверждал, что он открыл, описал и правильно определил координаты Лоб-нора, но и Рихтгофен был прав, когда выдвинул своё остроумное объяснение расхождениям в положении Лоб-нора Пржевальского и Лоб-нора китайских карт. Лоб-нор

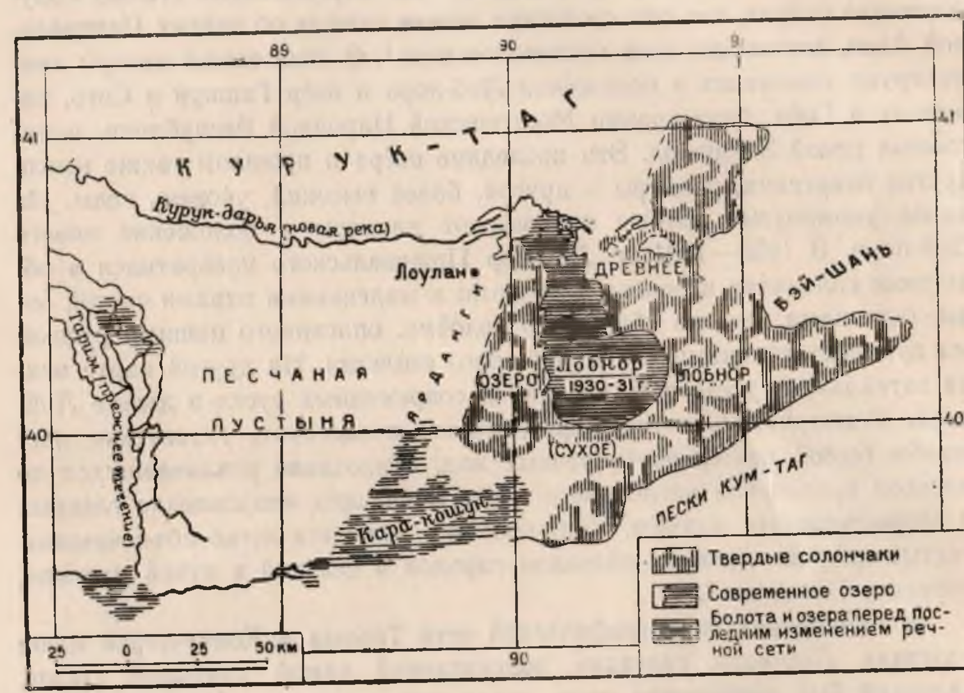
---

[1] Nils G. Hörner and Parker C. Chen. Alternating Lakes. Hullningsskrift tillägnad Sven Gedin. Stockholm, 1935, pp. 145—166.

[2] Здесь уместно воспомнить о развалинах в Хорезмской низменности, за пределами оазиса, на восточной окраине Сарыкамышской котловины, изрезанной древними руслами р. Аму-дарьи. В годы, исключительные по высокому паводку, в эти русла прорываются амударьинские воды, уходящие далеко в пустыню. По одному из таких русел — Куня-дарье («Старая река») в 1855 и 1878 гг. воды Аму-дарьи прошли до центра Сарыкамышской котловины, в 1878 г. был залит находящийся там солончак, где образовалось озеро глубиной более 8—10 м. Вообще можно отметить много общего в гидрографии дельт Аму-дарьи и Тарима.

оказался кочующим водоёмом, ибо он полностью зависит от положения рек, снабжающих его водой.

Как же представляется ныне география Лоб-нора, этого замечательного озера, своеобразного географического феномена, вызвавшего такой оживлённый спор, такую научную страсть, которые привели к осуществлению ряда экспедиций в этот очень труднодоступный и тяжёлый в климатическом отношении район Центральной Азии? Можно без преувеличения сказать, что полемика о Лоб-норе явилась стимулом дальнейшего изучения бассейна Тарима и очень способствовала расширению географических познаний Восточного Туркестана.

Положение озера Лоб-нор в настоящее время по Н. Гернеру и П. Чену.

Представьте себе, читатель, обширную пустынную плоскую котлови ну. В отдельных низких участках её блестят на солнце белые солонч ки или сереют участки топких илистых грязей. Чуть повыше распола гаются сухие «пухлые» солончаки. Когда по их поверхности проходи человек, проваливаясь через хрупкую корочку, из-под неё маленько тучкой взлетает тонкая солёная пыль. Кругом солончаков пески, глин стые площадки — такыры, каменисто-галечные равнины, на которь редко-редко растёт какой-либо колючий кустарник, хвощ, солянк Если к такой котловине устремляется вода с окружающих го

дно котловины превращается в озеро. Но это озеро не обычное. Это — болото-озеро, не имеющее чётких берегов. Оно мелко, на нём часты островки, берега заросли тростником, растущим по мелководью прямо в воде и ещё более усугубляющим картину болота. Кругом пески, сквозь которые пробираются дельтовые протоки, часто меняющие свои направления. Одни русла заносятся илами, песками; рядом возникают другие. Равнина, окружающая такое озеро-болото, плоская, по ней ничто не мешает разливаться реке, которая не имеет чётких возвышенных берегов. Легко размываемые рыхлые грунты облегчают работу реки. Куда течёт главный речной поток, там, по пути такого по-

Русла в дельте Тарима и Кум-дарьи у Лоб-нора по Н. Гернеру и П. Чену.

тока, в наиболее низко расположенных плоских впадинах, образуется озеро; повернул главный поток в сторону, изменил направление своего течения,— и озеро, лишившись питания, высохло, но зато оно возникло где-то по соседству, в другой впадине, где воды широко разлились и стали поглощаться грунтами и расходоваться на испарение, очень сильное в Центральной Азии с её знойным и сухим летом.

То же происходит и с Лоб-нором. На китайских картах оно было изображено в северной части пустынной впадины Лоб, но затем гидро-

графическая сеть изменилась, главные потоки устремились на юг. Исчезло древнее озеро Лоб-нор, на его месте остались солончаки, небольшие блюдца озерков, глинистые поверхности — такыры. Но возникло новое озеро на юге, где открыл и описал его Пржевальский, убеждённый, что это и есть настоящий Лоб-нор. И, конечно, он был прав. Но в 1923 г. вновь произошло резкое изменение в дельте Тарима и Конче-дарьи. Воды последней ушли на восток по древним забытым путям. Лоб-нор Пржевальского стал мелеть, дно его всё более обнажаться, вода в отдельных котловинках засолоняться, озеро разбилось на ряд изолированных небольших водоёмов, солончаки сильно увеличились по площади. На севере вновь возродился Лоб-нор китайских карт. Возрождение его происходило на наших глазах, и сейчас его воды оживляют пустыни там, где оно существовало много столетий назад, т. е. на северо-востоке от Лоб-нора, открытого Пржевальским.

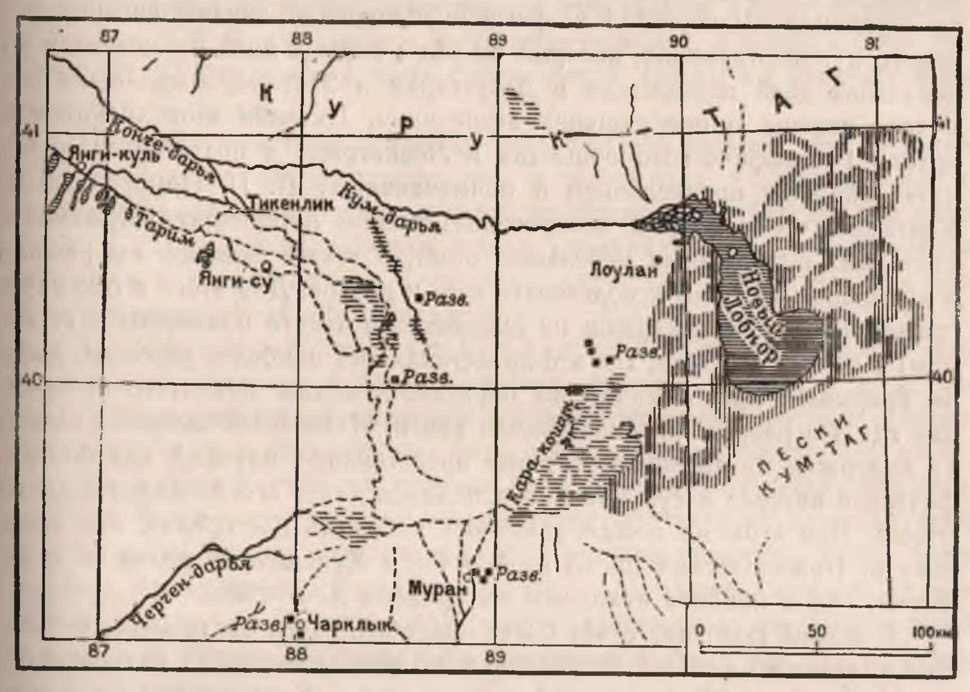
И здесь, конечно, дело не только в деятельности человека, который, сбрасывая остатки поливных вод в старое русло Кум-дарьи, тем самым способствовал его размыву. Бесконечная работа рек, их разрушающая сила сама создаёт причины изменения течения. В низовьях Тарима и Конче-дарьи господствуют песчаные и глинистые отложения. Они легко размываются текучей водой, которая подмывает берега то с одной стороны, то с противоположной. Если во время сильного подъёма воды в реке главная струя фарватера ударит в место ответвления старой протоки, то тем самым вода может прорвать и размыть перешеек, отделяющий протоку от главного русла, тем более, что этот перешеек сложен рыхлыми наносными грунтами. В протоку хлынет вода, которая будет расширять и углублять её русло. Старое русло может совсем отмереть, если падение в протоке окажется большим, а это определит и энергию реки. У Конче-дарьи уклон круче, чем у Тарима, это способствовало тому, что и главный сток постепено переместился на север в Кум-дарью; возможно, что по бесчисленным руслам между Конче-дарьёй и Таримом воды последнего следуют на северо-восток на пополнение Кум-дарьи, подобно тому, как Конче-дарья раньше текла на юг, впадая в Тарим.

Таким образом, на примере этих рек и озера Лоб-нор, перед нами любопытнейший случай из жизни рек, их бесконечной борьбы друг с другом, ведущей к перехватам воды, изменению гидрографической сети и даже местоположения конечных бассейнов.

Сколько времени будет наполняться водой северный Лоб-нор, настанет ли время, когда капризные реки вновь метнутся куда-либо в сторону и вновь озеро Пржевальского будет голубеть водными зеркалом, привлекая миллионы птиц, летящих из далёкой Индии в родные места — в холодные северные страны Сибири? Конечно, это может случиться, это может произойти и очень скоро, но, может быть, на много веков

вперёд сохранится нынешнее положение главных артерий гидрографической сети дельты Лоб-нора.

География земного шара знает не много примеров миграции озёр, из них Лоб-нор, его история наиболее интересны как по масштабам из-

Лобнорская котловина и дельта Тарима по А. Герману.

менений, так и по специфичности физико-географических условий Кашгарии, одной из самых резко пустынных областей нашей планеты.

* *
*

В основу настоящего издания положен отчёт Н. М. Пржевальского о путешествии в Восточный Тянь-шань и Лоб-нор, напечатанный в 5-м выпуске 13-го тома «Известий Русского Географического общества» за 1887 г. (СПб., 1878, стр. 195—329), под названием «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». Эта статья была им написана в Кульдже, где он не имел под руками необходимой литературы, определителей и не был обеспечен консультацией специалистов, которые обрабатывали материал первой его монгольской экспедиции. Пржевальский написал свой отчёт только о части экспедиции, твёрдо уверенный в том, что путешествие на Лоб-нор — это первый и отнюдь не самый главный этап работы его экспедиции. Поэтому отчёт его носит предварительный характер. В него совершенно не вошли материалы путешествия по Джунгарии, которые так и оставались неопубликованными, если не считать

отдельных сведений из путешествия по Джунгарии, включённых в последующие отчёты Пржевальского.

В 1940 г. Географическое общество Союза ССР, в связи со столетием со дня рождения своего почётного члена Н. М. Пржевальского, на страницах «Известий»[1] впервые опубликовало личный дневник великого путешественника, который он вёл с первых дней путешествия до последних дней пребывания в Джунгарии и Зайсане, когда была получена депеша о прекращении экспедиции. Дневник этот хранится в архиве Географического общества в Ленинграде и подготовлен к печати (снабжён предисловием и примечаниями) П. П. Померанцевым. Учитывая, что о втором центральноазиатском путешествии Пржевальского был опубликован небольшой отчёт, а также дневник, мы решили в настоящем издании использовать и то и другое. Для этого в основную статью включены выдержки из дневника (в тексте помещены с отступом) в те места отчёта, где это представлялось наиболее удобным, дабы не прерывать хронологического порядка, в общем принятого автором, или где это разрешала конструкция книги. Нами были выбраны только те выдержки из дневника, которые представляют научный или биографический интерес и существенно дополняют текст его предварительного отчёта. При этом не всегда удавалось избежать повторений, что легко понять: Пржевальский писал свой отчёт в Кульдже по полевым дневникам, они и явились исходным материалом для отчёта.

В первой половине отчёт более подробен, здесь мы привели небольшое количество записей из дневника, но вторая половина написана более схематично (Пржевальский возвращался в Кульджу тем же путём, по которому шёл на Лоб-нор); поэтому здесь включены более пространные дневниковые записи. Последний этап путешествия Н. М. Пржевальского от Кульджи до Джунгарии и до Гучена и возвращение в Зайсан как совершенно не отражённый в его отчёте в настоящем издании целиком освещается по дневниковым записям, печатаемым здесь также выборочно, учитывая, что дневник целиком был опубликован только семь лет назад.

Текст Н. М. Пржевальского мы снабдили примечаниями; некоторые из них носят характер комментариев. Примечания и комментарии помещены в конце книги, пронумерованы от № 1 до 61 и соответствуют номерам в тексте, например: (39). В основной текст мы внесли некоторые разъясняющие слова, в этом случае они взяты в прямые скобки. К таким разъяснениям относятся русские названия животных и растений

[1] «Известия Всесоюзного Географического общества», т. 72, вып. 45, М. — Л., 1940. Этот выпуск целиком посвящён Н. М. Пржевальскому и содержит ряд интереснейших материалов как самого путешественника, так и о нём и его исследованиях. Журнал начинается посвящением: «Великому путешественнику Николаю Михайловичу Пржевальскому, навеки прославившему русское имя и беззаветно отдавшему свою жизнь на служение науке и родине. Географическое общество».

при латинских их названиях, изменение транскрипции географических названий на современный, общепринятый вариант и некоторые другие, носящие в общем технический характер. Все латинские названия животных и растений, как и в предыдущей книге Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов», проверены и исправлены доцентом, кандидатом наук А. Г. Банниковым в части зоологической, и профессором, доктором Н. В. Павловым в части ботанической. Обоим им приношу здесь мою благодарность.

Названий животных оказалось во много раз больше, чем растений; Пржевальский особенно хорошо знал и любил птиц, и латинские названия их встречаются в изобилии как в основном его отчёте, так и в дневнике. В конце книги приложен список упоминаемых в книге животных и растений в алфавитном порядке по латинским названиям, как они употреблялись Н. М. Пржевальским.

Так как автор работы «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» пользовался старыми мерами: вёрстами, футами, пудами и т. д., мы для удобства читателей приводим таблицы перевода этих мер в общепринятые ныне — метрические. Даты всюду указаны по старому стилю.

Ни основной отчёт, ни дневник Пржевальского не были иллюстрированы. Считая, что книги о путешествиях обязательно должны иметь иллюстрации, редакция и издательство решили поместить здесь фотографии, заимствованные нами из книги Н. М. Пржевальского же «От Кяхты на истоки Жёлтой реки...» (4-е путешествие по Центральной Азии) и из трудов экспедиции по Центральной Азии под руководством В. И. Роборовского.

Все карты, приложенные к книге или к вступительной статье, имеют указание на источники, откуда они заимствованы. Названия географических объектов на картах даны в современной транскрипции, но в тексте почти всюду сохранены те формы, какие употреблялись Н. М. Пржевальским. Картографические работы выполнены в Издательстве Географической литературы Г. В. Яниковым.

Эд. М. Мурзаев

ОТ КУЛЬДЖИ ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБ-НОР

Ещё шаг успеха в деле исследования внутренней Азии: бассейн Лоб-нора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся, наконец, для науки...

Как предполагалось вначале, исходным пунктом моей экспедиции был город Кульджа. Сюда я прибыл в конце июля прошедшего года вместе с двумя своими спутниками — прапорщиком Повало-Швыйковским и вольноопределяющимся Эклоном (1). Снабжённый на этот раз достаточными материальными средствами, я мог закупить в Петербурге и Москве все необходимые для долгого путешествия запасы, которые вместе с оружием и боевыми принадлежностями, отпущенными казною, весили около 130 пудов (2). Кладь эту пришлось тащить от Перми [ныне г. Молотов] до Кульджи на пяти почтовых тройках и употребить на этот путь, затрудняемый сквернейшей дорогой на Урале, более месяца.

В Семипалатинске к нам присоединились спутники прошлой моей экспедиции в Монголии, забайкальские казаки Чебаев и Иринчинов (3), изъявившие готовность вновь разделить со мной все труды и лишения нового путешествия. Ещё один казак, переводчик монгольского языка, был прислан также из Забайкалья, да трёх казаков я взял в Верном из Семиреченского войска. Наконец, уже в самой Кульдже, был нанят крещёный киргиз, умеющий говорить по-сартски (4). Таким образом, персонал моей экспедиции сформировался, но, к сожалению, на этот раз я был далеко не так счастлив в выборе спутников, как в прошлую эспедицию.

Почти три недели было употреблено в Кульдже на окончательное сформирование и снаряжение нашего каравана, состоявшего из 24 верблюдов и 4 верховых лошадей. На последних ехали я, мои товарищи и один из казаков. Все мы были отлично вооружены: кроме охотничьих

ружей, каждый имел винтовку Бердана за плечами и по два револьвера у седла.

Первоначальный план заключался в том, чтобы сходить на Лоб-нор, обследовать, насколько возможно, это озеро и его окрестности, а затем вернуться в Кульджу, сдать здесь собранные коллекции и, забрав остальные запасы, двинуться в Тибет.

* *
*

Утром 12 августа мы выступили из Кульджи, напутствуемые добрыми пожеланиями соотечественников, проживающих в названном городе. Путь лежал первоначально вверх, почти по самому берегу Или, долина которой здесь густо заселена таранчами (5). Красивые, чистые деревни с садами и высокими серебристыми тополями следуют чуть не сплошь одна за другой. В промежутках раскинуты хлебные поля, орошаемые многочисленными арыками, а на лугах, по берегу самой Или, пасутся большие стада баранов, рогатого скота и лошадей. Всюду видно, что население живёт зажиточно. Магометанская инсуррекция [т. е. восстание, мятеж] не коснулась своим разрушительным потоком этой части Илийской долины. Опустошённые местности лежат от Кульджи вниз по Или, где прежде также процветала культура, но после истребления китайцев таранчами и дунганами (6) здесь встречаются большей частью развалины деревень, даже городов (Старая Кульджа, Баяндай, Чимпанзи и др.) и заброшенные, поросшие сорными травами поля.

Переправившись возле устья р. Каш (в 50 верстах от Кульджи) на левый берег Или, мы направились попрежнему вверх по её долине, которая имеет здесь вёрст двадцать ширины и представляет степную равнину с глинистой солонцеватой почвой, поросшей ибелеком [эбилек, рогач] — Ceratocarpus, мелкой полынью и дырисуном (дэрэс, чий) — Lasiagrostis; на более плодородных местах встречается астрагал, немногие виды злаков или сложноцветных и мелкие корявые кустарники; на берегу же реки густые заросли тростника, лозы и облепихи.

Ширина Или возле устья Каша около 70 сажен, течение весьма быстрое. На правом берегу описываемой реки таранчинские деревни тянутся еще вверх от устья Каша вёрст на двенадцать; левая же сторона илийской долины уже не имеет оседлого населения. Здесь только кое-где встречаются временные пашни калмыков (7), да и то ближе к р. Текесу. Последний приходит, как известно, из Мусарта и, соединившись с Кунгесом, даёт начало Или, несущей свои мутные воды в озеро Балхаш.

Сама же долина Или, гладкая, как пол, имеет везде наносную глинистую почву. Там, где эта почва орошена арыками, отведёнными

из р. Или и от её правого притока Каша, там прекрасно растут хлеба (просо, ячмень, рис, пшеница и пр.), засеиваемые местными жителями. В пространстве между Кульджой и Кашем живут, главным образом, таранчи, в меньшем количестве, ближе к Кульдже— сибо, и, как везде в Средней Азии, население густо теснится на небольших клочках. Деревни встречаются очень часто. Эти деревни довольно опрятны; в них часто встречаются сады, а большие деревья (тополь) только и растут в деревнях.

Густое население тянется по правому берегу Или еще вверх по реке вёрст на 10 — 12 от устья Каша. Дальше нет деревень. На левом же берегу от переправы Ямату (т. е. от устья Каша) также нет деревень и только ближе к Текесу (вёрст 15 не доходя до него) встречаются поля, обрабатываемые торгоутами, живущими в юртах. Таким образом, обрабатываемые пространства составляют первую характерную полосу Илийской долины. Другая часть представляет бесплодную степь, поросшую мелким ковылём, изредка ковылём, на солонцеватых местах — бударганою и дырисуном. Ближе к самой реке встречаются кусты облепихи, джиды, тальника, барбариса, шиповника (и ежевики); на более сухих местах тамарикс: огромные тростники зарастают здесь часто значительные пространства и делают их приютом кабанов, но почти непроходимыми для человека.

Вообще флора Илийской долины очень бедная. Кроме трав, сопутствующих хлебопашеству, здесь мало дикорастущих растений. Также небогата и фауна.

Птиц мало, зверей ещё меньше. Даже антилоп мы не видали ни разу. Зато пресмыкающихся довольно много, в особенности змей и ящериц. Комаров, несмотря на конец августа, гибель, в особенности вблизи арыков. Много фаланг.

Переправа через Текес, имеющий, при страшно быстром течении, саженей 50 ширины, производится, так же как и через Или, на небольших, крайне плохих паромах. На них перевезли наши вещи; лошадей же и верблюдов перетаскивали вплавь, привязывая по несколько штук за паром. Подобное плавание на быстрой реке оказалось чрезвычайно вредно для верблюдов: трое из них издохли вскоре после переправы.

* *
*

За Текесом наш путь лежал всё в том же направлении, долиною нижнего Кунгеса, которая не отличается от верхнеилийской, только здесь в большем изобилии встречается ковыль. Окраинные горы, как и

прежде, несут луговой характер, имеют большей частью мягкие формы и вовсе лишены лесной растительности. Так до р. Цанма, левого притока Кунгеса. Здесь же, т. е. на Цанме, виднеются последние пашни и кочевья тургоутов [торгоутов]. Далее, вплоть до выхода в Карашарскую долину, мы не встречали жителей.

Флора пройденной до сих пор от Кульджи равнины весьма бедная; также не богата и фауна. Притом время (вторая половина августа) было самое плохое для орнитологических исследований и препарировки птиц, бóльшая часть которых находилась в сильном линянии. Зато змей и ящериц встречалось очень много, и мы собрали порядочную коллекцию этих пресмыкающихся. Из рыб же поймали только четыре вида: маринку — Schizothorax, османа — Oreinus, окуня и пескаря. По словам казаков, занимающихся рыболовством, других пород в Или и не встречается.

Общий очерк августа. Этот месяц прежде всего характеризовался сильными и постоянными жарами, во-вторых — малым количеством дождей. Последние падали только в конце месяца, да и то в более высокой долине Кунгеса. Сухость воздуха была вообще очень велика. Росы по утрам не бывало; ночи стояли постоянно тёплые. Роса и более холодные ночи начались только в лесистой и более высокой долине верхнего Кунгеса, где 29-го числа, на рассвете, я нашёл иней на низменных местах островов реки, хотя возле нашей палатки (на ветре) термометр на рассвете показывал +9°. Ветры дули почти каждый день, но были вообще слабые и преобладали в двух направлениях: восточном и западном. Это, впрочем, вероятно, зависело от направления долин Или и Кунгеса, в которых мы находились в течение всего описываемого месяца. В жаркую погоду постоянно стоял в воздухе сухой туман, вероятно, от пыли, поднятой ветром, исчезавшей на некоторое время после дождя.

От р. Цанма, вместе с увеличением абсолютной высоты местности [1], долина Кунгеса изменяет свой характер, делаясь уже и гораздо плодороднее. Взамен прежней тощей растительности, волнистая степь покрывается превосходной и разнообразной травой, которая с каждым десятком вёрст становится всё выше и гуще. Окраинные горы также принимают более суровые формы, и на них появляются еловые леса, нижний предел которых обозначает собою пояс летних дождей.

Впрочем, дожди, хотя, быть может, менее обильные, падают и в степной области, приблизительно до 4 000 футов абсолютной высоты

---

[1] Абсолютная высота Кульджи около 2 000 футов ([8]). При этом считаю долгом оговорить, что хотя все высоты пройденных нами местностей измерены посредством барометра, но полученные результаты, за неимением под рукой необходимых пособий, вычислены пока лишь приблизительно.

или немного ниже. Отсюда лиственные рощи начинаются и по берегу самого Кунгеса. Преобладающими в них породами являются высокие (иногда до 80 футов вышины при толщине ствола 3 — 5 футов) осокори и яблони; реже встречаются берёза и абрикос. Боярка, черёмуха, жимолость, калина и шиповник составляют густой подлесок. Острова реки густо поросли высокой лозой и облепихой, по которым часто вьётся дикий хмель; на песчаных и галечных местах является тамарикс. По лесным лугам, также и по скатам соседних гор, везде густейшие, переплетённые вьюнком и повиликой, заросли травы, часто в сажень вышиною. Летом в подобной гущине почти невозможно пробраться. Но теперь, когда мы пришли в леса Кунгеса, наступил уже сентябрь, трава большей частью посохла и полегла; деревья и кустарники также носили уже осенний наряд.

После однообразия степей лесные острова и берега Кунгеса производили самое отрадное впечатление, поддаваясь которому, мы решили пробыть несколько времени в этом благодатном уголке Тянь-шаня. Притом же здесь мы могли рассчитывать и на хорошую научную добычу. Кроме того, двое казаков оказались негодными для путешествия. Пришлось отослать их обратно в Кульджу и заменить двумя солдатами, которые могли прибыть не ранее, как дней через десять [1].

Для своей стоянки в лесах Кунгеса мы выбрали то место, где в 1874 г. в продолжение нескольких месяцев стоял наш пост из одной казачьей сотни. Здесь еще целы были сараи, в которых жили казаки, их кухня и баня. В этой бане с величайшим удовольствием помылись мы в последний раз перед отходом за Тянь-шань.

Весьма характерным явлением лесов Кунгеса, да, вероятно, и других лесных ущелий северного склона Тянь-шаня, служит обилие фруктовых деревьев — яблонь и абрикосов, дающих вкусные плоды. Абрикосы, или, как их здесь называют, урюк, поспевают в июле; яблоки же в конце августа. Величиною они бывают с небольшое куриное яйцо, цветом желтовато-зеленоватые и приятного кисло-сладкого вкуса [2]. Мы как раз застали на Кунгесе время созревания яблок, которые густо покрывали деревья и целыми кучами валялись на земле. На охоте случалось иногда целую сотню шагов итти по яблочному помосту. Но всё это пропадает непроизводительно для человека: гниёт или съедается кабанами, медведями, маралами и косулями, собирающимися тогда на Кунгесе в большом количестве из окрестных гор. В особенности любит полакомиться яблоками кабаны и медведи, — последние очень часто наедаются до того, что здесь же, под яблоней, подвергаются рвоте.

[1] Вскоре оказался негодным и наш киргиз-переводчик, который также был отослан в Кульджу и заменён новым толмачом [переводчиком].

[2] Как исключение, я нашёл на Кунгесе две яблони с красными яблоками; притом иногда попадались яблоки гораздо крупнее куриного яйца.

Наша охота за зверями на Кунгесе была довольно удачна. Мы добыли в коллекцию несколько прекрасных экземпляров, в том числе старого тёмнобурого медведя, свойственного Тянь-шаню и отличающегося от обыкновенного мишки, главным образом, весьма длинными белыми когтями передних ног, вследствие чего этот вид и назван Северцовым — Ursus leuconyx [1],

Кроме зверей, в лесах Кунгеса встречалось много пролётных вальдшнепов и дроздов — Turdus atrogularis, T. viscivorus; обыкновенна была также индейская птица, весьма близкая дроздам — Myophoneus temminckii; по лугам везде попадались пролётные коростели и щеврицы. Из местных, гнездящихся птиц многие уже улетели на юг, а из оседлых нам встречались изредка фазаны — Phasianus mongolicus, голубые синицы — Cyanistes cyanus, дятлы — Picus major и др. В общем, осенний пролёт птиц в пройденной теперь нами части Тянь-шаня был весьма бедный, даже относительно мелких пташек.

* *
*

Невысокий хребет с перевалом в 6 000 футов абсолютной высоты отделяет долину Кунгеса от неширокой долины р. Цанма, той самой, которую мы уже перешли однажды в её низовье. Хотя обе реки, т. е. Кунгес и Цанма, отстоят одна от другой на месте перевала не далее, как вёрст на восемь по прямому направлению, однако, разница высоты долин каждой из названных рек достигает почти двух тысяч футов. С самого перевала как на ладони видны: с одной стороны сравнительно низкая, глубоко врезанная кунгесская долина, с другой — высоко поднятая долина р. Цанма.

Цанманская долина имеет версты четыре, или около того, ширины и сплошь поросла высокой густой травой. По берегу самой реки, в её верхнем течении, начиная от 6 000 футов абсолютной высоты, тянутся леса, в которых из деревьев исключительно преобладает тяньшанская ель — Picea Schrenkiana [2], яблони и абрикоса уже нет; взамен них появляется рябина. Еловые леса разбросаны островками и по соседним

[1] Хотя Северцов соединяет своего Ursus leuconyx с Ursus isabellinus, Horsi из Гималаев, но мне кажется, что это два отдельных вида. Гималайский медведь водится и в Тянь-шане, но он свойственен лишь высоким безлесным плоскогорьям и альпийской области гор; в лесной пояс не заходит. Притом же Ursus isabellinus чалого цвета, тогда как U. leuconyx, по крайней мере, добытый нами, тёмнобурый, такой же, как и европейский Ursus arctos (9).

[2] Это дерево достигает 70—80 футов вышины, при толщине ствола 2—3, изредка 4 фута в диаметре. По своей форме оно совершенно напоминает сахарную голову: короткие, чрезвычайно густые сучья нигде не выступают вперед из общей массы, так что всё дерево кажется как бы искусственно подстриженным (10).

горам, где поднимаются до 8 000 футов абсолютной высоты, а, быть может, даже немного выше.

Наступление осени начинало уже сильно чувствоваться в горах. Не так давно мы еще страдали от жары. Илийской долины, а теперь каждое утро выпадали небольшие морозы; на высоких горах везде лежал снег; листья на деревьях и кустарниках опали наполовину. Впрочем, погода стояла большей частью хорошая, ясная, и днём иногда становилось даже жарко.

Поднявшись вверх по Кунгесу и далее по р. Цанма до самого её истока, мы придвинулись к подножью хребта Нарат, составляющего, вместе со своими западными продолжениями [1], северную ограду обширного и высокого плато, помещённого в самом сердце Тянь-шаня и известного под именем Юлдуса.

* *
*

Прежде нежели перейти к описанию Юлдуса, скажем несколько слов о Нарате.

Хребет Нарат хотя и не достигает предела вечного снега, но тем не менее имеет самый дикий, вполне альпийский характер. Вершины отдельных гор и их крутые боковые скаты, в особенности близ гребня хребта, везде изборождены голыми, отвесными скалами, образующими узкие и мрачные ущелья. Немного пониже расстилаются альпийские луга, а ещё ниже, на северном склоне гор, разбросаны островами еловые леса; южный же склон Нарата безлесен.

Мы перевалили через описываемый хребет в его восточной окраине. Здесь подъём не особенно крут, хотя всё-таки затруднителен для верблюдов; спуск же к стороне Юлдуса весьма пологий. На северном склоне во время нашего перехода, т. е. в половине сентября, лежал небольшой снег; южная же сторона Нарата была бесснежна. Перевал имеет 9 800 футов абсолютной высоты. Близ него мы встретили большого кабана, который был тотчас убит. Шкура поступила в коллекцию, а мясо в продовольственные запасы.

* *
*

Спустившись с Нарата, мы очутились в Юлдусе. Название это в переводе означает «звезда» и дано описываемому плато, быть может, вследствие его высокого положения в горах. Отчасти подобное лестное

[1] Западными продолжениями Нарата служат (в последовательном порядке) хребты: Дагат, Хара-нор, Куку-сун, Джамба-дабан. Три последние, как говорят, вечноснеговые ([11]).

название могло произойти и потому, что Юлдус для кочевников представляет обетованную страну для скотоводства. Здесь везде превосходные пастбища; притом же летом нет мошек и комаров. «Место прекрасное, прохладное, кормное; только жить господам да скотине»,— говорили нам еще ранее тургоуты, рассказывая про Юлдус.

Этот последний представляет собой обширную котловину, вытянутую на несколько сот вёрст от востока к западу. По всему вероятию, эта котловина в давнюю геологическую эпоху была дном внутреннего озера, на что, между прочим, указывает также и наносная глинистая почва.

Сам Юлдус состоит из двух частей: Большого Юлдуса, занимающего более обширную, западную половину всей котловины, и малого, помещённого в её меньшей восточной части. В общем как тот, так и другой Юлдусы имеют один и тот же характер; разница лишь в величине. Малый Юлдус, весь вдоль нами пройденный, представляет собой степную равнину, протянувшуюся на 135 вёрст в длину и расширенную по средине вёрст на тридцать.

Ближе к крайним горам эта равнина всхолмлена и покрыта лучшей травянистой растительностью. Здесь же, преимущественно в восточной части описываемого плато, растут низкие, корявые кустарники: Caragana, Salix, Potentilla [дереза, ива, лапчатка]; деревьев на Юлдусе нет вовсе.

Абсолютная высота Малого Юлдуса простирается от 7 000 до 8 000 футов [1]. Окраинные хребты как с севера, так и с юга дики, скалисты и имеют большую не только абсолютную, но даже и относительную высоту. Южный хребет, отделяющий Малый Юлдус от Большого, местами переходит за снеговую линию [2].

Как раз срединою Малого Юлдуса, во всю его длину, протекает порядочная речка Бага-Юлдус-гол, впадающая в Хайду-гол, который проходит по Большому Юлдусу и затем несёт свои воды в озеро Багараш [3].

Мы перешли через Бага-Юлдус-гол вброд, но весной и летом вода здесь настолько высока, что брода не бывает. Как в самом Бага-Юлдус-голе, так и во всех почти речках, стекающих с соседних гор, водится много рыбы, но только двух видов [4]: османы, в фут или даже немного более длиной, и пескари.

---

[1] Самые низкие части Малого Юлдуса лежат по нижнему течению Бага-Юлдус-гола; на верховьях этой реки и ближе к окраинам гор местность выше.

[2] Этот хребет, равно как и северный, не имеет общего названия у местных жителей, отличающих названиями лишь отдельные части.

[3] Бостан-нор на картах. Калмыки называют это озеро Тенгиз-нор [море-озеро; на современных некоторых картах: Баграч-куль, или Баграш].

[4] По крайней мере, других пород рыб мы не поймали здесь ни осенью, ни весною при обратном пути.

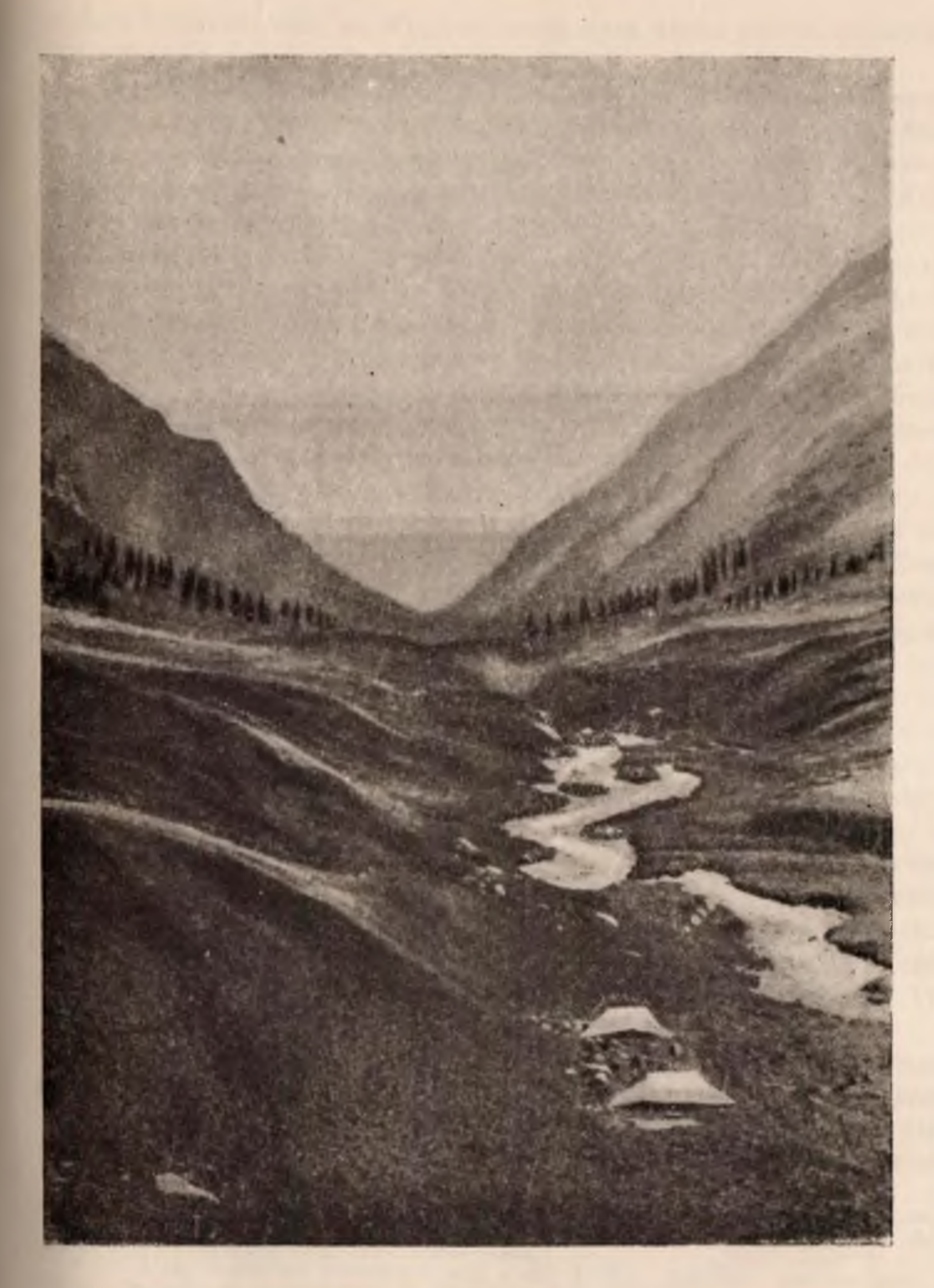
В среднем течении описываемой реки, по обеим её сторонам рассыпаны на большое пространство кочковатые болота (сазы) и озерки. На последних во второй половине сентября мы застали еще много пролётных уток: Anas boschas, A. strepera, A. crecca, Fuligula rufina, F. ferina, F. clangula. Другие же птицы из гнездящихся летом на Юлдусе почти все улетели на юг. Только изредка в горах можно было встретить: Ruticilla erythrogastra, Accentor fulvescens, Montifringilla nivalis, Leucosticte brandtii. Два последних вида держались обыкновенно стадами. Из оседлых птиц в тех же горах нередки: Gyps himalayensis, Vultur monachus, Tichodroma muraria, Megaloperdix nigellii, в степях Otocoris albigula.

Млекопитающими Юлдус весьма богат. Из крупных зверей здесь водятся: медведи бурый и чалый — Ursus leuconyx, U. isabellinus, архары — Ovis polii, тэки [теке — горные козлы] — Capra skyn и, что всего удивительнее при безлесье, маралы — Cervus maral и косули — Cervus pygargus. По степям и горным долинам везде множество тарбаганов [сурков] — Arctomys baïbacinus, которые в половине сентября уже находились в зимней спячке. В это время их усердно преследуют медведи, раскапывают норы и достают оттуда полусонных, весьма жирных зверьков. Весьма обильны на Юлдусе также волки — Canis lupus, и в особенности лисицы — Canis vulpes, чаще же C. melanotis, которые охотятся здесь за многочисленными полёвками — Arvicola. Из других грызунов нередки суслики — Spermophylus, но они также теперь предались зимнему сну; на болотах Бага-Юлдус-гола иногда встречаются кабаны ([12]).

Населения на обоих Юлдусах в настоящее время нет вовсе. Между тем, не далее как одиннадцать лет назад здесь жили тургоуты, в числе до десяти тысяч кибиток. Разграбленные дунганами, эти кочевники ушли частью к Шихо, частью же на Хайду-гол в окрестности Кара-шара; некоторые бежали к нам на Или, где остаются и до сих пор.

Вступление наше на Юлдус ознаменовалась крайне неприятным событием. Мой помощник, прапорщик Повало-Швыйковский почти с самого начала экспедиции не мог выносить трудностей пути, захворал и не поправлялся, так что я вынужден был отправить его обратно к месту прежнего служения. К счастью, другой мой спутник, вольноопределяющийся Эклон, оказался весьма усердным и энергичным юношей. При некоторой практике он вскоре сделался для меня прекрасным помощником и, надеюсь, останется таковым до конца экспедиции.

На Юлдусе мы провели около трёх недель, занимаясь, главным образом, охотой на зверей. Последних было добыто в коллекцию более десятка прекрасных экземпляров, в том числе два самца Ovis polii. Этот великолепный баран, свойственный исключительно высоким на-

Восточный Тянь-шань. Верховья р. Джергалан.

горьям Средней Азии, на Юлдусе встречается часто, иногда стадами до 30—40 голов.

В таком сборище бывают самки, молодые, и несколько взрослых самцов, принимающих на себя роль вожаков и охранителей стада. Очень же старые самцы [1] держатся особняком — в одиночку или по два, по три вместе. Любимым местопребыванием архаров на Юлдусе служат предгорья высоких хребтов и пологие увалы, идущие отсюда к степной равнине. В дикие, скалистые горы эти звери забираются редко; там родина горных козлов, или тэков,—Capra skyn [2]. Последних на Юлдусе также много. Мне случалось видеть стада в 40 и более голов. Как и у архаров, стадом тэков предводительствует один или несколько взрослых самцов. Очень старые экземпляры ходят также отдельно. Убить тэка весьма трудно как по осторожности самого зверя, так и по характеру местности, в которой он живёт.

Маралы, встреченные нами на Юлдусе, принадлежат к тому же самому виду, который водится и в лесном поясе Тянь-шаня. Как там, так и здесь, самцы этих оленей достигают огромных размеров. Самка гораздо меньше, но все-таки не уступает по величине взрослому самцу европейского Cervus elaphus [3]. За неимением лесов на Юлдусе, маралы держатся в тех горах, где растут низкие кустарники. По скалам описываемый зверь лазит не хуже архара, и мне не один раз случалось ошибаться, принимая издали за архара марала, стоящего на вершине высокой скалы. Весной, в мае и июне, маралы-самцы усердно преследуются охотниками ради своих молодых рогов, так называемых пантов, которые сбываются в Китай по весьма высокой цене. В Кульдже, например, пара больших (с шестью отростками на каждом) пантов стоит, из первых рук, 50—70 рублей; панты меньших размеров покупаются за 15, 20, 30 рублей. Столь выгодная добыча заставляет охотников-промышленников, русских и инородцев, неустанно преследовать маралов в течение весны на всём громадном пространстве Азии — от Туркестана до Японского моря.

Общий очерк сентября. В климатическом отношении сентябрь характеризовался ясной погодой, как и вся вообще осень в Средней [Центральной] Азии. Впрочем, когда мы стояли в долине Кунгеса, то дожди падали нередко, но лишь только поднялись

[1] Рога у таких самцов достигают колоссальной величины. Те, которые находятся в моей коллекции, имеют по верхнему сгибу 4 фута 8 дюймов длины и 1½ фута толщины у основания: они весят более пуда.

[2] По всему вероятию, названный вид, а не Capra sibirica, так как рога на конце сближены и заворочены во внутрь; цвет шерсти серовато-чалый, брюхо белое. Наибольшие из рогов, мною виденные, имели 4 фута длины по верхнему сгибу.

[3] Двухлетний самец-марал, убитый мною на Юлдусе. имел 6 футов 1 дюйм длины, при вышине у загривка 4 фута 3 дюйма. Взрослая самка, добытая там же, имела в длину, от вершины носа до корня хвоста (меряя по изгибу шеи) 7 футов 4 дюйма; вышина её у загривка была 4 фута 3 дюйма.

в высокое плато Юлдус, как наступила постоянная ясная погода. Впрочем, плато Юлдус, по всему вероятию, не обильно атмосферными осадками вообще. Вместе с поднятием на Юлдус, абсолютная высота 7 500—8 000 футов (местами, ближе к окрайним горам, и более), начались постоянные ночные морозы, доходившие во второй половине месяца до — 13°,7 на восходе солнца. Но днём, лишь только всходило солнце, было тепло, и термометр в тени поднимался (на Юлдусе) до + 15°,3 С. Ветры дули часто, в особенности ночью; днём же бывали довольно часто затишья, но вообще ветры были слабые и ни разу не достигали силы, отмечаемой у нас цифрою 4. Ночью всего чаще ветер дул с востока; днём — с запада с отклонениями к северу и югу. В ясные дни обыкновенно стоял в воздухе сухой туман, который происходил от пыли, поднятой ветром с Илийской долины, или, быть может, из-за тяньшанских пустынь. После дождя сухой туман всегда исчезал.

В долине Кунгеса было влажно, на Юлдусе же, напротив, сухость воздуха была очень высока.

* *
*

Поохотившись вдоволь на Юлдусе, мы направились в долину Хайду-гола через южный склон Тянь-шаня. Подъём на перевал со стороны Юлдуса чрезвычайно пологий, даже едва заметный, хотя абсолютная высота этого перевала 9 300 футов. Зато спуск крайне труден. Едва заметная тропинка идёт здесь, на протяжении 40 вёрст, ущельем р. Хабцагай-гола, а затем 22 версты по Балгантай-голу. Оба ущелья чрезвычайно узки (местами не более 60 сажен), дно их усыпано осколками камней и валунами, бока же обставлены громаднейшими отвесными скалами.

Берега речек обросли густым тальником и тамариксом; пониже, приблизительно от 6 000 футов абсолютной высоты, является облепиха и ильмовые деревья, а ещё ниже — барбарис и джида, из трав по ущелью встречаются только дырисун и тростник. Окрестные горы вовсе лишены растительности. Соседняя пустыня кладёт мёртвую печать на эту сторону Тянь-шаня. Здесь нет тех обильных атмосферных осадков, которые падают на северном склоне описываемого хребта. Там дождевые тучи осаждают свою влагу, последние остатки которой выжимаются снеговыми горами холодного Юлдуса. Весьма вероятно, что и весь южный склон Восточного Тянь-шаня лишён влаги и растительности.

Выйдя в долину Хайду-гола, мы спустились на 3 400 футов абсолютной высоты. Погода сделалась тёплой, даже утренние морозы были

незначительны. Между тем, на Юлдусе в последней трети сентября термометр на восходе солнца опускался до—13°,7 С [1], и иногда падал снег.

На Хайду-голе мы остановились в урочище Хара-мото, где встретили первых жителей тургоутов, которые приняли нас радушно. Между тем, быстро разнёсшийся слух о прибытии русских всполошил всё ближайшее мусульманское население. Уверяли, что идёт русское войско и что на Хайду-голе появился уже передовой отряд. Подобному слуху ещё более поверили, когда, с первого же дня прихода, начали раздаваться наши выстрелы по фазанам и другим птицам. Мусульмане, живущие по Хайду-голу, невдалеке от Хара-мото, до того струсили, что побросали свои дома и убежали в Кара-шар ([13]).

Туда, конечно, дано было тотчас же знать о нашем приходе, но сначала к нам никто не показывался из лиц официальных. В это время мы отправили тихомолком, обратно в Кульджу, своего проводника Тохта-ахуна, человека весьма нам преданного, но которому грозила неминуемая смерть за услуги, оказанные русским, тем более, что названный проводник был мусульманином, родом из города Корла [Курля], откуда несколько лет назад бежал на Или. Вместе с Тохта-ахуном была отправлена бо́льшая часть собранных нами коллекций, чтобы не таскать их напрасно с собой.

На третий день нашего прихода в Хара-мото к нам явилось шесть мусульман, посланных правителем города Корла [2] Токсобаем узнать о цели нашего прихода. Я объяснил, что иду на Лоб-нор и что про наше путешествие известно хорошо Якуб-беку [3]. С такими вестями посланцы отправились обратно в Корла, но на противоположной стороне Хайду-гола был поставлен небольшой пикет для наблюдения за нами. На следующий день к нам опять явились те же посланцы и объявили, что Токсобай отправил гонца к Якуб-беку [4] и что до получения ответа нельзя итти далее ([14]). Отчасти я был рад подобному решению, так как лесная местность по Хайду-голу изобиловала зимующими птицами и фазанами.

Последние, как кажется, принадлежат к одному из тех двух видов Phasianus shawii и Ph. insignis ([15]), которые найдены были недавно англичанами в окрестностях Кашгара. Этот же самый фазан встречается по всему нижнему течению Тарима и на Лоб-норе.

Река Хайду-гол близ Хара-мото имеет 30—40 сажен ширины и чрезвычайно быстрое течение. Глубина на бродах фута три, четыре.

---

[1] Все измерения температуры делались по термометру Цельсия.

[2] Лежит в 50 верстах на юго-запад от Кара-шара [на реке Конче-дарье].

[3] Ранее нашего выступления из Кульджи Якуб-бек уведомил письменно туркестанского генерал-губернатора, в ответ на просьбу последнего, что русские, идущие на Лоб-нор, встретят гостеприимство в пределах Джитышара.

[4] Находившемуся тогда в городе Токсуме, недалеко от Турфана.

Летом, при большой воде, бродов здесь вовсе не бывает. Сама река изобилует рыбой, но каких именно видов, не знаю. Ни в передний, ни в обратный путь нам не удалось ловить здесь рыбу. Последней, как говорят, также очень богато озеро Багараш, в которое впадает Хайду-гол. Вышеназванное озеро лежит недалеко к западу от Кара-шара, весьма глубоко и обширно [1]. Было бы чрезвычайно интересно обследовать Багараш, но, увы! мы не могли этого сделать ни теперь, ни после, при обратном пути ([16]).

Каждый день к нам приежают под каким-нибудь предлогом аньджаны (сарты), а на той стороне Хайду-гола стоит их пикет, конечно, для наблюдения за нами. К счастью, наш проводник Тохта-ахун удрал тихомолком ночью, иначе ему не миновать бы смерти. Местные тургоуты, как всегда, довольны нашим посещением, хотя и сильно боятся сартов. Посетителей монголов каждый день бывает множество, но все они изгоняются. Стрельба фазанов в лёт производит удивительное впечатление на монголов, которые часто издали следят, как я охочусь...

Делать съёмку крайне трудно; нужно было быть чрезвычайно осторожным, так как с нами вместе ехало шесть аньджанов. Я делал только главные засечки дорогою, отставая, как будто по нужде. При всём том не мог сделать засечку на Кара-шар, так как сарт, указавший нам место этого города, не отставал потом от нас; притом мы вскоре въехали в небольшие холмы, откуда уже нельзя было сделать засечки. Вообще нам сильно не доверяют; всех сбивает с толку наше намерение итти на Лоб-нор, а не в какие-либо населённые местности. Чтобы не давать повода подозрениям, я отказался, по предложению тех же сартов, итти в Кара-шар и направился прямо в Курлю. Сколько впоследствии посыплется на меня нареканий за то, что я не зашёл в Кара-шар! И как легко будет упрекать людям, сидящим в тёплом кабинете!!!

Сегодня в 5 верстах от нашей стоянки переправились вброд через р. Хайду-гол; её ширина там, где одно русло, сажен 30. Большей частью река разбилась на рукава. Глубина брода теперь 3—3½ фута, течение очень быстрое. Летом вода прибывает во время дождей, и тогда перейти вброд нельзя.

* *
*

Простояв семь дней в Хара-мото, мы получили, наконец, разрешение итти в город Корла (но не в Кашгар), через который лежит путь на Лоб-нор. От Хара-мото [Хара-мод] до Корла 62 версты. Мы прошли

[1] По словам калмыков, нужно употребить 8 или 9 дней, чтобы объехать верхом вокруг всего Багараша.

это расстояние в три дня, сопровождаемые теми же личностями, которые приезжали к нам в первый раз. Дорогою, на каждой станции, нам приводили барана и приносили фруктов. Прежде чем достигнуть Корла, необходимо пройти через последний отрог Тянь-шаня ущельем, по которому стремится река Конче-дарья, вытекающая из Багараша в Тарим. Это ущелье имеет вёрст десять длины и чрезвычайно узко. При входе и выходе устроены из глины два укрепления, в которых стоят небольшие караулы.

Лишь только мы прошли в Корла и поместились в отведённом вне города доме, как к нам был приставлен караул под предлогом охранения, в сущности же для того, чтобы не допускать сюда никого из местных жителей, вообще крайне недовольных правлением Якуб-бека. В то же время и нас не пускали в город, говоря: «Вы наши гости дорогие, вам не следует беспокоиться, всё, что нужно, будет доставлено». Но столь сладкие речи были только на словах. Правда, нам каждый день доставляли барана, хлеб и фрукты, но этим и ограничивалось гостеприимство. Всё, что только нас интересовало, что составляло прямую задачу наших исследований, было для нас закрыто. Мы не знали ни о чём далее ворот своего двора. На все вопросы относительно города Корла, числа здешних жителей, их торговли, характера окрестной страны и прочего мы получали самые уклончивые ответы или явную ложь. Так было во время нашего шестимесячного пребывания во владениях Якуб-бека, или, как его подданные называли, «Бадуалета» [1]. Только впоследствии, на Тариме и Лоб-норе, нам удавалось изредка тихомолком выведать кое-что у местных жителей, которые были вообще к нам расположены, но боялись явно выказывать такое расположение. От таримцев же мы узнали, что в Корла, с окрестными деревнями, считается до 6 000 жителей обоего пола. Сам город состоит из двух частей, обнесённых глиняными стенами: старого, населённого торговцами, и новой крепости, в которой живут только войска. Последних во время нашего посещения Корла было очень мало: все ушли в город Токсум, где Якуб-бек, под личным своим надзором, возводил укрепления против китайцев ([17]).

На следующий день по прибытии в Корла к нам явился один из приближённых Бадуалета, некий Заман-бек, бывший русский подданный, выходец из города Нухи в Закавказье и, кажется, армянин по происхождению. Этот Заман-бек, состоявший некогда даже на русской службе, отлично говорил по-русски и с первых слов объявил, что прислан Бадуалетом сопутствовать нам на Лоб-нор. Покоробило меня при таком известии. Знал я хорошо, что Заман-бек посылается для наблюдения за нами и что присутствие официального лица будет не облегчением,

[1] Имя это в переводе означает «счастливец».

но помехой для наших исследований. Так и случилось впоследствии. Впрочем, Заман-бек лично был к нам весьма расположен и, насколько было возможно, оказывал нам услуги. Глубокою благодарностью обязан я за это почтенному беку. С ним на Лоб-норе нам было гораздо лучше, нежели с кем-либо из других доверенных Якуб-бека, конечно, настолько, насколько может быть лучше в дурном вообще ([18]).

Общий очерк октября. От высокого плато Юлдуса южный спуск Тянь-шаня к Кара-шару падает крутой стеной. Разница между высшей точкой перевала с Юлдуса и подножием гор в Джолин-турге 5 600 футов. Такое падение распределяется на 63 версты нашего кружного обхода; между тем, прямым путем по р. Хохрын-гол спуск, я думаю, не превосходит 40 (?) вёрст.

Весь южный склон Тянь-шаня несравненно теплее, чем Юлдус. Через 7—8 вёрст за перевалом уже чувствуется влияние тёплой (осенью) соседней пустыни. Здесь, т. е. за перевалом, на речках в начале октября еще не было вовсе льда, который почти сплошь покрывал в это время речки Юлдуса. По мере спуска по ущелью становилось всё теплее и теплее. На р. Балгантай-голе, на абсолютной высоте 4 800 футов, 10 октября мы встретили еще очень много мошек и ос. За Тянь-шанем, в долине Хайду-гола, температура была ещё выше, и термометр на восходе солнца только однажды упал до—10°, а в полдень в тени температура доходила до+16°. Температура почвы на глубине 1 фута была+7°,2, между тем на Юлдусе, на той же глубине, такую температуру мы находили в половине сентября.

В городе Курле, лежащем за последними отрогами Тянь-шаня и на меньшей абсолютной высоте, нежели долина Хайду-гола, в конце описываемого месяца было очень тепло; на восходе солнца несколько раз выше нуля, в полдень в тени до+10°.

Листья на деревьях (тополь, яблони, груша, ива) в самых последних числах октября еще не совсем опали.

В общем, в течение октября погода стояла ясная, но зато воздух, в особенности в городе Курле, был наполнен постоянно пылью, как туманом. Атмосферных осадков было крайне мало: за целый месяц снег шёл только однажды, да и то на Юлдусе; начиная же от спуска с него, только раз крапал дождь. Сухость воздуха была страшная. Ветры случались часто лишь в первой половине октября, да и то были только слабые; преобладали в направлении северо-западные и юго-западные; во второй половине описываемого месяца большей частью стояли затишья.

* *
*

4 ноября выступили мы из Корла в направлении к Лоб-нору. Кроме людей нашего каравана, с Заман-беком ехал ещё какой-то хаджи и несколько человек прислуги. С первого шага наши спутники заявили себя самым непривлекательным образом. Чтобы не показать города, нас от квартиры повели окольным путём, по полям, и не стыдились уверять, что лучшей дороги нет. Пришлось поневоле прикидываться незнайкой как теперь, так и многое множество раз впоследствии. Тяжело было подобное притворство, в особенности, когда дело шло о горячих научных вопросах. Про самую пустую вещь мы не могли справедливо узнать, не видевши собственными глазами. Нас подозревали и обманывали на каждом шагу. Местному населению запрещено было даже говорить с нами, не только что входить в какие-либо другие сношения. Выходило, что мы шли под конвоем; наши спутники были шпионы — не более. Заман-бек часто, видимо, тяготился подобным положением, но не мог, конечно, изменить своё поведение относительно нас. Впоследствии, на Лоб-норе, когда к нам уже присмотрелись, прежняя подозрительность немного исчезла, но сначала полицейский надзор был самый строгий. Даже каждую неделю являлся гонец от Бадуалета или Токсобая «узнать о нашем здоровье», как наивно сообщал нам Заман-бек.

По всему видно было, что наше путешествие на Лоб-нор не по нутру Якуб-беку, но он не мог отказать в этом генералу Кауфману (19). Ссориться с русскими для Бадуалета теперь было нерасчётливо ввиду близкой войны с китайцами.

Вероятно, для того, чтобы заставить нас отказаться от дальнейшего путешествия, нас повели к Тариму самой трудной дорогой, идя которою, пришлось переправляться вплавь через две довольно большие и глубокие речки: Конче-дарья и Инчике-дарья. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, как легко могли мы обойти по правому берегу первой реки, не делая дважды напрасной переправы. В данном случае, вероятно, нас хотели запугать трудностью переправы вплавь, при морозах, достигавших — 16°,7 С на восходе солнца.

Обе переправы, через Конче и Инчике, мы совершили благополучно, хотя наши верблюды сильно попортились от купанья в холодной воде. Впоследствии, видя, что подобным способом нас удержать нельзя, начали строить на переправах плоты и мостики.

Чтобы попасть на Лоб-нор, мы должны были первоначально итти почти прямо на юг в долину Тарима, расстояние до которого от Корла 86 вёрст. Местность первоначально представляет волнистую равнину, покрытую галькой или гравием и вовсе лишённую растительности. Такая кайма, шириною от 20 до 25 вёрст, местами более, местами менее, сопровождает подножие невысокого, безводного и бесплодного хребта Курук-таг. составляющего последний отрог Тянь-шаня в Лобнорскую

пустыню. Этот Курук-таг, как нам сообщали, стоит по южную сторону озера Баграш и, протянувшись к востоку почти на двести вёрст от Корла, теряется в пустыне глинистыми или песчаными холмами ([20]).

За ближайшей к горам каменистой полосой, резко обозначающей, как мне кажется, берег бывшего моря, расстилаются необозримой гладью пустыни Тарима и Лоб-нора ([21]). Почва здесь состоит или из рыхлой солёной глины, или из сыпучего песка; органическая жизнь крайне бедная. В общем, Лобнорская пустыня самая дикая и бесплодная из всех виденных мною до сих пор в Азии, хуже даже Алашанской ([22]). Но прежде чем перейти к более подробному описанию этих местностей, сделаю краткий гидрографический очерк всего нижнего течения Тарима.

* *
*

Как упомянуто выше, мы должны были, следуя из Корла к югу, пересечь две довольно порядочные речки — Конче-дарья и Инчике-дарья. Первая из них [1] вытекает из озера Баграш, прорывает близ Корла последний отрог Тянь-шаня и, сделав небольшую излучину к югу, направляется затем на юго-восток и впадает в Кюк-ала-дарья — рукав Тарима. Протекая с значительной быстротой по рыхлой глинистой почве, Конче-дарья, равно как и сам Тарим, все его рукава и притоки, вырыли себе глубокие корытообразные русла. Ширина Конче-дарьи там, где мы переправились через неё вторично, от 7 до 10 сажен; глубина 10—14 футов, иногда и более. Менее нежели в десяти верстах к югу от Конче-дарьи, поперёк нашего пути стала Инчике-дарья, которая, пройдя немного к востоку, теряется в солончаках, а в большую воду, быть может, сливается с Конче-дарьёй. После долгих расспросов мы узнали, что Инчике составляет рукав Уген-дарьи, впадающей поблизости в Тарим и притекающей сюда из Мусарта, мимо городов Бай и Сайрам. На меридиане города Бугура от Уген-дарьи справа отделяется рукав, направляющийся прямо в Тарим, а немного ниже, слева, отходит Инчике-дарья.

На Тарим мы вышли там, где в него впадает Уген-дарья, имеющая сажен 8—10 ширины. Сам же Тарим является здесь значительной рекой, сажен 50 или 60 ширины, при глубине не менее 20 футов. Вода здесь светлая, течение весьма быстрое. Река идёт одним руслом и достигает здесь самого высокого поднятия к северу. В дальнейшем тече-

---

[1] Неверно изображаемая на картах и по названию и по направлению.

Река Кум-дарья.

Дельта Кум-дарьи.

нии Тарим стремится к юго-востоку, а затем почти прямо к югу и, не доходя Лоб-нора, впадает сначала в озеро Кара-буран.

У местных жителей описываемая река всего реже известна под именем Тарима. Обыкновенно её называют Яркенд-дарья, по имени Яркендской реки, наибольшей из всех, дающих начало Тариму. Последнее название, как нам объясняли, происходит от слова «тара», т. е. пашня, так как воды Яркендской реки в верхнем её течении во множестве служат для орошения полей.

Верстах в пятидесяти ниже устья Уген-дарьи, от Тарима слева отделяется большой (20—25 сажен шириной) рукав Кюк-ала-дарья, который течёт самостоятельно около 130 вёрст, а затем соединяется с главной рекой. В этот рукав с севера впадает Конче-дарья.

Кроме Кюк-ала-дарья, Тарим в своём нижнем течении не имеет значительных рукавов и идёт большей частью одним руслом ([23]). По берегам, справа и слева, рассыпались болота и озёра. Те и другие, всего чаще, образованы искусственно местными жителями для рыбной ловли и пастьбы скота, которому тростник доставляет единственный корм в этой злополучной стране. Сам Тарим помогает искусственному обводнению его долины. Именно на берега реки, обросшие лесом, кустарниками и тростником, сильные весенние бури наносят кучи пыли и песку, так что мало-помалу эти берега повышаются над окрестностью, в которой та же самая причина, т. е. бури, понижают почву, выдувая верхний слой рыхлой глины. В то же время, вероятно, и уровень реки, постоянно засыпаемой пылью или песком, постепенно понемногу повышается.

При таком явлении стоит лишь прокопать берег, как вода хлынет из реки и затопит более или менее обширное пространство. Сюда, вместе с водой, заходит рыба, а через несколько времени здесь начинает расти тростник. Затем спускная канава засыпается, озеро мелеет, бывшая в нём рыба без труда вылавливается, и на обсохших местах пасутся бараны. Когда тростник съеден, можно повторить прежнюю историю и опять получить впоследствии рыбу и пастбище.

Общий характер местности по всему вышеописанному нижнему течению Тарима один и тот же: на правом берегу реки, невдалеке от неё, тянутся голые сыпучие пески, набросанные невысокими (20—60 футов на-глаз, издали) холмами. Эти пески неотступно сопровождают Тарим до его впадения в озеро Кара-буран, а затем уходят вверх по реке Черчен-дарья и продолжаются на юго-запад почти до города Керии. Так же и вверх по Тариму, от устья Уген-дарьи, голые пески тянутся весьма далеко. Вообще вся площадь между правым берегом Тарима с одной стороны и Прикунлунскими [Прикуэньлунскими] оазисами — с другой, переполнена, как нам сообщали, сыпучими песками и вовсе необитаема.

На левом берегу Тарима пески встречаются гораздо реже и далеко не так обширны. Почва же здесь состоит из рыхлой солёной глины, которая то совершенно оголена, то поросла редкими кустами тамарикса, изредка саксаулом. Эти растения своими корнями скрепляют рыхлую землю, которая в промежутках выдувается сильными ветрами. Те же ветры наносят кучи пыли на кусты и образуют, мало-помалу, под каждым из них бугор, в сажень или две вышиной. Подобные бугры, как в Ала-шане и Ордосе, так и здесь, часто сплошь покрывают обширные пространства.

* *
*

По берегу самого Тарима, его притоков и рукавов растительность несколько разнообразнее, но всё-таки чрезвычайно бедная. Здесь прежде всего являются узкой каймой леса тогрука [разнолистный тополь — туранга] — Populus diversifolia, корявого дерева, достигающего 25—35 футов вышины при толщине ствола, почти всегда внутри пустого, от 1 до 3 футов; в небольшом количестве является джида [лох]—Eleagnus, обширные площади порастают колючкой [джингил] — Halimodendron, кендырем — Asclepias ([24]) и ещё двумя видами кустарников из семейства бобовых. По озёрам и болотам, рассыпанным на обоих берегах Тарима, растут высокие тростники и куга [рогоз] — Typha; как редкость кое-где на влажных местах можно встретить повитель, астрагал и два-три вида сложноцветных. Вот и полный список растительности Тарима с Лобнором [1]. Лугов, травы, цветов здесь нет и в помине.

Вообще трудно представить себе что-либо безотраднее тогруковых лесов, почва которых совершенно оголена и только осенью усыпана опавшими листьями, высохшими, словно сухарь, в здешней страшно сухой атмосфере. Всюду хлам, валёжник, сухой, ломающийся под ногами тростник и солевая пыль, обдающая путника с каждой встречной ветки [2]. Иногда попадаются целые площади иссохших тогруковых деревьев, с обломаными сучьями и опавшей корой. Эти мертвецы здесь не гниют, но мало-помалу разваливаются слоями и заносятся пылью.

Как ни безотрадны сами по себе тогруковые леса, но соседняя пустыня ещё безотраднее. Монотонность пейзажа достигает здесь крайней степени. Всюду неоглядная равнина, покрытая, словно громадными кочками, глинистыми буграми на которых растёт тамарикс. Тропинка вьётся между этими буграми,— и ничего не видно по сторонам; даже далёкие горы на севере чуть-чуть синеют в воздухе, наполненном

---

[1] Притом тогрук и джида растут только по долине Тарима; на Лоб-норе их нет.
[2] Деревья тогрука до того пропитаны солью, что на изломах часто можно видеть выступивший сплошной солёный налёт.

пылью, как туманом. Нет ни птички, ни зверя; только кое-когда встречается красивый след робкого джейрана [в первоначальном тексте — джепрака].

* *
*

Теперь перейдём к царству животных. Из краткой характеристики, сделанной выше, можно видеть, что бассейн нижнего Тарима с Лоб-нором заключает в себе самые невыгодные условия для жизни млекопитающих. Вот полный список здешней маммалогической фауны [т. е. фауны млекопитающих].

Tigris regalis	[тигр]	—обыкновенен, местами много
Felis manul	[дикая кошка—манул]	—обыкновенен
Felis lynx	[рысь)	—говорят, изредка встречается
Canis lupus, Canis vulpes	[волк и лисица]	не часты, даже редки
Lutra vulgaris	[выдра]	—говорят, довольно обыкновенна по рыбным озёрам
Erinaceus auritus	[ушастый ёж]	—редок
Sorex sp.	[землеройка]	—редка (25)
Cervus maral	[олень]	—обыкновенен
Antilope subgutturosa	[антилопа-джейран]	—обыкновенна
Lepus sp.	[заяц]	—довольно много
Meriones sp.	[песчанка]	—редка
Meriones sp.	[песчанка]	—местами обыкновенна
Sus scrofa ferus	[кабан]	—обыкновенен, местами много
Mus sp.	[мышь]	—немного
Camelus bactrianus, ferus	[дикий верблюд]	—к востоку от Лоб-нора, изредка в песках по нижнему Тариму; о нём речь впереди

В общем, фауна млекопитающих Тарима и Лоб-нора весьма бедна по количеству; также не богато и число экземпляров. За исключением лишь кабанов и зайцев, все остальные животные встречаются здесь сравнительно не часто, иные даже редко. При этом описываемая фауна, кроме дикого верблюда, не имеет ни одного исключительно ей свойственного вида. Бо́льшая часть из них встречается и в Тянь-шане; другие же свойственны всей вообще среднеазиатской пустыне.

В пустынях Лоб-нора, т. е. собственно в долине Тарима, охота за зверями представляет огромные трудности. Начать с того, что зверей сравнительно не очень много. Всего более кабанов, затем хара-курюков, а местами тигров и маралов. Кабан и тигр держатся в тростниках; марал частично там же, частью в тогруковых лесах и зарослях колючки; хара-курюк предпочитает местности, более свободные от леса, но не избегает кустарников (тамарикс).

Крайнее безводие составляет главную характерную черту всех здешних лесов и кустарных зарослей. Как там, так и здесь, всюду хлам и сухой валёжник: невозможно ступить шагу, чтобы не сломать сухого сучка или не зашуметь сухими обвалившимися листьями. В тростниковых зарослях ещё хуже — там нельзя пошевелиться без того, чтобы не зашумели сухие стебли камыша; если же итти по такой заросли, то шум шагов в тихую погоду слышен за несколько сот шагов; между тем, сам охотник обыкновенно не видит далее дула своего собственного ружья [1].

Убить кабана в такой гущине дело почти невозможное. Правда, тогда животное подпускает шагов на 20 или 30 и затем уже пускается бежать, но всё-таки увидать уходящего зверя невозможно; только раздаются метёлки камыша в направлении бега. Мне случалось вспугнуть кабана не далее пяти шагов, но и то я не мог даже мельком его видеть, не только что стрелять. Пробовали мы зажигать тростник, чтобы огнём выгнать оттуда кабанов, но, во-первых, необходимо знать наверное, что животное находится в данной местности, а, во-вторых, без ветра здешний тростник, как бы он ни был густ, — не горит; ветров же в этих местах зимою вовсе не бывает. Остаётся одно — караулить на свежих копаньях, но сидеть холодно, притом ночи темны, да, наконец, трудно отыскать подобные места не знакомому с местностью человеку.

Тем не менее охота за кабанами, при многочисленности этих зверей, всё же обещает больший успех, нежели хождение за тиграми, маралами и хара-курюками. Правда, местами, именно между р. Конче-дарьёй и деревней Ахтармой — тигров сравнительно много (почти как у нас волков); иногда в день можно увидеть десятки следов, но этот зверь почти исключительно бродит за добычею ночью, днём же скрывается в густейших тростниках. Пробовали мы отравить тигра мясом им же задавленной коровы; положили несколько сильных приёмов Cali cyanicum; зверь ночью же съел два или три таких заряда, катался по земле и извергал рвоту, когда началось действие яда, но всё-таки имел силу уйти, быть может, и недалеко. Утром следующего дня мы начали следить отравившегося тигра, но это оказалось невозможным. Множество следов этого зверя и его другого товарища, приходившего в ту же ночь к той же приманке, перекрещивались в различных направлениях в тростниковых зарослях; притом на сильно мёрзлых местах следа вовсе не было видно,— и мы не могли найти свою добычу. Другого тигра мы караулили целую ночь на той же самой корове, но

[1] Весною же в подобных тростниковых зарослях охотника беспрерывно обсыпает солёной пылью, насевшей на метёлки тростника во время бури [приписка на полях в дневнике].

зверь не пришёл, быть может, оттого, что также хватил яду. Для карауления подобного зверя нужна светлая ночь; да притом просидеть на морозе, в одном и том же положении, не кашлянув, 13 часов, зимней ночью — чересчур тяжело.

Хара-курюка также чрезвычайно трудно увидеть среди бугров, поросших кустами, какова вся здешняя пустыня; притом вспугнутого, хотя бы на 200 или 300 шагов, невозможно стрелять в бег, так как зверь в один или два прыжка скрывается из глаз. Ещё меньше надежды на успех представляет охота за маралами. Сам зверь редок, притом весьма осторожен, да и держится в густых кустах, иногда даже в тростниках. В таких местностях подкрасться к маралу невозможно, и крайне трудно наперёд его заметить. Разве случайно как-нибудь набежит по более редким или низким кустам, — тогда можно стрелять в бег. Конечно, на близком расстоянии этого не будет, и выстрел сделается наудачу.

Словом, во всё время своих прежних путешествий я нигде не встречал местности, более непригодной для охоты, как долина Тарима. В течение целого месяца мы вшестером не убили никого, я сам даже и не видал ни одного зверя. Местные жители изредка бьют хара-курюков и маралов, подкарауливая их на местах покормки, но для подобной охоты нужно слишком много времени, которым мы не могли широко располагать при постоянных передвижениях с места на место [1].

Не особенно богата также таримская долина и птицами, хотя, повидимому, лесная местность и тёплый климат должны бы были привлекать сюда многих пернатых на зимовку. Но такому явлению мешает весьма важная причина — отсутствие корма. За исключением джиды, и то сравнительно не обильной, здесь нет ни одного кустарника, нет также и трав со съедобными семенами. Рыба же, моллюски и другие мелкие животные болот или озёр зимой большей частью недоступны птицам. Вот почему на Тариме не зимуют ни водяные, ни голенастые [2], хищников также очень мало; из певчих обилен на зимовке лишь один вид — Turdus atrogularis [чернозобый дрозд]; из голубиных встречено зимой три вида, но не на Тариме, а в оазисе Чархалык [Чарклык, или Жоцзянь], верстах в 40 к юго-востоку от озера Кара-буран.

[1] За всё время своего пребывания на Тариме и Лоб-норе (около трёх месяцев) мы убили только (вшестером) трёх хара-курюков [джейранов] и одного кабана. правда, весной на Лоб-норе и на обратном пути по Тариму мы вовсе не охотились за зверями [приписка внизу страницы].

[2] Хотя в конце ноября мы встречали на Тариме редкие единичные экземпляры Carbo cormoranus, Anas clypeata, Harelda glacialis, Larus brunneicephalus [баклан, широконоска, морянка, тибетская буроголовая чайка], но то были, несомненно, отсталые, которые впоследствии, быть может, и улетели. Кроме того, на самом Лоб-норе, в незамерзающих местами камышах, изредка зимуют, как нам сообщали местные жители, Botaurus stellaris, Cygnus olor? [выпь и лебедь-шипун].

Вот список птиц, найденных зимой в Таримской долине:

Vultur cinereus	[гриф]	—залетает из Тянь-шаня
Aquila fulva	[беркут]	очень редки
Aquila bifasciata	[степной орёл]	
Buteo sp.	[канюк]	—замечен лишь однажды
Astur palumbarius	[тетеревятник]	—редок
Accipiter nisus	[переплятник]	—обыкновенен
Falco aesalon	[дербник]	—редок
Tinnunculus alaudarius	[пустельга]	—обыкновенен, оседлый
Circus rufus	[камышовый лунь]	—оседлы; частью, вероятно, и зимующие
Circus cyaneus	[полевой лунь]	
Otus vulgaris	[ушастая сова]	—редки
Otus brachyotus	[болотная сова]	
Athene plumipes	[китайский домовый сыч]	—найден лишь в Чархалыке
Corvus corax	[ворон]	—оседлый, редок
Corvus cornix	[ворона]	—найдено лишь несколько экземпляров в Чархалыке; здесь крайний восточный пункт этого вида
Corvus orientalis	[ворона]	—оседла, часта
Pica caudata	[сорока]	—оседла, редка
Podoces tarimensis n. sp.	[саксаульная сойка]	—оседла, обыкновенна
Passer montanus	[полевой воробей]	—оседлы
Passer ammodendri	[саксаульный воробей]	
Carpodacus rubicilla	[большая чечевица]	—зимует, немного
Erythrospiza obsoleta	[пустынный вьюрок]	—оседла, редка
Cynchramus schoeniclus	[камышовая овсянка]	—оседлы, обыкновенны
Cynchramus pyrrhuloides	[камышовая овсянка]	
Turdus atrogularis	[чернозобый дрозд]	—зимует, много
Myorhoneus temminckii	[синяя птица]	—зимует, очень редко
Ruticilla erythronota	[рыжеспинная горихвостка]	—зимует, очень редко
Rhopophilus deserti. n. sp.	[горихвостка]	—обыкновенна, оседла
Cyanistes cyanes	[князёк]	—оседлый, редок
Panurus barbatus	[усатая синица]	—очень много, оседла
Leptopoecile sophiae	[славковидный королёк]	—редок
Anthus pratensis?	[луговой конёк]	—зимует редко, гнездится
Alauda arvensis	[жаворонок]	—очень редок, оседлый
Alaudula leucophaea?	[серый жаворонок]	—оседлый, часто
Galerida magna	[хохлатый жаворонок]	—оседлый, часто
Lanius homeyeri?	[серый сорокопут]	—зимует, редок
Upupa epops	[удод]	—зимует, найден только в Чархалыке
Picus sp.	[дятел]	—оседлый, весьма обыкновенен(26)
Syrrhaptes paradoxus	[саджа, или копытка]	—редка, оседла
Turtur vitticollis	[китайская горлица]	найдены лишь в Чархалыке
Turtur sp.	[горлица]	
Columba oenas	[клинтух]	
Harelda glacialis	[морянка]	—убит один экземпляр в ноябре
Anas clypeata	[широконоска]	—редкие единичные экземпляры встречались только в ноябре
Carbo cormoranus	[баклан]	
Larus brunneicephalus	[тибетская буроголовая чайка]	
Botaurus stellaris	[выпь]	как говорят, зимуют в малом числе в незамерзающих камышах Лоб-нора
Cygnus olor?	[лебедь-шипун]	

Бо́льшая часть перечисленных видов встречена нами также в долине Хайду-гола и близ города Корла. Кроме того, здесь найдены: Corvus frugilegus [грач], C monedula [галка], Coturnix communis [перепел], Cychramus polaris [полярная овсянка], Columba rupestris [каменный голубь], Perdix daurica [серая даурская куропатка], Caccabis chukar [кэклик]; три последние — горные виды. Вообще, в оазисах под Тянь-шанем, обильных пищей, должно, мне кажется, зимовать гораздо больше птиц, нежели на Тариме и Лоб-норе.

Из перечисленных 48 видов, встреченных нами зимой на Тариме[1], новыми оказываются два вида. Первый из них, названный мною Rhopophilus deserti, найден был мною же в прошедшую экспедицию в Цайдаме. Имея тогда всего два или три экземпляра, я не решился сделать особый вид; назвал его разновидностью — Rhopophilus pekinensis, Swinh. var. major[2]. Теперь же, убедившись на многих экземплярах в постоянстве признаков (больший рост, бледное оперение), отличающих среднеазиатского Rhopophilus от китайского, делаю его новым видом и называю «deserti» [т. е. пустынный], так как описываемая птица свойственна исключительно пустыне. Севернее Тянь-шаня новый Rhopophilus не распространяется; его нет также и в нашем Туркестанском крае.

Другая, крайне интересная находка между таримскими птицами,— это новый вид Podoces [саксаульная сойка]. До сих пор известно было только три вида этого ро́да[3]. Теперь отыскался четвёртый, который назван мною Podoces tarimensis[4]. По своему характеру новооткрытый Podoces не отличается от близкого к нему Podoces hendersoni [монгольская саксаульная сойка); севернее Тянь-шаня и в наш Туркестан не распространяется.

---

[1] Птицы, найденные здесь весною, перечислены далее.

[2] Монголия и страна тангутов, т. II, отдел II, стр. 32.

[3] Podoces panderi, P. hendersoni, P. humilis.

[4] Т. е. таримская, так как названный вид найден впервые на Тариме и, как кажется, свойственен исключительно бассейну этой реки. Вот краткое описание новооткрытого Podoces: цвет туловища чалый или желтовато-песочный, более густой на верхней части тела. Живот, верхние и нижние кроющие хвоста и сам хвост мутно-белы; стержни рулевых чёрные, на двух средних сопровождаются узкими чёрными полосками. Верх головы и крылья цвета воронёной стали. Большие махи имеют широкую белую поперечную полосу; вторичные маховые снабжены только белыми вершинами; прибавочное крылышко белое. Большие кроющие крылья также стального цвета; плечевые перья, малые, и средние кроющие одноцветны со спиною; подбой крыльев чёрный. Щёки чёрные; подбородок и верхняя половина горла просвечивают чёрным цветом сквозь беловатые вершины перьев, кончики которых не стираются и весной. Перья, прикрывающие ноздри, уздечка, брови и полоса под глазами одноцветны с туловищем. В крыле 3, 4 и 5-е маховые, равные между собой, самые длинные; 6-е лишь немного их короче, 7-е более 2-го; 1-е вдвое длиннее верхних кроющих. Клюв и ноги чёрные, зрачок тёмнокоричневый. Главнейшие размеры: общая длина — 12½ дюймов, размах крыльев 18½ дюймов; длина сложенного крыла 6 дюймов, длина хвоста 4,1 дюйма; длина плюсны 1,9 дюйма: клюв от зевков 2,1 дюйма. Оба пола почти равны по величине. [См. примечание редактора № 26].

Из рыб, как в Тариме, так и в самом Лоб-норе, водятся лишь два вида: маринки и другой [из] семейства Cyprinidae [карповых] — мне неизвестный [1]. Оба эти вида, в особенности первый, весьма многочисленны и составляют главное питание местных жителей ([27]).

* *
*

Население начинает встречаться вниз по Тариму ([28]) от устья Уген-дарьи и в административном отношении разделяется на два участка: таримцев или куракульцев [2] и собственно лобнорцев или каракурчинцев [3]. Скажем теперь несколько слов о первых. Каракурчинцы же будут описаны при рассказе о самом Лоб-норе.

Как нам сообщали, нынешние обитатели Тарима жили первоначально на озере Лоб-нор и рассеялись по Тариму лет сто назад, вследствие уменьшения рыбы в самом озере и частых грабежей калмыков. Было ли ранее того население по Тариму, — узнать мы не могли. Верно лишь то, что к переселенцам с Лоб-нора постоянно примешивались беглые, быть может, и ссыльные, из различных местностей Восточного Туркестана. Оттого нынешние таримцы, несомненно, принадлежащие арийскому племени, отличаются крайним разнообразием своих физиономий. Здесь можно встретить типы сартов, киргизов, даже тангутов, иногда перед вами является совершенно европейская физиономия; изредка попадается и монгольский тип.

В общем, все жители Тарима отличаются бледным цветом лица, впалой грудью и вообще несильным сложением. Роста мужчины среднего, часто высокого; женщины малорослее. Впрочем, женщин мы видали редко.

Если нам иногда и случалось заходить в обиталище таримца, то местные барышни и дамы тотчас пускались на уход, пролезая, словно мыши, сквозь тростниковые стены своих жилищ. Наш спутник Заман-бек, имевший более нас возможность видеть и изучать прекрасный пол на Тариме, сообщал не особенно лестные отзывы о тамошних красавицах, за исключением лишь одной блондинки, встреченной в деревне Ахтарма. Эта блондинка, среди своих черноволосых и черноглазых соотечественниц являлась аномалией и, по всему вероятию, была оставшимся souvenir'ом, после посещения этих местностей в 1862 г. партией русских староверов, о чём речь впереди.

Относительно языка таримцев (как и лобнорцев) могу сказать лишь

---

[1] В своей коллекции мы имеем несколько отличных экземпляров лобнорских и таримских рыб.

[2] По имени озера Кара-куль, вблизи которого живёт ахун, заведующий управлением населения по нижнему Тариму.

[3] Правильнее «каракошунцев» от слова кара-кошун, т. е. чёрный кошун (участок) [хошун, т. е. удел, феодальное владение, округ; хошун — монгольское слово].

Антилопа джейран.

то, что наш переводчик, таранча из Кульджи, везде свободно объяснялся на Тариме и Лоб-норе, из чего можно заключить, что различие таранчинской и сартской речи от говора туземцев не велико. Самому мне, при совершенном незнакомстве с каким-либо из названных языков, невозможно было сделать никаких личных наблюдений; переводчик же был слишком глуп, чтобы помочь в данном случае.

Религия всех жителей Тарима (и Лоб-нора) магометанская, впрочем, с примесью некоторых языческих обрядов. Так, например, покойников хоронят непременно в лодках и кладут туда, или обтягивают вокруг могилы часть сетей, принадлежавших умершему.

Жилища таримцев делаются из тростника, в изобилии растущего по болотам и озеркам таримской долины. Постройка такого обиталища крайне незатейлива. Первоначально вбиваются в землю, по углам и в середине фасов новоустраиваемого жилья, неотёсанные столбы тограка, поверх которых кладут связанные брёвна и жерди на потолке. Затем бока обставляются тростником, кое-как связанным, тростником же постилается и потолок, в котором делается небольшое квадратное отверстие для выхода дыма. В середине подобной комнаты располагается очаг; возле стен, на полу, на войлоках или чаще на тростнике спят хозяин и его семья; для женщин имеются иногда особые отделения. По бокам стен устраиваются полки, на которых складывается посуда и прочие вещи. Рядом с жилищем семьи делается также тростниковая загородка для скота.

С десяток, иногда менее, иногда более, вышеописанных домов скучиваются в одну деревню. Места таких деревень не постоянны. Зимой таримцы живут там, где больше топлива и корма для скота; летом расходятся по озёрам для удобства рыбной ловли.

Впрочем, главной причиной, заставляющей таримцев покинуть место прежней деревни, служит болезнь кого-либо из её обитателей. В особенности боятся в здешних местах оспы, которая, за редкими исключениями, всегда кончается смертью. Заболевшего оспой бросают на произвол судьбы. Оставив несчастному немного пищи, вся деревня тотчас же переходит на другое место и не заботится об участи своего прежнего товарища. Если он выздоровеет, что, как сказано выше, случается редко, — то возвращается к своим родным; если же больной оспой умрёт, то никто не позаботится о его погребении. На могилах, которые иногда нам случалось встречать, втыкают длинные шесты и на них вешают различные тряпки, маральи рога, хвосты диких яков [1] и тому подобные украшения.

Одежда таримцев состоит из армяка и панталон; под армяк надевается длинная рубашка, зимой носится баранья шуба. Немногие,

---

[1] Это животное находится в горах к югу от Лоб-нора.

самые достаточные, да и то в редких случаях, надевают халат и чалму. Сапоги только у зажиточных; бедные носят зимой, поверх войлочных чулок, самодельные чирки (башмаки), летом же ходят босыми. На голове таримцы носят зимой мерлушковые шапки с отвороченными полями, летом войлочные шляпы.

Женщины носят короткий халат вроде кацавейки; халат этот редко опоясан, как у мужчин, но всегда оставлен нараспашку. Под халатом также рубашка; на ногах панталоны, которые, как у мужчин, закладываются в сапоги. На голове у женщин также меховая шапка; под неё одевается белое полотенце, которое опускается на спину, а передними концами иногда завязывается на подбородке. Мужчины бреют всю голову. Женщины заплетают две косы сзади, а на висках опускают волосы до половины щёк и подстригают их. Незамужние девушки носят только одну косу сзади.

Предметы одежды и домашнего обихода таримцы получают из города Корла от приезжающих торговцев, частью же приготовляют сами. Холст выделывается из бараньей шерсти или из волокон кендыря, в изобилии растущего по долине Тарима. Осенью и зимой собирают иссохшие стебли этого растения, перетирают их сначала палками или руками и полученные волокна варят в воде; затем очищают его от костры, снова варят и расчёсывают окончательно. Прядут женщины особым веретеном. Из пряжи, с помощью незамысловатого станка и челнока, ткут холст, весьма прочный и иногда даже довольно изящный по выделке.

Кроме приготовления холста и кое-какой выделки звериных или бараньих шкур, таримцы не знают иных ремёсел; впрочем, изредка между ними попадаются кузнецы и сапожники.

Рыболовство составляет главное занятие жителей Тарима, а рыба главный предмет продовольствия. Для рыбной ловли употребляют небольшие сети грубой работы. Способ рыболовства будет изложен ниже. Здесь же скажу, что, проводя на воде бо́льшую часть своей жизни, таримцы, как мужчины, так и женщины, отлично ездят в челноках. Последние делаются из выдолбленных стволов тогрука и составляют непременную принадлежность каждого хозяйства.

Подспорьем к рыбной пище служат корни кендыря; их поджаривают на огне и едят вместо хлеба, которым пользуются лишь немногие зажиточные.

Земледелие по нижнему Тариму весьма незначительно и появилось здесь, как нам сообщали, не более десяти лет назад. Почву для посева орошают арыками. Из хлебов сеют пшеницу и в меньшем количестве ячмень. Урожай бывает не особенно хорош, так как почва везде слишком солонцевата.

Гораздо более, нежели земледелие, на Тариме развито скотовод-

ство, главным образом, разведение баранов. Эти последние дают здесь отличное руно, но мелки ростом и с маленьким курдюком. Кроме баранов, таримцы держат рогатый скот, отличной, крупной породы, в небольшом числе лошадей и ещё реже ослов; собаки очень редки на Тариме. Верблюдов нет вовсе, так как местность для них непригодна. Для скота здесь везде один и тот же корм — тростник; кроме того, бараны охотно едят стручки колючки.

Религиозный фанатизм здесь невелик. Семейный быт, по всему вероятию, тот же, что и у других туркестанцев. Жена — хозяйка в доме, но раба мужа. Последний может, когда захочет, прогнать свою жену и взять другую или держать несколько жён вместе. Жениться можно на самое короткое время, даже на несколько дней.

Из привычек описываемого населения резко бросается в глаза сноровка громко и скоро говорить. Если беседуют несколько таримцев, то можно подумать, что они ругаются между собой. Удивление выражается чмоканьем и приговариванием: «иóба, иòба». В административном отношении обитатели Тарима, равно как и лобнорцы, ведаются правителем города Корла, куда и платят свои подати ([29]).

* *
*

Теперь, после долгого отступления, будем продолжать о самом путешествии.

Переправившись, как упомянуто выше, вплавь через реки Конче и Инчике, мы вышли на Тарим в том месте, где в него впадает Уген-дарья. Отсюда, сделав ещё переход, добрались до деревни Ахтармы [1], самого большого из всех таримских и лобнорских селений. Здесь имеет местопребывание управитель Тарима — некий Азлям-ахун. Несмотря на свой громкий титул, который, как нам переводил Заман-бек, означает «наиучёнейший человек», этот ахун совершенно безграмотен.

В Ахтарме мы простояли восемь дней, так как лесная местность изобиловала птицами, а по тростникам водилось много тигров. Несмотря на ревностное преследование последних, ни мне, ни моим казакам не удалось увидеть желанного зверя. Впрочем, двух тигров мы отравили ночью на приманке, но, несмотря на то, что звери съели большие приёмы синеродистого калия, они всё-таки имели еще силы уйти в густейшие тростники, где наши поиски оказались напрасными. Впоследствии мы приобрели три хорошие тигровые шкуры от местных жителей, которые добывают этого зверя также посредством отравы.

---

[1] Невдалеке отсюда, на противоположной стороне Тарима, лежит озеро Каракуль, по имени которого таримцы получили своё название каракульцев.

В Ахтарме было сделано астрономическое наблюдение долготы и широты, а барометром измерена абсолютная высота. Последняя достигает 2 500 футов[1]. Озеро Лоб-нор поднимается над уровнем моря на 2 200 футов (30), так что нижний Тарим имеет сравнительно небольшой наклон. Тем не менее течение в описываемой реке весьма быстрое; оно достигает, при среднем уровне воды, около 180 футов в минуту[2].

Из Ахтармы путь наш лежал вниз по Тариму. Шли, то удаляясь, то приближаясь к названной реке, которая в своём нижнем течении не имеет долины в том смысле, как мы привыкли понимать это слово. Ни форма поверхности, ни качество почвы не изменяются даже возле самой реки. Так же глинистая равнина, тот же сыпучий песок, как в соседней пустыне, так и за сотню шагов от воды. Только узкая кайма деревьев, местами густые тростники да болота и озёра обозначают неширокую площадь орошённого пространства[3]. Итти с верблюдами весьма трудно, так как приходится пробираться то по лесу, или густым колючим кустарником, то иногда по возвышенному тростнику, корни которого, словно железная щётка, изранивают до крови верблюжьи пятки.

Отойдя всего 7 верст от места ночлега, мы пришли к рукаву Тарима, очень глубокому и сажен 25 шириной. Через этот рукав необходимо переправляться, что совершенно невозможно теперь, когда по утрам бывают двадцатиградусные морозы. Дождаться же пока река замерзнёт, очень долго, так как днём всегда бывает тепло. До сих пор нас уверяли, что после Инчике-дарьи переправы вплавь уже не будет более, а Тарим перейдём по льду. Настоящую переправу скрывали, не желая, чтобы мы оставались где-либо долгое время. Опять, в самых резких выражениях, я выговаривал Заман-беку, что этот случай и десятки ему подобных... Несомненно, что виною всему сам Якуб-бек и Токсобай. По их, конечно, приказанию, нас ведут самой скверной дорогой и постоянно во всём обманывают[4]. Притом же с Заман-беком едет целая орда; у жителей продовольствие (бараны, мука и пр.) и вьючный скот берутся даром. Всё зло, следовательно, в том, что с нами едет Заман-бек. Дорогой вся эта ватага отправляется вперёд, травит ястребами зайцев, поёт песни. На ночёвках вместе с посетителями собирается всегда человек 20; пять раз в день во всё горло орут молитвы. Понятно, что при таких условиях невозможно увидать,

---

[1] Город Корла имеет 2 600 футов абсолютной высоты.

[2] Беру среднюю цифру. Мерили дважды: в начале декабря, ниже устья Кюкала-дарья и в начале марта близ озера Лоб-нор. В первом случае скорость течения получилась 192 фута в минуту, во втором — 170 футов в тот же период времени.

[3] Впрочем от устья Урген-дарьи до деревни Ахтармы таримская долина резко обозначена; она имеет здесь 5—6 вёрст ширины и почти сплошь болотиста.

[4] Дороги по Тариму лучшей нет: в этом мы убедились впоследствии на обратном пути [приписка на полях дневника].

не только что убить какого-либо зверя. Если бы не громадная важность исследования Лоб-нора в географическом отношении, я бы вернулся назад. За дикими верблюдами можно было бы сходить и из Цайдама. Не раз уже чуть-чуть не срывалось у меня [желание] обругать всю эту сволочь, этих мерзавцев, но я сдерживался во имя исследования Лоб-нора. Притом большая сравнительно экспедиция, какова теперь наша, не только бесполезна, но даже вредна в пустынях Азии. Опытом я убеждаюсь теперь в этом. С таким караваном, как теперь у нас, 24 верблюда, из них 18 вьючных, невозможно ни скоро итти, ни останавливаться в удобных местах. Идеальная экспедиция в Азии должна состоять из 6 человек: начальник, его помощник и четыре казака. Лишние люди — напрасная обуза. Дело тут не в количестве, а в качестве. При 6 казаках важны только ночные караулы, но их можно отменить, имея хороших собак. Движение большого каравана медленно потому, что при всех переправах или вообще трудных местах приходится тратить несравненно больше времени, нежели с караваном небольшим; верблюды чаще отрываются и т. п. В Тибет я не возьму с собой более 4 человек.

Переправившись на плоту через Кюк-ала-дарью, рукав Тарима, мы, как и прежде, шли небольшими переходами, останавливаясь большей частью возле деревень.

Заман-бек и его свита первое время ехали неотлучно при нас, но впоследствии, убедившись, что мы ничего особенного не делаем, обыкновенно уезжали вперёд на место ночлега.

Местное население, по пути нашего следования, несомненно, заранее получило приказание обманывать нас во всём, чего только мы не можем увидеть собственными глазами. Притом же и сами таримцы, не видавшие русских и, вероятно, наслышавшись про нас различных небылиц, первоначально бегали от нас, как от чумы. Да, наконец, видя, что «дорогих гостей», словно шпионов, ведут окольной дорогой и под конвоем, местное население, конечно, могло заподозрить в нас недобрых людей, тем более, что цель нашего путешествия была совершенно непонятна для туземцев. Как некогда в Монголии и Гань-су, так и теперь на Тариме, обитатели этих стран решительно не верили тому, что можно переносить трудности пути, тратить деньги, терять верблюдов и так далее только из желания посмотреть новую страну, собрать в ней растения, шкуры зверей, птиц и пр.,— словом, предметы никуда не годные и решительно ничего не стоящие. Под влиянием подобного настроения усердие таримцев относительно обманывания нас часто преступало границы и доходило до ребячески глупого.

Единственный человек, через которого мы могли узнавать кое-что более подходящее к истине, это был Заман-бек. Но он плохо знал

местный язык; притом же и самого Замана часто обманывали, подозревая его в излишнем расположении к русским.

Для продовольствия во время пути нам доставляли баранов, которые отбирались даром у местных жителей. С нас также не брали денег за этих баранов [1], несмотря на мои настояния. Впоследствии, чтобы отплатить за полученных баранов, я подарил беднейшим жителям Лоб-нора сто рублей. На Тариме же было запрещено окончательно брать деньги, и местный ахун объявил нам, что у него нет бедных.

Общий очерк ноября. Ноябрь, проведённый нами в пустынях Тарима, на одной и той же абсолютной высоте, характеризовался одинаковой ясной и тёплой погодой. Правда, ночные морозы, сильно увеличившиеся вдруг в первых числах месяца, доходили на восходе солнца до — 21°,4, но днём всегда было тепло в ясную тихую погоду. При наблюдении в 1 час пополудни ни разу не было ниже+0°,8; иногда же термометр показывал в это время даже в половине месяца+5°,1, а на солнце поднимался в конце месяца до+6°,3. Случалось, что на солнечном пригреве иногда пролетала муха, а 7-го числа мы ещё видели стрекозу. Погода постоянно была превосходная, ясная. С восходом солнца температура повышалась быстро, но так же быстро падала вечером. Температура почвы, даже в конце месяца, доходила до+2° на глубине 2 футов, на 1 фут было — 0°,2; сверху земля промерзала только на 2—3 дюйма, притом днём опять немного оттаивала. То же было и с водою. Болота и озёра замерзли окончательно только к концу ноября. Река Тарим и даже его рукава были в это время еще совершенно свободны от льда; ходя по утрам шла небольшая шуга, но днём она растаивала. Ветров было крайне мало, и то лишь слабые, обыкновенно же погода стояла тихая. Сухость воздуха была чрезвычайно велика. Дождя или снега не падало ни разу. По ночам, в долине Тарима, по болотам, тростник и кустарники постоянно покрывались инеем, который сходил лишь часам к десяти утра. Хотя ветров сильных вовсе не было, но воздух был постоянно наполнен пылью, как туманом. Далёкие горы на севере, даже в более прозрачные дни, только неясно синели. Эта же пыль мешала астрономическим наблюдениям.

Барометрические наблюдения не совсем удобно было производить в юрте. Барометр, принесённый со двора, имел всегда более низкую температуру, нежели воздух в юрте. Ртуть в маленьком термометре скорее нагревалась, нежели в барометрической трубке; ради этого приходилось ждать некоторое время, между тем инструмент сильно пылился.

[1] Баран на Тариме и Лоб-норе стоит 5—7 теньге, т. е. 65—90 копеек на наши деньги.

Пройдя 190 вёрст вниз по Тариму [1], мы достигли того места, где Кюк-ала-дарья снова соединяется с главной рекой. Здесь мы вторично переправились (на плоту) через Тарим, который, на месте переправы, называемой Айрылган, имеет лишь 15 сажен ширины, при глубине 21 фут [2].

9 декабря. Мы за Таримом. Пройдя 5 вёрст, пришли на берег Тарима, через который переправились на плоту. Ширина реки здесь сажен 15, глубина 3 сажени; течение довольно быстрое. Вступление на Тарим ознаменовалось для меня неожиданным сюрпризом. Перед вечером я поехал с казаком Бетехтиным на другую сторону Тарима охотиться за фазанами. Лодка была, как и все суда на Лоб-норе, из выдолбленного ствола тогрука. Вместе с нами в лодку был взят и Оскар [собака]. Переехали хорошо, но у противоположного берега наехали на бревно; начали с него сниматься,— лодка опрокинулась, и мы полетели в воду, окунувшись с головой. Оскар выплыл тотчас же на берег, мы же ухватились за обернувшуюся лодку, и нас понесло вниз по течению. Начало относить на средину; между тем, казаки на противоположном берегу, не имея лодки, не могли подать нам помощи. Лодка, за которую ухватился я с казаком, от неравновесия тяжести начала вертеться, и с каждым её поворотом мы окунались в воду. Тогда я бросил лодку и поплыл к берегу, до которого, правда, было не более 10 или 12 шагов, но на мне, кроме тёплого одеяния, были надеты ружья, сумка и патронташ. Однако опасность придала силы,— я доплыл до берега и вылез на него. Казак же, не решившись плыть, влез на лодку, и его несло по течению. Между тем, услыхали в деревне, и прибежавшие жители бросили Бетехтину верёвку, за которую вытащили его на берег. Затем мы, уже на плоту, переплыли обратно на свой берег. Тотчас мокрое платье было снято, я вытерся спиртом и напился горячего чаю. Затем, переодевшись, отправился, но уже на своём берегу, за фазанами, чтобы согреться хорошенько ходьбою. Конечно, не особенно приятно попасть в воду в декабре, но зато я первый купался в Тариме!

Соединившись с Кюк-ала-дарьей, Тарим снова достигает 30—35 сажен ширины и сохраняет такие размеры до впадения в озеро Кара-буран. Верстах в пятнадцати выше этого впадения, на правом берегу описываемой реки выстроено небольшое, квадратной формы, глиняное укрепление (курган), в котором, во время нашего перехода, помещалось лишь несколько солдат из Корла.

---

[1] Считая от устья Уген-дарьи.

[2] На переправе Айрылган я с одним из казаков вывалился в Тарим из лодки. По счастью, мы успели выплыть на берег и отделались лишь купаньем в холодной воде (9 декабря).

Погода за всё время нашего пути по Тариму, т. е. в течение ноября и первой половины декабря, стояла отличная — ясная и тёплая. Правда, ночные морозы доходили до 22°,2 С, но лишь только показывалось солнце, температура быстро повышалась, так что в полдень в первый раз ниже нуля (в тени) была наблюдаема лишь 19 декабря. К этому времени, вероятно, замёрз и Тарим, хотя, может, и не сплошь. Ветры дули лишь изредка и притом слабые; воздух был чрезвычайно сухой и постоянно наполнен пылью, как туманом (31). Атмосферных осадков не выпадало вовсе. По словам местных жителей, снег на Тариме и Лоб-норе выпадает как редкость, раз или два в три, четыре зимы; лежит обыкновенно лишь несколько дней, иногда и того меньше; дожди летом также крайне редки.

* *
*

От вышеупомянутого глиняного форта на Тариме мы направились не на Лоб-нор, до которого уже было недалеко, а прямо на юг, в деревню Чархалык[1], заложенную лет тридцать назад ссыльными, а частью добровольными переселенцами из Хотана. В настоящее время описываемая деревня состоит из 21 двора[2] и глиняного форта, в котором помещаются ссыльные[3]. Они обязаны заниматься хлебопашеством на пользу казны; прочие же жители сеют для себя. Вода для орошения полей получается из р. Чархалык-дарья, вытекающей из соседних гор. Эти горы стоят на южной стороне Лоб-нора, достигают громадных размеров и известны под именем хребта Алтын-таг (32).

Верстах в трёхстах[4] к юго-западу от Чархалыка на р. Черчен-дарья лежит небольшой город Черчен[5], правитель которого ведает Чархалыком. От Черчена далее к юго-западу десять дней пути до большого оазиса Ная [Ния] (900 дворов), откуда через три дня приезжают в город Керия, имеющий, как нам сообщили, до трёх тысяч домов. Из Керии, через город Чжира [Чира], путь лежит в Хотан. Последний, равно как Керия и Черчен, находится в зависимости от Якуб-бека кашгарского.

В одном дне пути от Керии в горах добывают золото. Золотые рудники находятся также в пяти переходах от Черчена, в верховьях Черчен-дарьи. Здесь, как нам говорили, ежегодно добывают около шестидесяти пудов золота, поступающего в казну Якуб-бека.

---

[1] Причина, почему мы не пошли прямо на Лоб-нор, заключалась в том, что наши спутники находили для себя удобнее зимовать в Чархалыке. При этом нас опять обманули, уверяя, что прямого пути на Лоб-нор нет.

[2] В том числе 9 дворов лобнорцев.

[3] 114 человек обоего пола.

[4] Одиннадцать дней пути на вьючном осле.

[5] Не есть ли это Ч а ч а н Марко Поло? В Черчене, как нам говорили, в настоящее время не более 30 дворов, но за достоверность подобного нельзя ручаться.

На том месте, где ныне расположен Чархалык, видны развалины глиняных стен старинного города, который нам называли Оттогуш-шари[1]. Эти развалины имеют около трёх верст в окружности; впереди главной стены были выстроены сторожевые башни. Кроме того, в двух днях пути от Чархалыка к Черчену лежат, как нам сообщали, развалины другого города — Гас-шари. Наконец, близ Лоб-нора мы нашли остатки третьего города, весьма обширного. Это место зовётся просто Коне-шари [Куня-шаар], т. е. старый город.

Город, несомненно, весьма древний, так как время сильно уже поработало над ним. Среди совершенно голой равнины лишь кое-где торчат глиняные остовы стен и башен. Большей частью всё это занесено песком и мелкой галькой. Город, вероятно, был обширный, так как площадь, занимаемая развалинами, пожалуй, имеет верст пятнадцать в окружности. Могильная тишь царит теперь на этом месте, где некогда кипела людская жизнь, конечно, со всеми её страстями, радостями и горестями. Но всё прошло бесследно, как мираж, который один играет над погребённым городом...

От местных жителей мы не могли узнать никаких преданий о всех этих древностях.

К лучшим результатам привели расспросы относительно давнего пребывания русских староверов на Лоб-норе. О них рассказывали нам лица, видевшие собственными глазами пришельцев, явившихся в эту глушь Азии, вероятно, искать обетованную страну — «Беловодье». Первая партия, всего из десяти человек, пришла на Лоб-нор в 1861 г. Осмотрев местность, двое из переселенцев вернулись обратно, но через год явились большой партией в 160 человек[2]. Здесь были, кроме мужчин, женщины и дети. Все ехали верхами и на вьючных лошадях везли свою поклажу. Мужчины большей частью были вооружены кремнёвыми ружьями. Некоторые из партии умели исправлять эти ружья и делать новые; были также плотники и столяры. Дорогой русские ловили рыбу и стреляли кабанов. То и другое употребляли в пищу, но до своей посуды или чего-либо съедобного не позволяли дотрагиваться. Вообще люди были смелые, старательные. Некоторые из них поселились на нижнем Тариме, близ нынешнего форта, выстроили себе тростниковые жилища и провели в них зиму. Другие же расположились в Чархалыке, где построили деревянный дом, быть может, церковь. Дом этот только недавно снесло водой при разливе Черчен-дарьи.

Между тем, в продолжение зимы, равно как и по дороге, большая часть русских лошадей погибла от трудности пути, дурного корма

[1] Т. е. город Оттогуша, бывшего некогда здесь ханом.

[2] По словам других, русских было только 70 человек; впрочем, большего вероятия заслуживает первая цифра.

и обилия комаров. Новое место не понравилось пришельцам. Дождавшись весны, они решили двинуться восвояси или итти ещё куда-нибудь искать счастья. Китайский губернатор Турфана, которому в то время подчинён был Лоб-нор, приказал дать переселенцам необходимых лошадей и продовольствие, а один из наших корлинских спутников, именно Р а х м е т-б а й, провожал обратно русских до урочища Ушак-тала, лежащего на пути из Кара-шара в Турфан. Добравшись до этого последнего, переселенцы отправились в Урумчи. Куда они затем делись, неизвестно, так как вскоре началось дунганское восстание, и сообщение с затяньшанским краем было прервано. Вот всё, что можно было узнать относительно пребывания русских староверов на Лоб-норе ([33]).

* *
*

Климат декабря. В первой своей половине этот месяц был совершенным продолжением ноября: та же ясная, тихая и днём теплая погода, по ночам морозы до — 22°,2. Даже 16-го числа, в час дня, термометр в тени поднимался до+4°,8. Тарим и его рукав Кюк-ала большей частью были свободны от льда, хотя по ночам, а иногда и днём, шла шуга, которая затирала реку и смерзалась в сплошную массу лишь на крутых изворотах течения. По всему вероятию, Тарим сплошь не замёрзнет в нынешнюю зиму, да едва ли это бывает и в другие зимы.

Со второй половины декабря стало холоднее, и 19-го числа, в 1 час дня, первый раз было ниже нуля (—3°), но и то при облачной погоде и слабом ветре. Кроме того, со второй половины описываемого месяца стали чаще перепадать ветры (слабые) и облачные дни [1]. Впрочем, всё это зависело, вероятно, от влияния гор, лежащих невдалеке от деревни Чархалык, где мы находились в то время. Затем, с поднятием к горам (на охоте за дикими верблюдами), температура ещё более понизилась, и даже в полдень мы наблюдали в конце декабря — 7°,9. В долине собственно Тарима, удалённой от гор, вероятно, и во второй половине декабря было попрежнему тепло. Снег в течение всего месяца не падал ни разу. Его не было даже и на горах Алтын-таг, несмотря на их значительную высоту.

Сухость воздуха, даже на самом берегу Тарима, была очень велика: руки и губы постоянно сохли, намоченная чашка мигом сама просыхала. Температура почвы, даже в последней трети месяца, была высока (на 1 фут—0°,3, на 2 фута+1°,4).

[1] Облака преобладали перистые и слоистые. Ветер хотя был и слабый, всегда поднимал в воздух густую пыль [приписка на полях дневника].

Отдохнув неделю в Чархалыке, я оставил здесь бо́льшую часть своего багажа и при ней трёх казаков, с остальными же тремя и моим помощником Ф. Л. Эклоном отправился на другой день Рождества в горы Алтын-таг, на охоту за дикими верблюдами, которые, по единогласному уверению лобнорцев, водятся в названных горах и пустынях к востоку от Лоб-нора. Заман-бек со своими спутниками также остался в Чархалыке.

Теперь в наш караван взято было только одиннадцать верблюдов и верховая лошадь для меня; Эклон ехал на верблюде. Запаслись мы также и юртой на случай сильных холодов; продовольствия взяли на полтора месяца. Проводниками нашими были двое лучших охотников Лоб-нора. По словам этих проводников, охота за дикими верблюдами в глубокую зиму мало представляет вероятия на успех. Тем не менее мы решились попытать счастья. Дело это нельзя было откладывать до весны; тогда предстояла другая работа — наблюдение пролёта птиц ([34]).

Опишем сначала Алтын-таг.

Хребет этот начинает виднеться еще с переправы Айрылган, т. е. вёрст за полтораста, сначала узкой, неясной полосой, чуть заметной на горизонте. После утомительного однообразия долины Тарима и прилегающей к нему пустыни путник с отрадой смотрит на горный кряж, который с каждым переходом делается всё более и более ясным. Можно уже различать не только отдельные вершины, но и главные ущелья. Опытный глаз видит издали, что горы не маленьких размеров,— и не ошибается. Когда мы пришли в деревню Чархалык, то Алтын-таг явился перед нами громадной стеной, которая далее к юго-западу высилась ещё более и переходила за пределы вечного снега.

Нам удалось исследовать описываемые горы, т. е. собственно их северный склон, на протяжении около 300 вёрст, считая к востоку от Чархалыка. На всём этом пространстве Алтын-таг служит окраиной высокого плато к стороне более низкой лобнорской пустыни.

Высокое же плато по южной стороне описываемых гор составляет, по всему вероятию, самую северную часть Тибетского нагорья. Так, по крайней мере, можно с большой вероятностью предполагать, судя по рассказам местных жителей, которые единогласно уверяли нас, что юго-западные продолжения Алтын-тага тянутся без всякого перерыва (несомненно, всё также каймой более низкой пустыни) к городам Керии и Хотану. К востоку, по словам тех же рассказчиков, описываемый хребет уходит очень далеко, но где именно оканчивается,— лобнорцам неизвестно.

В обследованной нами средней части Алтын-тага топографический рельеф этих гор таков. Первоначально, от Чархалыка до р. Джаган-сай, хребет стоит отвесной стеной над бесплодной, покрытой галькой равниной, почти той же абсолютной высоты, как и озеро Лоб-нор.

Далее, от р. Джагансай до р. Курган-булак (а, быть может, и ещё восточнее), т. е. как раз к югу от Лоб-нора, равнина, отделяющая это озеро от описываемых гор, поднимается хотя равномерно, но довольно круто [1], так что подножие Алтын-тага (у ключа Асганлык) находится на 7 700 футов абсолютной высоты. У самого Курган-булака и далее к востоку до р. Джаскансай являются перепутанной сетью невысокие глинистые холмы, которые, восточнее только что названной речки, сменяются холмами сыпучих песков, известных под именем Кум-тага. Этот Кум-таг, по словам лобнорцев, протянулся широкой полосой к востоку (вероятно, всё у подножья Алтын-тага) и не доходит до города Шачжеу лишь на два дня пути ([35]).

К стороне пустыни Алтын-таг образует отроги и разветвления, между которыми лежат неширокие долины [2], поднятые иногда до одиннадцати тысяч футов абсолютной высоты. Соседние вершины возвышаются над этими долинами приблизительно (на-глаз) ещё на две или три тысячи футов. Такой же высоты, вероятно, достигает и главная ось описываемых гор, спуск которых к югу, к стороне высокого плато, несомненно, короче. Так [получается] по рассказам наших проводников и по общему характеру строения большей части среднеазиатских хребтов.

Хотя нам и не удалось, по причине глубокой зимы и недостатка времени, перейти за Алтын-таг и измерить абсолютную высоту местности на южной стороне этих гор, но несомненно, что там расстилается высокое плато, поднятое над уровнем моря не менее 12 или 13 тысяч футов. Так, по крайней мере, можно предполагать, судя по огромной абсолютной высоте долин передовых уступов Алтын-тага. Проводники наши, не один десяток раз охотившиеся на той стороне описываемых гор, сообщили нам, что если итти к югу по старой дороге, которою прежде (до дунганского восстания) калмыки ходили в Тибет, то тотчас же за Алтын-тагом расстилается высокая равнина, шириною вёрст пятьдесят. За нею стоит опять поперечный хребет (вёрст двадцать шириной), не имеющий собственного названия, а за этим хребтом вновь является равнина, шириною вёрст до сорока. Эта равнина обильна ключевыми болотами (сазами), и по южную её сторону высится огромный вечноснеговой хребет Чамен-таг. Обе вышеупомянутые долины уходят к востоку за горизонт; туда тянутся и хребты, параллельно друг другу. К западу же все три хребта — Алтын-таг, Безымянный и Чамен-таг — соединяются недалеко от города Черчена в один вечноснеговой хребет — Тогуз-дабан, подтянувшийся к городам Керии и Хотану.

В самом хребте Алтын-тага местные жители различают названиями

[1] Средним числом около 120 футов на вёрсту.
[2] Иногда вёрст десять в длину и четыре-пять в ширину; чаще же менее.

две части: горы, ближайшие к лобнорской пустыне, называются Астын-тагом (т. е. нижние горы), а удалённые к гребню хребта — Устюн-тагом (т. е. верхние горы) (36).

В наружной окраине Алтын-тага преобладают глина, мергели, песчаники, известняки; выше часто встречается порфир, реже гранит. Воды в описываемых горах очень мало; редки даже ключи, да и в тех вода большей частью горько-солёная.

В общем, описываемые горы характеризуются своим крайним бесплодием. Только по высоким долинам и в ущельях здесь можно встретить кое-какую растительность: два, три низких уродливых солончаковых растения, преобладающих по высоким долинам; три, четыре породы сложноцветных, низкие кустики Potentilla [лапчатки] и Ephedra [эфедра] и др.

Как редкость, я видел иногда засохшие цветки Statice [кермек] и вьющийся Evonymus [бересклет]. По дну ущелий растёт тамарикс, на более сырых местах тростник (до 9 000 футов абсолютной высоты), изредка встречаются дырисун, Calligonum [джузгун], хармык — Nitraria, кое-где тогрук и шиповник; последний, впрочем, мы нашли лишь в ущелье ключа Асганлык. Бо́льшая часть поименованных растений найдена также и в соседней пустыне, в её окраине, прилежащей к горам; вдобавок, здесь является ещё низкий, корявый саксаул.

Замечательно, что, несмотря на всё бесплодие Алтын-тага, здесь иногда появляется во множестве саранча, которая летом 1876 г. объела все листья и метёлки тростника, — лучшей поживы здесь не было. Притом саранча поднималась в горах до 9 000 футов абсолютной высоты.

* *
*

Обследованный нами северный склон Алтын-тага не богат животной жизнью. Зверей гораздо более встречается, как нам сообщали, на высоком плато, по южную сторону описываемых гор, в особенности под горами и в горах Чамен-таг [см. список на следующей странице].

Кроме того, по сообщениям охотников, в горах Чамен-таг водятся: Arctomus sp. (caudatus?) [длиннохвостый сурок] и Antilope hodgsoni [антилопа оронго].

Если сравнить настоящий список со списком млекопитающих долины Тарима, то можно видеть, что в Алтын-таге (вместе с Чамен-тагом) живут десять видов, не водящихся на Тариме и Лоб-норе. Из этих видов Pseudois nahoor [куку-яман], Poephagus grunniens [дикий як] и Antilope hodgsoni [оронго] свойственны исключительно Тибету и достигают здесь северной границы своего географического распространения.

Вот список млекопитающих Алтын-тага:

Felis irbis	[снежный барс, ирбис]	—очень редок
Mustela intermedia	[каменная куница]	—редка
Canis lupus Canis chanko?	[волки]	—довольно редки; C. chanko мы сами не видали; о нём сообщали местные охотники[37]
Canis vulpes Lepus sp.	[лисица] [заяц]	—часто по ущельям, отличен от лобнорского
Meriones sp.	[песчанка]	—редка, по ущельям
Camelus bactrianus, ferus	[дикий верблюд]	—изредка заходит, бродячий
Ovis polli	[горный баран]	—редок
Pseudois nahoor	[баран—куку-яман]	—обыкновенен
Poephagus grunniens, ferus	[дикий як]	—редок
Asinus klang	[кулан]	—редок
Sus scrofa ferus	[кабан]	—редок, по ущельям

Птиц в Алтын-таге также немного. Зимою мы нашли здесь лишь 18 видов, а именно, Gypaëtus barbatus [ягнятник], Vultur cinereus [гриф], Gyps himalayensis [снежный сип], Falco aesalon [дербник], Aquila fulva [беркут], Accentor fulvescens [бледная завирушка], Leptopoecile sophiae [славковидный королёк], Turdus mystacinus [чернозобый дрозд], Linota montium [горная чечётка], Erythrospiza mongolica [пустынный снегирь], Carpodacus rubicilla [большая чечевица], Corvus corax [ворон], Podoces tarimensis [таримская саксаульная сойка] (до 10 000 футов абсолютной высоты), Fregilus graculus [клушица], Otocoris albigula [рогатый жаворонок], Caccabis chukar [кэклик], Megaloperdix sp. [улар], Scolopax hyemalis [горный дупель].

Климат Алтын-тага зимой характеризуется сильными холодами при малоснежье, по крайней мере, на северном склоне описываемых гор. Летом, по словам охотников, здесь часто падают дожди и дуют сильные ветры.

Кроме охотничьих тропинок, в описываемых горах существуют две дороги: одна ведёт от Лоб-нора в Тибет, другая — в город Ша-чжеу [видимо, Су-чжоу]. Обе эти дороги теперь заброшены. Калмыки со времени дунганского восстания перестали ездить на богомолье в Ласасу [Лхасу]. По шачжеуской же дороге несколько лет назад пробрались две или три партии дунган, уходивших от китайцев. Этой тропинкой шли и мы до ключа Чалык; далее наши проводники не знали дороги. Последняя на перевалах, а иногда и в других местах, обозначена кучами сложенных камней. По всему вероятию, путь от Лоб-нора в город Ша-чжеу идёт и далее по горам Алтын-тага, так как в соседней пустыне нет воды.

* *
*

В течение сорока дней мы прошли у подножия Алтын-тага [1] и в самих этих горах ровно пятьсот вёрст, но за всё это время встретили, и то случайно, лишь одного дикого верблюда [2], которого убить не удалось.

15 января. Сегодня исполнилось десятилетие моей страннической жизни. 15 января 1867 г., в этот самый день, в 7 часов вечера, уезжал я из Варшавы на Амур. С беззаветной решимостью бросил я тогда свою хорошую обстановку и менял её на туманную будущность. Что-то неведомо тянуло вдаль на труды и опасности. Задача славная была впереди; обеспеченная, но обыденная жизнь не удовлетворяла жажде деятельности. Молодая кровь била горячо, свежие силы жаждали работы. Много воды утекло с тех пор, и то, к чему я так горячо стремился, — исполнилось. Я сделался путешественником, хотя, конечно, не без борьбы и трудов, унесших много сил...

Встреча дикого верблюда. День десятилетия ознаменовался для меня неожиданным сюрпризом: мы встретили, наконец, дикого верблюда, но, к величайшему огорчению, не могли его убить. Дело происходило следующим образом: вставши, по обыкновению, с рассветом, мы напились чаю, доели остатки вчерашнего супа и хотели вьючить верблюдов. Стоянка была в эту ночь в горном ущелье на высоте 10 000 футов, утром стоял мороз — 17° и дул восточный ветер. Все верблюды были уже завьючены, и их начали связывать в караван, как вдруг один из казаков заметил, что шагах в 300 от нас ходит какой-то верблюд. Думая, что это один из наших вьючных, тот же казак закричал другим, чтобы они поймали ушедшего и привели его к каравану. Между тем, осмотревшись кругом, казаки увидели, что все наши одиннадцать верблюдов налицо. Ходивший вдали, несомненно, был дикий, шедший вниз по ущелью; увидав наших верблюдов, он побежал к нам рысью, но, заметив вьюки и людей, сначала приостановился, а потом в недоумении начал отбегать назад. «Верблюд, дикий верблюд»—закричали мне разом все казаки. Я схватил бывший уже за спиною штуцер Ланкастера и выбежал вперёд. Дикий гость в это время был уже на расстоянии около 500 шагов и, остановившись, смотрел в нашу сторону, всё еще не поняв, в чём дело. Несколько мгновений я медлил стрелять, хорошо зная, что на таком расстоянии в холод, да притом как раз против солнца, невозможно попасть даже в большую цель. В это время дикий верблюд отбежал ещё несколько десятков шагов и снова остановился. Далее медлить

[1] С 26 декабря по 5 февраля.
[2] Этого верблюда я стрелял на 500 с лишком шагов и не попал: памятный промах для охотника.

было невозможно. Осторожный зверь, несомненно, ушел бы без выстрела. Я спустил курок, поставив прицел на 500 шагов, и пуля сделала рикошет, не долетев до цели; вторая пуля, пущенная в бег, опоздала. Верблюд кинулся со всех ног,— только мы его и видели. Пробовал я с казаком погнаться на лошади, но это ни к чему не привело. Не только дикий, но и домашний верблюд, бегают шибче хорошего скакуна; наши же две клячи едва волокли ноги. Так и ушёл от нас редчайший зверь. Притом экземпляр был великолепный: самец средних лет, с густой гривой под шеей и высокими горбами. Всю жизнь не забуду этого случая!

Из других зверей мы добыли только кулана и самку яка. Вообще описываемая экскурсия была весьма неудачна и притом исполнена различных невзгод. На огромной абсолютной высоте, в глубокую зиму, среди крайне бесплодной местности, мы терпели всего более от безводия и морозов, доходивших до — 27° С. Топлива было весьма мало, а при неудачных охотах мы не могли добыть себе хорошего мяса и принуждены были некоторое время питаться зайцами. На местах остановок рыхлая, глинистосолёная почва мигом разминалась в пыль, которая толстым слоем ложилась везде в юрте. Сами мы не умывались по целой неделе, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано пылью насквозь; бельё же от грязи приняло сероватокоричневый цвет. Словом, повторились все трудности прошлой зимней экспедиции в Северном Тибете.

Проведя неделю возле ключа Чаглык[1] и сделав здесь определение долготы и широты, мы решили вернуться на Лоб-нор наблюдать пролёт птиц, время которого уже приближалось. Двое из наших проводников должны были вернуться опять в горы и искать дикого верблюда, шкуру которого необходимо было приобрести во что бы то ни стало. Для вящей приманки я назначил за самца и самку сто рублей — цену в пятьдесят раз больше той, по которой местные охотники продают верблюжьи шкуры, если удастся добыть это животное.

По единогласному уверению лобнорцев, главное местожительство диких верблюдов в настоящее время находится в песках Кум-таг, к востоку от озера Лоб-нор; кроме того, этот зверь попадается изредка в песках нижнего Тарима и в горах Курук-таг. Еще реже дикие верблюды встречаются в песках по р. Черчен-дарья; далее, в направлении от города Черчена к Хотану, описываемое животное не водится.

Вблизи Лоб-нора, там, где теперь стоит деревня Чархалык, и далее к востоку под горами Алтын-таг, равно как и в самих этих горах, лет двадцать назад дикие верблюды были весьма обыкновенны. Наш проводник, охотник из Чархалыка, рассказывал, что в то время ему уда-

---

[1] Отсюда я ездил за верблюдами в пески Кум-таг, но безуспешно.

Таримская сойка.

Женщины из оазиса Черчен.

валось нередко видать стада по несколько десятков и однажды даже более сотни экземпляров. В течение своей жизни этот пожилой уже охотник убил из фитильного ружья более сотни диких верблюдов. По мере того как прибавлялось население в Чархалыке и увеличивалось число охотников на Лоб-норе, верблюды становились всё реже и реже. В настоящее время этот зверь лишь заходит в местности, ближайшие к Лоб-нору, да и то в небольшом числе. В иной год даже не бывает ни одного верблюда; в более же удачное время местные охотники убивают пять, шесть экземляров в течение лета и осени. Мясо, весьма жирное осенью, употребляется в пищу, а шкура идёт на обувь. Стоит эта шкура на Лоб-норе десять теньге, т. е. 1 р. 30 к. на наши деньги.

По уверению лобнорских охотников, все верблюды приходят [из Кум-тага], равно как и уходят в пески Кум-таг, совершенно недоступные по своему безводию. По крайней мере, никто из лобнорцев там не бывал. Пробовали некоторые ездить в эти песчаные горы от ключа Чаглык, но, проплутав день или два по сыпучему песку, в котором люди и вьючные ослы вязли по колено, совершенно выбившись из сил, безуспешно возвращались обратно. Впрочем, абсолютного безводия в Кум-таге быть не может; иначе там нельзя было бы жить и верблюдам. Вероятно, где-нибудь есть ключи, служащие водопоем. Относительно же пищи описываемые животные, так же как и их приручённые собратья, крайне неприхотливы, а потому могут благополучно обитать в самой дикой и бесплодной пустыне, лишь бы подальше от человека.

Летом, в сильные жары, верблюды соблазняются прохладою высоких долин Алтын-тага и заходят сюда на высоту 11 000 футов, даже и более, так как наши проводники сообщали нам, что это животное изредка попадается на высоком плато на южной стороне Алтын-тага. Не малой приманкой для верблюдов в горах служат водопои на редких ключах, а также сравнительно большее, нежели в песках, обилие бударганы (Calidium) [поташник] и другие солончаковых растений. При этом по ущельям растёт, хотя и не в обилии, кустарник Hedysarum? [копеечник], весьма любимый описываемыми животными. Зимой дикие верблюды держатся исключительно в более низкой и тёплой пустыне, в горы заходят лишь случайно.

В противоположность домашнему верблюду, у которого трусость, глупость и апатия составляют преобладающие черты характера, дикий его собрат отличается сметливостью и превосходно развитыми внешними чувствами. Зрение у описываемого животного чрезвычайно острое, слух весьма тонкий, а обоняние развито до удивительного совершенства. Охотники уверяли нас, что по ветру верблюд может почуять человека за несколько вёрст, разглядит крадущегося охотника очень далеко, услышит малейший шорох шагов. Раз заметив опасность, зверь

тотчас же убегает и уходит, не останавливаясь, за несколько десятков, иногда даже за сотни вёрст. Действительно, тот верблюд, в которого я стрелял, бежал без перерыва, как то можно было видеть по следу, вёрст двадцать; вероятно, ещё и далее, но больше мы не стали следить, так как зверь свернул ущельем в сторону от нашего пути.

Повидимому, такое неуклюжее животное, как верблюд, всего менее способно лазить по горам, но в действительности выходит наоборот. Мы видали не один десяток раз верблюжьи следы и помёт в самых тесных ущельях и на таких крутых склонах, по которым очень трудно взобраться даже и охотнику. Здесь верблюжьи следы мешаются с следами куку-яманов (Pseudois nahoor) и архаров. До того странно подобное явление, что как-то не верится собственным глазам.

Бегает дикий верблюд очень быстро, почти всегда рысью. Впрочем, в этом случае и домашний его собрат на большом расстоянии обгонит хорошего скакуна. На рану зверь весьма слаб и часто сразу падает от малокалиберной пули лобнорских охотников.

Время течки у диких верблюдов бывает зимой — с половины января почти до конца февраля. Старые самцы собирают тогда по несколько десятков самок и ревностно стерегут их от сладостных покушений других кавалеров, для чего, по словам охотников, иногда загоняют весь свой гарем в укромные ущелья и не выпускают оттуда до окончания любовной поры. В этот же период между самцами заводятся драки, которые иногда оканчиваются смертью одного из бойцов. Старый самец, одолев более слабого молодого, зубами раздавливает ему череп. Самка идёт в течку на третьем году и ходит беременной немного более года; молодые, всегда один, родятся ранней весной, т. е. в марте. Детёныши весьма любят своих матерей. Если самка убита, то молодой убегает, но потом опять возвращается на это место. Пойманные смолоду дикие верблюды легко ручнеют и исправно возят вьюк.

Голос животное издаёт очень редко — глухой, вроде мычания; так ревут чаще самки, у которых есть дети. Самцы же, даже в период течки, не ревут, но отыскивают самок чутьём по следу.

Сколько лет живёт дикий верблюд, нам сказать не могли; иные достигают глубокой старости. Нашему проводнику-охотнику однажды случилось убить самца с совершенно стёртыми зубами; несмотря на это, животное было довольно жирно.

Лобнорцы охотятся за дикими верблюдами летом и осенью. Специально за [этими] животными не ездят, а бьют их, когда попадутся. Вообще, эта охота считается самой трудной, и ею занимаются лишь три, четыре охотника на всём Лоб-норе. Убивают верблюдов всего чаще, подкарауливая на водопоях; реже ищут по свежим следам.

Охотники, отправленные мною на поиски дикого верблюда, вернулись на Лоб-нор только 10 марта, но зато с добычей. В окраине Кум-

тага они убили самца-верблюда и самку; притом, совершенно неожиданно, приобрели молодого из утробы убитой матери. Этот молодой должен был родиться на следующий день.

Шкуры всех трёх экземпляров были превосходные; сняты и препарированы как следует. Этому искусству мы сами обучили посланных охотников. Черепа также были доставлены в исправности.

Через несколько дней я получил ещё шкуру дикого верблюда (самца), убитого на нижнем Тариме. Этот экземпляр был немного хуже первых, так как, живя в более тёплой местности, уже начал линять; притом его и обдирали неумеючи.

Нечего и говорить, насколько я был рад приобрести, наконец, шкуры того животного, о котором сообщал ещё Марко Поло, но которого до сих пор не видал ни один европеец.

Впрочем, зоологические признаки, отличающие дикого верблюда от домашнего, невелики и, сколько можно было бегло заметить, заключаются в следующем: а) на коленях передних ног у дикого экземпляра нет мозолей; б) горбы вдвое меньше, чем у домашнего[1], удлинённые же волосы на их вершинах короче; в) чуба у самца нет или он очень небольшой; г) цвет шерсти у всех диких верблюдов один и тот же — красновато-песчаный; у домашних такой цвет встречается лишь изредка; д) морда у дикого серее и, сколько кажется, короче; е) уши также короче. Кроме того, дикие верблюды, в общем, отличаются лишь средним ростом; таких гигантов, как между домашними экземплярами, на воле не встречается.

Теперь является вопрос: верблюды, нами найденные, есть ли прямые потомки диких родичей, или домашние, ушедшие в степь, одичавшие и размножившиеся на воле?

Каждый из этих вопросов имеет «за» и «против» своего утвердительного решения. Пример одичания и размножения домашних животных мы видим в Южной Америке, где от немногих экземпляров, ушедших из испанских колоний, расплодились на привольных пастбищах огромные стада рогатого скота и лошадей. Подобное же явление, в миниатюре, я встретил во время своей прошлой экспедиции в Ордосе, где после дунганского восстания, всего в течение двух-трёх лет, коровы и быки до того одичали, что охотиться за ними было не легче, чем за антилопами. Но относительно размножения ушедших на волю верблюдов является препятствие в том отношении, что между этими животными, в приручённом состоянии, весьма мало способных к оплодотворению самцов; наконец, само совокупление и роды производятся

[1] У одиннадцатилетнего самца, доставленного нам с Тарима, мясо из горбов не было вынуто, так что мы могли удобно сделать измерение. Вышло то, что горбы у этого, вполне взрослого, самца имели лишь 7 дюймов вышины, тогда как у домашних верблюдов горбы нередко достигают 1½ футов, а иногда и более.

большей частью с помощью человека. Положим, последнее препятствие на свободной жизни может исчезнуть, но первое, т. е. порча человеком детородной части у самцов, остаётся неисправимым и в пустыне. Таким образом, мало является шансов на то, чтобы довольно часто могли уходить экземпляры, способные оставить потомство; исключение составят только самки, которые предложат свои услуги диким самцам.

С другой стороны, в бассейне Лоб-нора местности, возможные здесь для обитания человека, крайне непригодны для верблюдов, вследствие обилия воды, насекомых и дурного корма. Поэтому здешнее население едва ли когда разводило много верблюдов, а теперь их лобнорцы и вовсе не держат [1].

Обращаясь к другому положению, т. е. к тому, что нынешние дикие верблюды — прямые потомки также диких родичей, можно, мне кажется, иметь более веские доказательства в эту сторону. Действительно, кроме вышеперечисленных зоологических различий, описываемое животное в диком состоянии представляет в высокой степени развитыми те качества, которые «в борьбе за существование» оставляют за индивидуумом шансы на сохранение как себя лично, так и своего потомства. Превосходно развитые внешние чувства спасают животное от врагов, которых притом и весьма немного в тех местностях, где обитает дикий верблюд. Человек-охотник, да ещё разве волк — вот с кем приходится бороться описываемому животному. Но волков немного в пустыне, и притом они едва ли опасны взрослому верблюду. От человека же это животное укрывается в самых недоступных местностях. И, по всему вероятию, сыпучие пески к востоку от Лоб-нора составляют с незапамятных времен коренное местожительство диких верблюдов. Конечно, в древности район их распространения мог быть гораздо шире, но теперь за описываемыми животными остался лишь самый недоступный уголок среднеазиатской пустыни.

Сопоставляя вышеизложенные данные, мне кажется, можно вывести то заключение, что нынешние дикие верблюды — прямые потомки диких родичей, но что по временам к ним, вероятно, примешивались и ушедшие домашние экземпляры. Последние, если только были способны к размножению, оставляли потомство, которое в последующие генерации уже не отличалось от дикого типа. Впрочем, для окончательного решения видовой самостоятельности диких верблюдов важно будет специальное сравнение их черепов с черепами домашних экземпляров ([38]).

Климат января. Этот месяц, сколько кажется, самый холодный на Лоб-норе, был для нас ещё холоднее потому, что мы

[1] Впрочем, в других местностях Восточного Туркестана верблюдов много и, вероятно, было ещё более в древности, при оживлённых сношениях этой страны с Китаем.

провели его в горах Алтын-тага на абсолютной высоте от 7 000 до 11 000 футов. Понятно, что здесь и климатические условия были иные, нежели в низких равнинах Лоб-нора. В высоких долинах Алтын-тага, в течение всего января, в полдень ни разу не было выше нуля; а на восходе солнца морозы доходили до—27°,6. В течение месяца 7 раз падал снег, всегда сухой и мелкий, как песок. Обыкновенно снег этот выпадал не более как на один дюйм, иногда же того менее. В следующие же дни его сдувало в долинах ветром в небольшие кучки, а на южных склонах гор уничтожало солнцем. Только в конце описываемого месяца снег выпал более сплошной, хотя также неглубокой (1 — 2 дюйма) массой и спустился в подножья Алтын-тага до 5 000 футов, быть может, даже и ниже. На самом же Лоб-норе, по словам местных жителей, в течение всей зимы снег не падал ни разу. По словам лобнорцев, летом в Алтын-таге часто идут дожди (все тучи разрешаются там) и дуют сильные ветры. Несмотря на изредка падавший снег, сухость воздуха в Алтын-таге была очень велика. Хотя мы и не делали психрометрических наблюдений, но сильную сухость можно было заметить по быстрому высыханию всякой намоченной вещи, как, например, чашки с остатками чая, мокрой тряпки и пр. Ветры в январе дули почти каждодневно: днём с запада и с северо-запада, ночью и утром с востока. Впрочем, ночные ветры случались гораздо реже. Дни облачные также бывали довольно часто. По вечерам, после заката солнца, в ясную погоду весьма ясно был виден зодиакальный свет, и он являлся более ярким, нежели Млечный путь.

В первых числах февраля вернулись мы на Лоб-нор. Расскажем теперь об этом озере, равно как и о самом нижнем Тариме.

Соединившись, возле переправы Айрылган, со своим рукавом Кюкала-дарья, Тарим, как упомянуто выше, течёт около 70 вёрст почти прямо на юг, а затем впадает или, лучше сказать, образует своим разливом мелководное озеро Кара-буран. Имя это означает «чёрная буря» и дано местными жителями описываемому озеру потому, что во время бури здесь разводится сильное волнение. Притом, если ветер дует с востока или северо-востока (что чаще всего случается весной), то вода Кара-бурана далеко заливает солончак на юго-западе описываемого озера, так что сообщение между Таримом и деревней Чархалык на время прекращается.

Само озеро Кара-буран имеет в длину от 30 до 35 вёрст, при ширине вёрст в 10 или 12. Впрочем, объём озера много зависит от состояния воды в Тариме: при высоком уровне вода Кара-бурана далеко затопляет отлогие берега, при низком — здесь являются солончаки. Глубина Кара-бурана не более 3 — 4 футов, часто и того менее; изредка

попадаются небольшие омуты в сажень и более глубиной. Чистой, не поросшей кустарником воды гораздо больше, чем на самом Лоб-норе, в особенности, если принять во внимание гораздо меньшую величину описываемого озера. Тарим теряется в нём лишь на небольшое пространство; затем русло его вновь резко обозначается. При самом впадении Тарима в Кара-буран в это озеро входит с запада другая речка — Черчен-дарья, о которой уже говорилось выше.

По выходе из Кара-бурана, Тарим снова является порядочной рекой, но вскоре начинает быстро уменьшаться в своих размерах. Тому причиной служат отчасти многочисленные канавы, посредством которых жители отводят в стороны (для рыбоводства) воды описываемой реки. С другой стороны её давит соседняя пустыня, которая всё более и более суживает площадь орошённого пространства, поглощает своим горячим дыханьем всякую лишнюю каплю влаги и окончательно преграждает Тариму дальнейший путь к востоку. Борьба оканчивается: пустыня одолела реку, смерть поборола жизнь. Но перед своей кончиной бессильный уже Тарим образует разливом последних вод обширное тростниковое болото, известное с древних времён под именем Лоб-нора.

* *
*

Название Лоб-нора неведомо местным жителям, которые зовут этим названием всё нижнее течение Тарима, а озеро на устье этой реки называют вообще Чон-куль (т. е. большое озеро), или чаще Кара-курчин [1], разумея под последним названием и весь окрестный административный участок. Во избежание сбивчивости, я буду удерживать за описываемым озером его старинное название Лоб-нора (39).

Наконец, после долгого странствования, миновав озеро Кара-буран, сквозь которое протекает Тарим, экспедиция достигла Лоб-нора.

По своей форме это озеро или, вернее, болото представляет неправильный эллипс, сильно вытянутый от юго-запада к северо-востоку. Наибольшая длина в этом направлении около 90 или 100 вёрст; ширина же не превосходит 20 вёрст. Так, по крайней мере, сообщали местные жители. Самому мне удалось исследовать только южный и западный берега Лоб-нора и пробраться в лодке по Тариму до половины длины всего озера; далее ехать было нельзя по мелководным и густым тростникам. Эти последние покрывают сплошь весь Лоб-нор, оставляя лишь на южном его берегу узкую (1—3 версты) полосу чистой воды. Кроме того, небольшие чистые площадки рассыпаны, как звёзды, везде в тростниках.

По рассказам туземцев, описываемое озеро лет тридцать назад

---

[1] Правильнее Кара-кошун [Хара-хошун, в первоначальном тексте: Чок-куль, что является опечаткой].

было глубже и гораздо чище. С тех пор Тарим начал приносить меньше воды, озеро мелеть, а тростники размножаться. Так продолжалось лет двадцать, но теперь уже шестой год как вода в Тариме снова прибывает и, не имея возможности поместиться в прежней, ныне заросшей тростником рамке озера, заливает его берега.

Таким образом, весьма недавно образовалась полоса чистой воды, протянувшаяся вдоль всего южного берега Лоб-нора. Здесь на дне видны корни и стволы некогда росшего на суше тамарикса; притом глубина большей частью только 2 — 3 фута, изредка 4 — 6 футов; от берега шагов на триста, даже на пятьсот, не глубже одного фута. Такое же мелководье встречается и по всему Лоб-нору; только местами, в омутах, и то изредка, можно встретить глубину в 10, иногда 12 — 13 футов. Вода везде светлая и пресная ([40]). Солоновата она лишь у самых берегов, по которым расстилаются солонцы, лишённые всякой растительности и взъерошенные, как волны, на своей поверхности. Эти солончаки облегают весь Лоб-нор. На южном берегу они достигают 8 — 10 вёрст ширины, но на восточном тянутся, по рассказам жителей, далеко, мешаясь с песками. За солончаками, по крайней мере, на южном, обследованном мною берегу, идёт также параллельно берегу озера узкая полоса, поросшая тамариксом, а за нею расстилается равнина, покрытая галькой и много, хотя постепенно, поднимающаяся к подошве Алтын-тага. Эта равнина, вероятно, и была в давно минувшие времена окраиной самого озера Лоб-нор, которое тогда заливало своими водами все нынешние солончаковые места по берегам, следовательно, было гораздо обширнее, вероятно, глубже и чище. Какая причина произвела потом обмеление описываемого озера и периодически ли это повторяется, — сказать не могу. Впрочем, факт усыхания замечается почти во всех среднеазиатских озёрах ([41]).

Теперь о Тариме.

У западного края Лоб-нора, возле деревни Абдаллы, эта река имеет еще 125 футов ширины; наибольшая глубина, при среднем уровне воды, 14 футов; скорость течения 170 футов в минуту; площадь сечения 1 270 кв. футов; русло, как и прежде, корытообразное.

Вниз от деревни Абдаллы быстро уменьшаются размеры Тарима. Так, вёрст двадцать ниже он имеет в ширину не более 7 — 8 сажен, а ещё вёрст через двадцать суживается на 3 — 4 сажени, хотя всё еще сохраняет глубину футов 7 — 10, часто более, и значительную быстроту течения. Такой канавой Тарим течёт ещё вёрст двадцать, сильно извиваясь, и, наконец, совершенно теряется в тростниках. Далее к северо-востоку, равно как и раньше того, справа и слева реки, расстилаются тростниковые болота, большею частью совершенно недоступные. Даже в маленьком челноке невозможно пробраться среди густейшего тростника, достигающего трёхсаженной вышины и почти дюйма в поперечнике

стебля. Сплошной аллеей обрастают такие великаны берега самого Тарима, по дну которого, в более мелких и тихих местах, растёт водяная сосенка — Hyppuris. По всему Лоб-нору, кроме тростника, встречается ещё куга — Typha [рогоз] и сусак — Butomus; других водяных растений, по крайней мере, ранней весной, не имеется.

Рыба в описываемом озере водится в изобилии, та же самая, что и в Тариме, только двух видов: маринка и другой мне неизвестный [из] семейства Cyprinidae [карповых]. Первой в Лоб-норе гораздо больше, нежели второй. Маринку лобнорцы называют балык, т. е. вообще рыба, а другую породу, сверху пёструю — тазек-балык. Оба вида мечут икру в марте.

Рыболовство начинается самой ранней весной и оканчивается поздней осенью. Ловят маленькими сетками, в которых рыба путается. Наиболее употребительный и добычливый способ рыбной ловли, практикуемый жителями по всему нижнему Тариму и частью Лоб-нора, состоит в следующем. Выбрав пригодное место, прокапывают канаву от Тарима (уровень которого, как сказано прежде, большей частью выше окрестных низин) и пускают воду в соседнюю равнину. Мало-помалу там образуется мелкое, но довольно обширное озеро, в которое по той же канаве входит из реки и рыба. В мае сточную канаву засыпают: прибыль воды прекращается. Затем, в течение лета, при огромном испарении, искусственное озеро мало-помалу усыхает, — вода остаётся лишь в более глубоких местах, куда и собирается вся рыба. Осенью, в сентябре, приступают к её ловле. Для этого снова прокапывают небольшое отверстие в спускной канаве и ставят здесь сеть. Озёрная рыба, [измученная[1]] долгой стоянкой в небольших омутах, почуяв свежую воду, бросается по ней в реку и попадает в ловушку. Подобным способом улов бывает весьма обильный, так что в это время делаются зимние запасы. Притом рыба, как говорят лобнорцы, простояв в тихой воде, напитавшись солью от почвы, делается жирной и вкусной.

Каракурчинцы, живущие внутри Лоб-нора, не могут употреблять вышеописанный способ ловли, так как Тарим, проходя по озеру, не имеет возвышенных берегов. Впрочем, кое-где еще возможны канавы между рекой и озерками; в таких канавах всегда ставятся сети. При обилии рыбы ловля её и без осушения озёр большей частью бывает удачна.

Как нам сообщали, Лоб-нор замерзает в ноябре[2], вскрывается в начале марта; лёд бывает от 1 до 2 футов толщины.

Нижнее течение р. Яркенд-Тарима. От слияния близ урочища Кутмет-кюль с своим левым рукавом Уген-дарья,

---

[1] [В тексте отчета «наскучив»]
[2] Иногда в начале, иногда же только в конце этого месяца.

р. Яркенд-Тарим вступает в нижнее течение [1]. Ширина соединённой реки сажен 50, или даже того более; течение быстрое, глубина большая. Впрочем, вскоре после слияния с Уген-дарьёй Тарим вновь отделяет от себя, и попрежнему слева, весьма большой рукав (20 — 25 сажен шириною) по имени Кюк-ала-дарья [2]. Этот новый рукав отделяется ниже деревни Ахтармы, как кажется, верстах в 30 (?) от неё, течёт параллельно с главной рекой в расстоянии вёрст 20 (?) или 30 (?) и, пройдя таким образом....... вёрст [3], соединяется с Яркенд-Таримом в двух верстах ниже переправы Айрылган.

В своих низовьях Яркенд-Тарим гораздо уже, нежели там, где мы увидали его в первый раз по соединении с Уген-дарьёй. На переправе Айрылган ширина описываемой реки не более 15 сажен при глубине в 21 фут. Немного ниже слияния с Кюк-аладарьёй Тарим не шире 30 — 35 сажен; в редких местах сажен до 40. На правой стороне реки, как говорят, уже после переправы Айрылган, отделяется значительный рукав, который, пройдя через окраинные пески, соединяется с р. Черчен-дарьёй. Эта последняя впадает в Тарим близ самого его устья в озеро Кара-курчин [4].

Такое название принадлежит лишь небольшому (версты 2—3 в окружности) озерку, через которое протекает Черчен-дарья перед своим впадением в Тарим. Кроме того, Лоб-нором зовётся вся населённая местность (т. е. собственно долина) по нижнему течению Тарима.

Черчен-дарья вытекает из снежных гор Чамен-таг и недалеко от своего устья имеет сажен 9 — 10 ширины и быстрое течение [5]. Вообще, как сам Яркенд-Тарим, так и притоки его низовьев текут весьма извилисто и быстро. Так, Кюк-ала-дарья течёт (зимою) 51 шаг в минуту; сам Тарим, соединившись с вышеназванным рукавом, имеет скорость течения 70 шагов (192 фута) в минуту. Так это теперь, когда вода в описываемой реке после летнего разлива еще высока. Притом, как сам Тарим, так равно его притоки и рукава, протекая по рыхлой глинистой почве, вымыли себе глубокие корытообразные русла [6]. Дно таких проток обыкновенно выстлано, словно ковром, различными водяными растениями. Ляжешь, бывало,

---

[1] Здесь Трим достигает самого высокого поднятия к северу [приписка на полях дневника].

[2] В Кюк-ала-дарья впадают реки Конче и Инчике-дарья (соединившись) прямо на север против деревни Маркат [приписка на полях дневника].

[3] [В рукописи пропуск].

[4] [Последние две фразы в дневнике зачёркнуты. В отчёте ошибочно указано, что рукав отделяется с левой стороны Тарима].

[5] Замечательно, что вода в Черчен-дарье солёная [приписка на полях дневника].

[6] Озёра же по Таримской долине везде мелкие [приписка на полях дневника].

на лёд и сквозь него любуешься на этот подводный мир[1]. Кстати, вода в озёрах везде очень светлая, да и в самом Тариме не особенно мутна. Замечательно, что вода даже в главной реке иногда воняет рыбой; в более мелких озёрах эта вода солоновата.

Долина Тарима, по соединении его с Уген-дарьёй и ниже вёрст на 30, резко обозначена справа каймой голых сыпучих песков, слева — бугристой пустынной равниной, которая делается здесь еще бесплоднее (голый песок и глина, по которой растут редкий саксаул и тамарикс), нежели первоначально от города Курли. После же того, как описываемая река отделяет свой рукав Кюк-ала-дарья, нет уже правильной каймы левого берега долины Тарима. Здесь и далее иногда пустыня подходит к самой реке, иногда являются бугристые площади голого песка; на правой же стороне кайма песчаных бугров тянется, как и прежде. Вообще, можно сказать, что долина нижнего течения Тарима, в особенности сначала, изобилует небольшими озёрами и тростниковыми болотами; берега озёр прорастают тростником, а в воде местами в изобилии растёт куга; на более сухих, но всё еще не вовсе бесплодных местностях, являются заросли колючки, а также кустарников. По берегу реки и её рукавов тянутся тогруковые леса, в которых местами растёт джидовое дерево. Его ягоды привлекают к себе стада зимующих дроздов — Turdus atrogularis [чернозобый дрозд]; едят эти ягоды также и фазаны и даже лисицы.

Впрочем, таримская долина сверх ожидания не богата животной жизнью. Из млекопитающих здесь всего более кабанов, местами довольно маралов[2], тигры обильны только возле деревни Ахтарма и на Инчике-дарье, вниз же по Тариму этих зверей гораздо меньше; в кустарниках довольно часто встречаются зайцы, нередки лисицы и волки; впрочем, тех и других мы сами не видели ни разу. Птицы Таримской долины, как зимующие, так и оседлые, поименованы в специальной орнитологической книге[3]...

Местность от города Курли до самого устья Тарима идёт ровным, пологим скатом. Разница абсолютной высоты не превосходит 500 или 600 футов. Почва таримской долины везде состоит из рыхлой солёной глины, ближе к озеру Лоб-нору соль преобладает. Та же глина, только с большей примесью песка, везде залегает и в

[1] Во время нашего прохождения, т. е. во второй половине ноября и в первой — декабря, Тарим замёрз только местами, на поворотах, там, где реку затёрло шугою. Весьма вероятно, что река сплошь не замерзает в течение всей зимы [приписка на полях дневника].

[2] Звери (кабаны, маралы), вследствие постоянного лазания по тростникам и колючке, стирают себе шкуру, в особенности кабаны, на ногах [приписка на полях дневника].

[3] [Имелся в виду рукописный орнитологический дневник, хранящийся в Зоологическом институте Академии наук СССР].

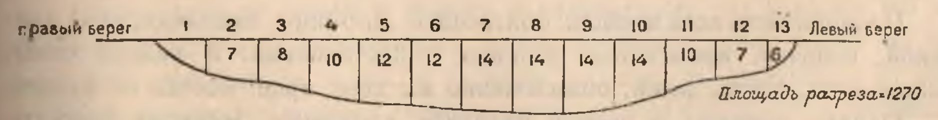
соседней пустыне левого берега описываемой реки. Вообще нет сомнения, что в геологически недавнее время на описываемых местах расстилалось море. Тогда, по всему вероятию, южный склон Тянь-шаня и горы по южную сторону озера Кара-курчин не были такими бесплодными, как ныне; тогда же, вероятно, существовали и те ледники, следы которых мы встретили в ущелье Хабцагай-гола.

По самому нижнему Тариму, там, где нет уже лесов, оба берега реки сопровождает, почти без перерыва, вал вышиною 5—10 футов. К стороне реки он довольно крут; на противоположную сторону пологий. Вал этот образуется наносною ветрами пылью и песком, которые оседают на растущий везде по берегу тростник и мало-помалу образуют здесь род вала. Та же причина засоряет русло реки, но при быстром течении Тарим всё-таки пробивает себе путь; только уровень реки повышается. Этот уровень большей частью выше окрестных солончаковвх равнин, что и даёт местным жителям возможность устраивать искусственные озера, прорывая береговой вал реки. Таких озёр по Тариму множество. Когда в образовавшееся озеро войдет достаточно рыбы, то спуск воды заделывают, озеро усыхает, и рыба без труда излавливается.

П р о м е р р. Т а р и м а. 17 февраля Тарим был промерен мною возле деревни Абдаллы, там, где мы стоим. Вот результаты: ширина реки 125 футов. Глубина через каждые 10 футов от правого берега:

У правого берега		2 фута	через	70 футов	14 футов
через	10 футов	7 футов	„	80 „	14 „
			„	90 „	14 „
„	20 „	8 „	„	100 „	10 „
„	30 „	10 „	„	110 „	7 „
„	40 „	12 „	„	120 „	6 „ (у самого левого берега)
„	50 „	12 „			
„	60 „	14 „			

Вот графический разрез реки (масштаб в 2 линиях равняется 10 футам).

Вода стояла во время промера на среднем уровне. Скорость течения была 170 футов в одну минуту.

Зимой, когда морозы угонят на юг многочисленных водяных птиц Лоб-нора, животная жизнь делается здесь весьма бедной. Только в

тростниках встречаются маленькие стайки бородатых синиц — Panurus barbatus, да камышовые стренатки [овсянки] — Cynchramus schoeniclus, C. pyrrhuloides; изредка, неслышным полётом, словно украдкой, пролетит лунь — Circus rufus, C. cyaneus. На береговых солончаках вспугнёшь иногда стадо малых [серых] жаворонков — Alaudula leucophaea, в кустах тамарикса изредка найдёшь дятла — Picus sp., Rhopophylus deserti и Passer ammodendri [саксаульный воробей]. Возле жилых мест держатся чёрные вороны — Corvus orientalis, там, где посуше, кое-где попадётся коренная жительница пустыни, саксаульная сойка — Podoces tarimensis. Если прибавить сюда редких фазанов[1], да в малом числе зимующих шевриц [луговой конёк] — Anthus pratensis и, как говорят, лебедей и выпей, то мы получим полный список зимней орнитологической фауны Лоб-нора.

Из млекопитающих здесь водятся: тигр, волк, лисица, кабан, заяц, джейран,— всё не в изобилии; даже мелких грызунов (песчанок и мышей) — и тех весьма немного.

Зато весной, в особенности ранней, Лоб-нор, в буквальном смысле, кишит водяными птицами. Действительно, описываемое озеро, помещённое среди дикой, безводной пустыни, как раз на перепутье от юга к северу, служит великой станцией, в особенности для водяных и голенастых птиц. Если бы не существовало таримской системы, то пути пролёта в Средней Азии были бы, несомненно, иные. Тогда для птиц не находилось бы места отдыха на полпути от Индии до Сибири; в один же мах пернатые странники не могли бы перенестись от Гималая за Тянь-шань.

* *
*

Прежде нежели перейдём к описанию весны на Лоб-норе, расскажем о его жителях.

Эти последние, известные, как упомянуто выше, под именем каракурчинцев, живут в одиннадцати деревнях, расположенных большей частью внутри озера Лоб-нор (42). Число каракурчинцев ныне простирается до 70 семейств, в которых приблизительно около 300 душ обоего пола.

Плодовитость всех вообще обитателей Лоб-нора невелика, чему причиной, конечно, невыгодные условия существования. В редкой семье бывает пять, шесть детей; обыкновенно же двое, трое; иногда ни одного.

Однако прежнее, и притом недавнее, население Лоб-нора было гораздо многочисленнее нынешнего. В Кара-курчине считалось тогда до 550 семейств, из которых две трети жили на самом Лоб-норе. Но лет

[1] Тот же вид, что на Тариме и Хайду-голе.

двадцать назад оспа в несколько месяцев уничтожила почти всё это население. Из оставшихся, ныне живущих, почти все переболели тогда названной болезнью. Но и эти ничтожные остатки прежних лобнорцев сохранились в первобытной чистоте лишь внутри озера Лоб-нор. Прочие обитатели Кара-курчина уже начали изменять свой прежний быт: развели стада баранов, частью и другого скота, начали сеять хлеб и употреблять его в пищу. Такое изменение к лучшему, по крайней мере, хлебопашество, началось весьма недавно под влиянием переселенцев из Хотана, живущих в Чархалыке. В окрестностях этой деревни каракурчинцы сеют (во второй половине марта) свой хлеб (пшеницу), так как на самом Лоб-норе нет пригодных для этого местностей [1].

Тем ценнее то обстоятельство, что мне удалось видеть остатки примитивного быта обитателей Лоб-нора [2]. Пройдёт ещё несколько десятков лет, и, быть может, многое, рассказанное теперь мною, будет звучать преданьем как бы о временах давно минувших.

Относительно наружного типа каракурчинцы, так же, как и обитатели Тарима, представляют смесь различных физиономий, между которыми иные напоминают монгольскую породу. В общем, всё-таки господствует тип арийского племени, хотя далеко не чистый. Сколько я мог заметить, характерными чертами каракурчинцев служат: средний и малый рост; слабое телосложение со впалой грудью; сравнительно небольшая голова, правильный, недлинный череп; выдающиеся скулы и острый подбородок; малая борода вроде эспаньолки, ещё меньшие усы и баки; вообще слабый рост волос на лице; часто толстые, как бы вывороченные, губы; наконец, тёмный цвет кожи, отчего, быть может, произошло и само назнание каракурчинцы (кара-кошун), т. е. чёрный кошун.

Язык каракурчинцев тот же, что и у всех обитателей нижнего Тарима. По их словам, этот язык близко подходит к хотанскому наречию, но более разнится от корлинского и турфанского. Вообще, все жители Тарима и Лоб-нора одного происхождения, но первые более подверглись влиянию и наплыву чужеземцев из притяньшанских оазисов.

Теперь собственно о каракурчинцах, живущих внутри Лоб-нора. Начнём с жилищ.

Плывя вниз по Тариму, узкому и извилистому, по берегам же обросшему огромными тростниками, путешественник вдруг видит на берегу реки три, четыре лодки, а за ними небольшую, свободную от тростника площадку, на которой тесно стоят несколько квадратных загородей из тростника. Это деревня. Жители, завидев незнакомого человека,

---

[1] Кроме того, немного хлеба сеют на р. Джагансай-дарье, там, где, лежат развалины старинного города.

[2] В половине марта, когда лёд окончательно растаял, я объездил в лодке почти все деревни лобнорцев.

попрятались и украдкой выглядывают сквозь тростниковые стены своих жилищ. Заметив же гребцов из своих и своего начальника, вылезают к берегу и помогают причаливать лодке. Выходишь на берег и осмотришься кругом. Везде болото, тростник,— и больше ничего; клочка нет сухого. Дикие утки и гуси полощутся возле самого жилья, а в одной из таких деревень, чуть не между самими постройками, спокойно рылся в болоте старый кабан.

Идём в само жилище. Это — квадратная загородка из тростника, который один служит материалом для всей постройки; даже столбы, по углам и в середине фасов, сделаны из тростника, связанного в снопы. Тот же тростник настлан на земле и служит хотя малой покрышкой болотистой почвы,— по крайней мере, сидишь не прямо на грязи. В некоторых жилищах я встречал еще в половине марта зимний лёд под тростником на полу. Каждый фас описываемого жилья имеет сажени три в длину; с южной стороны проделано отверстие для входа; крыша настлана также тростником, но до того плохо, что не слишком защищает даже от солнца, не только что от непогоды. Таковы также и стены; во время бури ветер проходит сквозь них не труднее, чем и через заросли камыша вообще.

Посредине жилья выкопана небольшая яма для огня. Топливом служит тот же тростник. Вообще, это растение приносит неоцененные услуги жителям Лоб-нора, доставляя материал для построек и топлива; кроме того, молодые весенние побеги тростника употребляются в пищу, а метёлки осенью собираются для постели. Наконец, из этих же метёлок летом некоторые, впрочем, уже более цивилизованные, лобнорцы, вываривают тёмную, тягучую массу сладкого вкуса, употребляемую как сахар.

Другое растение, столь же важное для обитателей Лоб-нора и Тарима,— это кендырь, кустарник, доставляющий, подобно нашей конопле, волокно, из которого приготовляется пряжа, а из неё холст для одежды и сети для рыбной ловли. Кендырь растёт в изобилии по всему нижнему Тариму, но на озере Лоб-нор его мало, так что каракурчинцы осенью и весной ездят на Тарим добывать описываемое растение, способ использования которого изложен выше.

Одежда кендыревой ткани у каракурчинцев состоит из армяка и панталон; шапка на голове зимой баранья, летом войлочная. Обувь носится только зимой, да и то весьма плохие чирки, вроде башмаков, из невыделанной шкуры; летом же все каракурчинцы, не исключая и их начальника, ходят босыми. Зимой под летний армяк для теплоты подшиваются шкурки уток, выделанные солью; пух и перо тех же уток, вместе с метёлками тростника, служат постелью, но это уже комфорт.

Многие прямо ложаться спать на голый тростник, постланный на болотистом полу жилья; покрышки никакой; тот же рваный армяк,

который каракурчинец носит днём, прикрывает его и ночью. Только для теплоты несчастный свернётся клубком, иногда даже навзничь спиной, поджав под себя руки и ноги. Таким способом при мне улеглись пять человек наших гребцов — все плотно друг к другу, словно кучка животных.

Пища обитателей Лоб-нора состоит, главным образом, из рыбы, свежей летом, сушёной зимой. Свежую рыбу едят варёной в воде, которую потом пьют вместо чая; сушёная рыба жарится на огне, предварительно смоченная солёной водой: Ни в том, ни в другом случае рыба не очищается от чешуи; её сбрасывают уже во время самой еды. Подспорьем к рыбе, как главной пище, служат весной, частью летом и осенью, утки, которых ловят в нитяные петли; наконец, как лакомство, весной каракурчинцы кушают молодые побеги тростника. Хлеба и баранины не едят, по неимению того и другого; если же достанут изредка муки из Чархалыка, то едят эту муку поджаренную на огне. Некоторые из каракурчинцев не могут даже вовсе есть бараньего мяса: оно действует вредно на их желудки, непривычные к подобной пище.

Для наглядности быта описываемых людей сделаю список имущества того семейства, в жилье которого я провёл целые сутки, ожидая, пока утихнет буря. Вот этот инвентарь: две лодки и несколько сеток вне дома; внутри его: чугунная чаша, добытая из Корла, топор, две деревянные чашки, деревянное блюдо, черпалка и ведро,— самоделки из тогрука; ножик и бритва у хозяина; несколько иголок, ткацкий станок и веретено у хозяйки; платье у всей семьи на себе; две холстины из кендыря, несколько связок сушёной рыбы — и только. Железные вещи, как-то: топоры, ножи, бритвы, работаются в Чархалыке и могут служить образцом орудий чуть не железного века; даже топор без отверстия для ручки, которая насажена сбоку в загнутые бока топорища[1].

Бедный и слабый физически, каракурчинец беден и нравственно. Весь мир его понятий и желаний заключён в тесные рамки окружающей среды, вне которой этот человек ничего не знает. Лодки, сеть, рыба, утки, тростник — вот те предметы, которыми только и наделила несчастного мачеха-природа. Понятно, что при такой обстановке, притом без влияния извне, невозможно развитие ни умственное, ни нравственное. Тесный круг понятий каракурчинца не переходит за берега родного озера; остальной мир для него не существует. Вечная борьба с нуждой, голодом, холодом наложила печать апатии и угрюмости на характер несчастного: он никогда почти не смеется. Умственные способности также не идут далее того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другие житейские заботы. Иные даже считать не умеют далее сотни, быть может, и того менее. Впрочем,

[1] Такой топор, равно как бритва и ножик, находятся у меня в коллекции.

некоторые из лобнорцев, более цивилизованные, достаточно хитры и плутоваты в обыденных случаях жизни.

Магометанская религия, которую исповедуют все каракурчинцы, слабо укоренилась между ними. По крайней мере, я ни разу не видал совершения намаза ([43]), да и во всём Лоб-норе нет ни одного ахуна. Молитвы при обрезании, браке и погребении совершает, часто заочно, грамотный сын местного правителя.

Обрезание мальчиков производится на четвёртом или пятом году, обыкновено весной, так как в это время много рыбы и уток для необходимого угощения соседей. В брак женщины вступают лет 14—15; мужчины в том же возрасте или немного старше. Впрочем, просватывание совершается гораздо раньше, когда жених и невеста имеют еще не более десяти лет. За невесту платится её родителям замечательный калым, т. е. выкуп: 10 пучков кендырного волокна, 10 связок сушёной рыбы и сотня или две уток. Распутство сильно наказывается, но муж может прогнать свою жену и взять себе другую. По смерти мужа, жена поступает к его брату или кому-либо из близких родственников покойного. Вообще положение женщины ещё более тяжёлое, нежели мужчины. Правда, жена — хозяйка дома, но над чем хозяйничать, когда почти всё имущество или носится на себе или ежедневно съедается. В отсутствие мужа жена осматривает сети; на ней одной лежит трудная работа приготовления кендырной ткани; жена также помогает мужу собирать тростник для топлива и построек.

По своей наружности женщины каракурчинцев крайне непривлекательны; в особенности безобразны старухи. Одна из них, виденная мною в средине Лоб-нора, худая, сморщенная, вся в лохмотьях, с всклокоченными волосами, дрожавшая от холода и мокроты, представляла собой самое жалкое подобие человеческого существа [1].

Покойников хоронят в лодках, составлявших собственность умершего. Одна такая лодка служит нижней, другая верхней половинкой гроба. Последний утверждается на низких подставках в небольшом углублении, выкопанном в почве; сверху могилы набрасывается земля. Вместе с покойником в гроб кладётся половина принадлежавших ему сетей [2]; остальные поступают к родственникам умершего.

Рыбная ловля производится небольшими круглыми сетями, которые ставятся в узких протоках или в нарочно выкопанных канавах между озёрами и Таримом. Рыба путается в таких сетках, которые ежедневно, утром и вечером, осматриваются хозяевами. Реже сетки делаются в несколько сажен длины, ставятся в озёрах, и рыба загоняется в них ударами вёсел по воде. При удачной ловле часть добычи сушится впрок

[1] Сколько помнится, почти то же самое пишет Дарвин про пешересов, встреченных им в лодке близ берегов Патагонии ([44]).

[1] Иногда сети обтягиваются вокруг могилы.

Озеро Лоб-нор.

на зиму, когда рыболовство совершенно прекращается; впрочем, по первому льду каракурчинцы еще ставят свои сети.

Зима, хотя недолгая, всё-таки самое тяжёлое время для обитателей Кара-курчина. В своих тростниковых жилищах эти несчастные, почти так же, как на открытом воздухе, сильно страдают от ночных морозов, переходящих за двадцать градусов.

Днём на солнце, правда, довольно тепло, но тут является другой враг — голод. Хорошо, если летом рыбы ловилось много и довольно заготовлено впрок; в иные же годы рыболовство бывает неудачно; тогда зимой приходится умирать от недостатка пищи. Немногим лучше и летом. Правда, тогда тепло и сытно, но зато мириады мошек и комаров мучат круглые сутки, в особенности в тихую погоду. В половине марта уже появляются в Кара-курчине эти проклятые насекомые и пропадают лишь поздней осенью. Сколько мук от них приходится выдерживать ребятишкам, которые бегают совсем нагие! Да и взрослым нет возможности спокойно отдохнуть даже во время ночи. Из болезней на Лоб-норе и Тариме всего более распространено воспаление глаз, вследствие солёной пыли, постоянно наполняющей воздух; затем весьма нередки язвы на теле и ревматизм.

Таково житьё злополучных лобнорцев, неведомых для всего остального мира и не знающих про него. Сидя в сырой тростниковой загороди, среди полунагих обитателей одной из деревень Кара-курчина, я невольно думал: сколько веков прогресса отделяют меня от моих соседей? И как велика сила человеческого гения, если из подобных людей, каковыми, по всему вероятию, были и наши далёкие предки, могли сделаться нынешние европейцы! С тупым удивлением смотрели на меня лобнорские дикари, но не менее того интересовался и я ими. Было слишком много манящего и оригинального во всей окружающей обстановке среди далёкого, неведомого озера, в кругу людей, живо напоминавших собою примитивный быт человечества...

* *
*

Весь февраль и первые две трети марта проведены были нами на берегу Лоб-нора, — и это была шестая по счёту весна, посвящённая мною орнитологическим исследованиям на обширном пространстве Восточной и Средней Азии — от озера Ханка в Маньчжурии до Лоб-нора в Восточном Туркестане ([45]).

Осмотрев местность, мы поместились на берегу Тарима, как раз возле западного края самого Лоб-нора, в одной версте от небольшой деревни Абдаллы, где пребывает лобнорский правитель

Кунчиканбек[1]. Кругом нас, по той и другой стороне Тарима раскидывались сплошные болота и озёра, так что едва отыскалась сухая площадка для нашей стоянки. Зато место для орнитологических наблюдений было очень хорошее: всякая вновь появлявшаяся птица тотчас же могла быть замечена.

Ожидание обильного пролёта птиц нас не обмануло. Едва лишь 3 февраля достигли мы берега Лоб-нора, как уже встретили здесь появившихся, вероятно, несколькими днями раньше, чаек — Larus brunneicephalus, и лебедей Cygnus olor; из последних, впрочем, замечен был лишь один экземпляр, да и то, быть может, здесь зимовавший. Назавтра показались первые прилётные турпаны [красная утка] — Casarca rutila, красноноски — Fuligula rufina, и серые гуси — Anser cinereus, а ещё через день — шилохвости — Dafila acuta, белые и серые цапли — Ardea alba, A. cinerea. Вслед за этими первыми гонцами, с 8 февраля, начался огромный валовой прилёт уток, собственно двух пород — шилохвостей и красноносок.

13, 14 февраля. Валом валят утки, в особенности шилохвостки [шилохвости]. Появляются и другие виды, но в малом еще количестве, только одних красноносок—Fuligula rufina — очень много, хотя всё-таки не столько, сколько шилохвостей. Ежедневно с полудня огромнейшие стада (преимущественно шилохвостей) садятся по берегам озёр (реже на лёд), где кормятся какою-то низкой солянкой. Всё это не далее одной, двух вёрст от нашей палатки. Ежедневно я бью по десятку и более, преимущественно в стаде; стреляю шагов на сто и более в большие кучи. Сегодня убил пять штук на 162 шага, на такое расстояние дробь, хотя и крупная, действует слабо; поэтому убиваются лишь те, которым попадает в крыло, в шею или голову. Обыкновенно один заряд пускается в сидячих, а другой в тот момент, когда стадо только что взлетит и стеснится в кучу.

Погода стоит не особенно хорошая; в воздухе постоянная пыль, так что трудно делать астрономические наблюдения; полярную звезду вовсе нельзя наблюдать; по ночам морозы до —13°, но днём тепло. Лёд на озёрах тает понемногу, но еще по нему можно ходить, хотя в тростниках обыкновенно проваливаешься.

Целые дни, с утра до вечера, почти без перерыва, неслись стада — всё с запада-юго-запада и летели далее к востоку, вероятно, отыскивая талую воду, которой в это время было еще очень немного. Достигнув восточного края Лоб-нора и встретив здесь снова пустыню, прилётные

---

[1] В переводе этот титул означает «Бек восходящее солнце». Отец Кунчикана именовался Джагансай-бек, т. е. «Владетель вселенной». Как видно, человеческое тщеславие проникает и в самые дикие пустыни.

утки поворачивали назад и размещались по многочисленным, еще закованным льдом, озеркам и заводям Лоб-нора. В особенности много скоплялось птицы там, где на грязи растут низкие солянки, чего именно всего обильнее и было вблизи нашей стоянки. Сюда каждодневно, в особенности с полудня до вечера, сбирались такие массы уток, что они, сидя, покрывали, словно грязью, большие площади льда, поднимались с шумом бури, а налету издали походили на густое облако. Без преувеличения можно сказать, что в одном стаде было тысячи две, три, быть может, даже четыре или пять тысяч экземпляров. И такие массы встречались вблизи друг друга, не говоря уже о меньших стайках, беспрестанно сновавших во всех направлениях. В течение дня положительно не выдавалось минуты, чтобы нельзя было заметить, да и не одну, а несколько стай, то местных, то прилётных. Последних тотчас же можно узнать по их более высокому, торопливому, но в то же время и правильному (обыкновенно в линию) полёту. Не десятки, не сотни тысяч, но, вероятно, миллионы птиц явились на Лоб-нор в течение наиболее сильного прилёта, продолжавшегося недели две, начиная с 8 февраля. Сколько нужно было ежедневно пищи для всей этой массы! И что именно так рано гонит птиц с места их зимовки в странах юга на север, где в это время еще и холодно и голодно! Видно, тесно на чужбине, поскорее хочется на простор малолюдных стран севера, туда, где проходят счастливые дни супружеской жизни и трудное время воспитания детей. Там для каждой перелётной птицы её родина, покинутая лишь на время. И с какой радостью пернатые странники спешат весной домой; с какой неохотой покидают этот дом осенью, когда пролёт длится целые месяцы!

Наблюдение весеннего пролёта на Лоб-норе дало новые доказательства тому, что пролётные птицы часто летят не по кратчайшему меридиональному направлению, но избирают для себя более выгодные, хотя и окольные пути. Все без исключения стаи, являвшиеся на Лоб-нор, летели с запада-юго-запада, реже с юго-запада или запада; ни одной птицы не было замечено в пролёт прямо с юга от гор Алтын-таг. Подобное явление указывает на то обстоятельство, что пролётные стаи, по крайней мере, водяных птиц, не решаются пуститься из Гималаев прямо на север, через высокие и холодные тибетские пустыни, но перелетают эту трудную местность там, где она всего уже. По всему вероятию, пернатые странники следуют из долин Индии в окрестности Хотана, а затем уже направляются к Тариму и Лоб-нору через более тёплые и низкие пустыни. Этим и объясняется причина западно-юго-западного, а не южного прилёта птиц на Лоб-нор.

Осенью, по словам местных жителей, отлёт производится в том же направлении.

С началом валового прилёта уток начались и наши каждодневные

охоты за ними. В этих охотах принимали горячее участие и казаки[1], стрелявшие дробью-самоделкой. Впрочем, вскоре весь запасной свинец вышел, и наши сподвижники должны были прекратить стрельбу дробовиками; из винтовок же разрешено было мною стрелять только крупных птиц — гусей, лебедей, орлов и т. п. Охота собственно на уток постоянно была баснословно удачна. Обыкновенно десятками считали число убитых, да и то еще ограничивали свою стрельбу, имея не слишком большой запас дроби и не зная, что́ делать с убитыми утками. Последних требовалось ежедневно для еды по три штуки на брата, так что в нашем котле, для завтрака, обеда и ужина, каждодневно варилось 24 утки. Таков бывает аппетит у путешественников, для которых, при жизни на открытом воздухе и постоянном моционе, чужды всякие расстройства желудка, равно как и бессонница.

На охоту отправлялись мы обыкновенно в полдень или немного ранее, когда солнце уже достаточно обогреет, а утки начнут свою жировку по солончакам. В это время, занятые едой, птицы гораздо непугливее. Притом, бродя постоянно по льду озёр, начавшему с половины февраля сильно таять, часто случалось проваливаться иногда до пояса. Подобное купанье весьма чувствительно и в тёплый день; в морозное же утро, вымочившись, пришлось бы возвращаться домой.

Охота начиналась от самой нашей юрты. Оглядевшись вокруг, почти всегда можно было заметить несколько стад, то на грязи по берегам озёр, то на льду. На последний особенно любят садиться шилохвости, тогда как красноноски и полухи [серухи] — Anas strepera — предпочитают открытую воду. Сидя плотной кучей, стая всегда глухо бормочет; на покормке же слышится издали щекотанье клювов и шлёпанье по грязи. Сообразив, к какой стае удобнее подкрасться, отправляешься к ней, сначала обыкновенной ходьбой, потом согнувшись и, наконец, ползком. Из-за тростника подкрадёшься шагов на сотню или ещё ближе, выглянешь украдкой, — и сердце замрёт от охотничьей ажитации. Перед вами, словно жидкая грязь, копошится масса уток; только торчат головы, да белеют шеи в этой безобразной массе. Переведя дух, приложишься; один выстрел грянул в сидячих, другой в лёт, — и целый десяток, иногда даже более, убитых или подстреленных, валится на лёд или на землю. Многие тяжело раненые отлетают в сторону и также падают, но их некогда собирать, — это добыча орлов, ворон и луней, которые издали следят за охотниками.

С шумом бури поднимутся после выстрелов ближайшие стаи, но, покружившись немного, опять усядутся, иногда на тех же самых местах. Тем временем подберёшь убитых, изловишь подстреленных, сло-

[1] Казаки, оставленные в Чархалыке, присоединились к нам на Лоб-норе; сюда же вскоре прибыл и Заман-бек, ездивший во время нашего отсутствия в г. Корла, по требованию Бадуалета.

жишь всё это в кучу где-нибудь в тростнике, чтобы взять на обратном пути, и отправляешься к другой стае. Здесь повторяется та же самая история. Иногда стадо сидит далёко от тростника, так что подкрасться близко невозможно; тогда пускаешь заряд шагов на полтораста. Даже на таком расстоянии случалось убивать самой крупной дробью по несколько экземпляров. Впрочем, при подобном выстреле падали лишь те утки, которым попадало в голову, шею или крыло.

Наскучив бойней в стае, мы с товарищем отправлялись на стойки, стрелять в лёт одиночных. Подобным образом скорее можно было добыть и экземпляр для коллекции, тогда как в стаях убивались почти исключительно шилохвости. Места для стоек выбирались обыкновенно в тростнике, чтобы лучше укрыться. Стрелялось только по выбору; иначе не успевал бы ружьё заряжать, столько проносилось уток через самую голову; изредка вылетали гуси, цапли, чайки, луни и попадали под выстрел. Как обыкновенно весной, довольно было промахов, ещё больше уходило раненых; но всё-таки, простояв часа два, три, можно было настрелять не мало.

Местные жители не стреляют уток, но ловят их в нитяные петли, которые ставятся на местах жировок птицы. Таким способом каждый промышленник добывает в течение весны до двухсот экземпляров.

Как быстро шёл валовой прилёт птиц на Лоб-норе, так скоро он и окончился. Вся громадная масса уток прилетела в две недели, даже того менее, так что с 20 или 22 февраля только изредка можно было заметить вновь прилетающие стаи. Притом же ранний весенний прилёт в описываемой местности был чрезвычайно богат по массе птицы, но беден по количеству видов. Последних к 19 февраля считалось в прилёте 27, в следующем порядке их появления: Larus brunneicephalus [тибетская буроголовая чайка], Cygnus olor [лебедь-шипун], Fuligula rufina [красноносый нырок], Casarca rutila [красная утка], Anser cinereus [серый гусь], Anas acuta [шилохвость], Ardea alba [белая цапля], Ardea cinerea [серая цапля], Fuligula ferina [красноголовый нырок], Graculus carbo [большой баклан], Anser indicus [горный гусь], Budytes citreoloides [желтоголовая трясогузка], Turdus ruficollis [чернозобый дрозд], Anas penelope [свиязь], Larus argentatus? [серебристая чайка], Fuligula nyroca [белоглазый нырок], Anas boschas [кряква], Fuligula clangula [гоголь], Anas crecca [чирок-свистунок], Tadorna cornuta [пеганка], Fuligula cristata [хохлатый черныш], Anas strepera [серуха], Sterna caspia [чеграва], Botaurus stellaris [выпь], Anas clypeata [широконоска], Totanus calidris [травник], Fulica atra (лысуха).

Из всех этих птиц огромными массами явились только три вида: шилохвости, красноноски и полухи. Всего более было шилохвостей, которые по числу составляли решительно преобладающий вид и встречались на каждом шагу. Остальные из вышепоименованных птиц до

конца февраля являлись на Лоб-нор в ограниченном числе. Впрочем, в последней трети этого месяца прилетело довольно много серых гусей, бакланов и уток-свищей Anas penelope [свиязь]. 18 февраля появились даже лысухи. Удивительно, каким образом могла эта плохо летающая птица перенестись в такую раннюю пору года через холодные пустыни западного Тибета. Двумя днями ранее я впервые услыхал голос выпи, также весьма плохого летуна, но, быть может, то был зимовавший здесь экземпляр.

Казалось бы, что с прилётом огромной массы пернатых созданий озеро Лоб-нор должно было бы ожить от своей зимней мертвечины, но, странное дело! — вся эта куча перелётных птиц мало придала жизни здешним местам. Правда, глаз наблюдателя всюду близ воды видел движение и суету, целый птичий базар, но воздух весьма мало оглашался радостными песнями и голосами весны наших стран. Все пернатые гости держались кучами, не играли, не веселились, зная, что здесь для них только временная станция, что впереди ещё лежит далёкий, трудный путь. Раннее утро, поздний вечер и тёплый, ясный день не оглашались на Лоб-норе теми песнями и звуками, которые для любителя природы дороже всякой музыки, выше всех наслаждений. Не радостным и живительным, но болезненным дыханьем веяла здешняя ранняя весна. Только сидя на льду, стаи глухо бормотали, словно рассуждали о предстоящем отлёте далее на север.

Из местных птиц один малый [серый] жаворонок Alaudula leucophaea? кое-когда начинал петь, да и то оказывался плохим мастером этого дела.

Погода за описываемый период, т. е. в течение февраля, стояла вообще довольно тёплая. В полдень термометр в тени поднимался до+13°,6; по восходе солнца в первой половине месяца температура падала до — 15°,3; во второй же половине февраля не понижалась более чем до — 10°,6. Небо большей частью было подёрнуто лёгкими, слоистыми или перистыми облаками, а в воздухе, словно туман или дым, стояла постоянная пыль. Эта пыль поднималась в атмосферу ветрами, хотя не особенно частыми и сильными, но дважды переходившими (от северо-востока) в бурю. Во время бури пыль неслась в воздухе целыми тучами и окончательно затемняла солнце. На дворе делалось что-то вроде сумерок; глаза не видели ничего далее сотни шагов, дышалось тяжело. Обыкновенно буря стихала быстро, но и после неё еще по целым суткам стояла в воздухе пыльная мгла. При ветре, как и вообще в Средней Азии, всегда становилось холодно. Атмосферных осадков не падало вовсе; сухость воздуха была страшная. Тарим в своём низовье вскрылся 4 февраля, но лёд на озёрах стоял до начала марта, хотя уже в последней трети февраля он весь посинел и едва держался.

Органическая жизнь также начала пробуждаться рано: 7 февраля на грязи замечены первые мухи; пауки показались даже несколькими днями раньше; с 8-го числа начался прилёт птиц; первые же пролётные птицы замечены 3 февраля. Вода в Тариме была невысока, но в самых последних числах февраля начала прибывать. Температура этой воды прибавлялась понемногу, иногда задерживаясь холодами; максимум тепла таримской воды был +2°,7.

С первыми днями марта, лишь только вскрылись озёра, как все пернатые гости Лоб-нора сразу отхлынули на север. В два-три дня наполовину уменьшилось прежнее обилие уток. По целым ночам слышен был шум улетавших стад. Днём они отправлялись в путь лишь изредка, но ночью спешили без оглядки. К 10-му или 12 марта валовой пролёт уже окончился. Как быстро прилетели птицы на Лоб-нор, так же быстро и покинули его. Снова опустело озеро, по крайней мере, сравнительно с массой жильцов, пребывавших здесь в феврале. Зато оставшиеся для гнездования птицы начали больше жить жизнью весенней. Чаще слышались голоса уток и гусей, крик чаек, гуканье выпи и писк лысух; в тростниках по вечерам раздавалось звонкое трещание водяного коростеля [пастушки] — Rallus aquaticus, — но и только; других певунов в болотах Лоб-нора не имеется.

Прилёт новых птиц в течение всего марта был вообще бедный как по числу видов, так и по количеству экземпляров. В первой половине описываемого месяца появились: Grus cinerea [серый журавль], Lanius isabellinus [пустынный жулан], Buteo vulgaris [канюк], Pelicanus crispus? [серый пеликан], Anas querquedula [чирок-трескунок], Saxicola leucomela [каменка-плешанка], Mergus merganser [большой крохаль], Podiceps minor [малая поганка], Aegialites cantianus [морской зуёк]; во второй половине марта пролетали: Sturnus unicolor? [скворец], Cypselus murarius [стриж], Silvia curruca? [славка-завирушка], Numenius arquatus [большой кроншнеп], Milvus ater [чёрный коршун], Saxicola atrogularis [пустынная каменка], Hirundo rustica [касатка], Ciconia nigra [чёрный аист], Cyanecula coerulecula [варакушка], Hypsibates himantopus [ходулочник].

Растительная жизнь, несмотря на прибывавшее тепло, всё еще дремала, как и зимой. Только в самых последних числах марта начали кое-где показываться зелёные ростки тростника, да на тогруке потемнели и надулись цветовые почки. Причиной такого позднего пробуждения растительности была страшная сухость воздуха и периодические холода, наступавшие не только по ночам, но и днём во время сильных ветров. Последние дули попрежнему все от северо-востока и гораздо чаще, нежели в феврале, превращались в бури, поднимавшие в воздух тучи пыли. Эта пыль толстым слоем садилась на тростник и кустарники, в зарослях которых нельзя было шагу ступить без того,

чтобы не залепило глаза. Атмосфера была постоянно наполнена той же пылью, сквозь которую солнце светило, как сквозь дым. Совершенно ясного дня мы не видали ни одного в течение всего марта и первых двух третей апреля. Утренние и вечерние сумерки обыкновенно длились гораздо долее, чем бы им следовало; воздух же был постоянно густой и тяжёлый для дыхания.

* *
*

21 марта. Сегодня окончил всё, что нужно было написать о Лоб-норе, его жителях, пролёте птиц и пр.[1]. Легко стало на сердце. Всё виденное и испытанное сдано в архив — не забудется. Трудна работа писания во время путешествия, но она безусловно необходима; впоследствии уже бледно явится то, что теперь так еще живо в воображении.

Окончательно собрались в дорогу. Завтра идём в Курлю и оттуда в Кульджу. Теперь пролёт водяных птиц окончился, начинают лететь пташки; следовательно, всё новое и интересное можно будет встретить лишь в лесистой долине Тарима. Два сундука больших брошены, дробь и патроны значительно поуменьшены стрельбою, юрта брошена, но всё-таки у нас теперь 11 вьючных верблюдов. Из них двое под шкурами зверей, один под ящиком с птицами, да полвьюка занимают черепа. Из 24 верблюдов, с которыми мы вышли из Курли, теперь осталось лишь 11, остальные передохли, да одна самка родила, — следовательно, не годилась в дорогу. Из кульджинских[24] осталось только 5, да и те едва ли дойдут до Курли. Там будем не ближе как через месяц, пойдём тихо[2].

Несмотря на то, что наши кульджинские верблюды провели три месяца на хорошем корме и отдыхе, почти ни один из них не поправился. До того попортили их переправы через Или и Текес, сырость на Кунгесе и горные дороги.

Странно! До Кульджи ещё тысячу вёрст, но раз мы повернули в ту сторону, всё пройденное прежде, даже далёкая Кульджа, вдруг стала как бы ближе наполовину. Так было и в прошлом путешествии.

Конец марта и первые дни трети апреля были проведены нами в долине нижнего Тарима, по пути от Лоб-нора к Тянь-шаню. В этой

[1] [Эти записи сделаны Н. М. Пржевальским не в дневнике, а на отдельных листах, частично же в его орнитологических дневниках, хранящихся в Зоологическом институте Академии наук СССР. Примечание П. П. Померанцева].

[2] Через Лоб-нор в Тибет нельзя итти: 1) нет верблюдов, 2) дурная дорога, 3) нет проводников, 4) не хватит сил вновь испытать все гадости [приписка на полях дневника].

достаточно лесистой местности, на которую мы возлагали большие надежды, оказалось также слишком мало весенней жизни. Несмотря на постоянные и сильные жары, доходившие в апреле до +34°,5 в тени, только в половине названного месяца на деревьях тогрука и на джиде развернулись листья, да и то не вполне. Остальные кустарники, равно как и тростник по болотам, отливали тем же желтоватым цветом, как и зимой. Не видно было ни одного цветка, ни одной бабочки, взамен которых на болотах роились тучи мошек и комаров, а на сухих местах ползали скорпионы и тарантулы. Здесь не встречалось ни ящерицы, ни насекомого, словом, ни одного живого существа. Только частые вихри крутили раскалённую пыль и словно демоны бегали перед глазами путника.

Немного отраднее становилось лишь возле озера, где в тростниках пели варакушки и камышовки, да токовали фазаны. В лесах же, кроме гнездящихся скворцов, стрижей и сорокопутов, весьма мало встречалось других птиц. Пролётных мелких певунов, кроме Sylvia curruca [славка-завирушка] не было вовсе. Все они бегут пустынь Лоб-нора и окольной дорогой направляют свой путь в леса Сибири.

К 10 апреля весенний пролёт птиц для здешних местностей уже окончился. К прежде названным видам теперь прибавились: Motacilla personata [белая трясогузка], Calamodyta turdoides [дроздовидная камышовка], Ortygometra pusilla [малый погоныш], Saxicola oenanthe [каменка], Sterna hirundo [речная крачка], Podiceps cristatus [чомга], Totanus glottis [большой улит], Totanus ochropus [черныш], Tringa minuta? [кулик-воробей]. 19 апреля, уже недалеко от Тянь-шаня, мы первый раз услышали голос кукушки — Cuculus canorus, словно возвестивший нам близость мест, бесконечно лучших по климату и природе, чем те пустыни, в которых мы провели почти полгода.

* *
*

Трудности съёмки по Тариму. Из всех посещённых мною стран Азии долина Тарима вместе с озером Лоб-нор представляет наиболее трудностей для производства глазомерной съёмки. Тому причиною, во-первых, характер самой местности, представляющей сплошную равнину, густо усеянную невысокими глинистыми буграми, или поросшей тогруковым лесом и кустарниками, или, наконец, сплошь покрытую высокими тростниками. Ориентироваться на какие-либо предметы в подобной местности невозможно,— всё под одну стать, нет никаких выдающихся точек. Притом тропинка часто вьётся то вправо, то влево через каждую сотню шагов. К довершению трудностей воздух постоянно наполнен

густой пылью, часто не позволяющей видеть далее нескольких сот шагов. Эта же самая пыль затмевает и солнце, которое светит обыкновенно тускло, как сквозь дым; нет возможности ориентироваться даже и по тени. При таких условиях невозможно и думать о правильной съёмке; достаточно, если она будет хотя приблизительная. Так я и сделал. В дело употребил обыкновенный компас, по которому определил направление пути, делая это притом очень часто, сидя на лошади. Буссоль пускалась в дело изредка, лишь в том случае, когда можно было сделать засечку на более продолжительное расстояние, т. е. версты на две или на три. Притом частое смотрение в буссоль возбуждало сильное подозрение во всех наших спутниках. Из них только один Замен-бек знал, что я делаю съёмку,— секретно её невозможно было сделать, скрытность здесь могла только повредить. Конечно, Якуб-беку не особенно приятно будет знать про подобные наши занятия, но волей-неволей он должен смотреть на это сквозь пальцы. Теперь Бадуалету невозможно ссориться с нами, ведя войну с китайцами. Про местность по сторонам нашего пути разузнать верно было крайне трудно; обыкновенно нам сообщали явные нелепости. Хорошо еще, что осенью, идя на Лоб-нор, я записал всё, что можно было увидать по сторонам в то время, когда воздух был свободен (хотя и не вполне) от пыли. Эти заметки служат подспорьем к настоящей съёмке, которая охватит собою один из самых неведомых уголков Азии.

* *
*

Возвратясь 25 апреля в город Корла, мы были помещены в прежнем доме, опять содержались взаперти и под караулом. На пятый день по приходе имели свидание с бывшим владетелем Восточного Туркестана, ныне уже умершим, Якуб-беком. Последний принял нас ласково, по крайней мере, наружно, и всё время аудиенции, продолжавшейся около часа, не переставал уверять в своём расположении к русским вообще, а ко мне лично в особенности. Однако факты показывали противное. Через несколько дней после свидания нас, также под караулом, проводили за Хайду-гол и при расставании не устыдились попросить расписку в том, что мы остались всем довольны во время своего пребывания в пределах Джитышара [Джеты-шаара].

В ответ на подарки, сделанные нами Якуб-беку и некоторым из его приближённых, мы получили четыре лошади и десять верблюдов [1]. Последние были до крайности плохи, и все издохли в два дня, лишь

[1] Ранее того мы получили семь верблюдов, идя на Лоб-нор.

только мы вошли в горное ущелье Балгантай-гола. Положение наше тогда сделалось весьма трудным. Ворочаться назад нечего было и думать, а между тем у нас налицо осталось только десять верблюдов [1] и шесть верховых лошадей. Завьючив последних и сжёгши все лишние вещи, без которых можно было обойтись, мы взошли пешком на Юлдус. Отсюда я послал казака и переводчика в Кульджу дать знать о нашем трудном положении и просить помощи. Через три недели явились новые вьючные животные и продовольствие. В последнем мы особенно нуждались, так как наши небольшие запасы, взятые из Корла [Курли], вскоре истощились и пришлось питаться исключительно охотой.

* *
*

22, 23 апреля. Прошли 22 версты до города Курли. За один переход навстречу к нам выслан был Бадуалетом чиновник. В городе мы поместились в той же самой фанзе, в котором жили прошедшей осенью. Здесь же, на другой половине двора, поместился и Заман-бек. При приезде, возле фанзы, нас встретил один из чиновников, управляющих городом, на место Токсобая, который отправился воевать с китайцами. После обычных приветствий нам предложено было угощение: пилав, суп, чай с сахаром и груши.

Город Курля. Лежит на р. Конче-дарья тотчас по выходе её из последних отрогов Тянь-шаня, верстах в трёх-четырёх от подошвы гор. Этот город состоит из двух частей: старого города, в котором помещаются жители и лавки, и новой крепости, которая выстроена недавно, вероятно, Бадуалетом, для помещения войск.

Старый город также обнесён квадратною глиняною стеною, фасы которой имеют около полуверсты в длину. Новая крепость, как и везде в Азии, состоит из квадратной глиняной стены, вышиною сажен в пять со рвом впереди [2]. Длина каждого фаса сажен в 150; верх убран зубцами с бойницами; по углам и в средине фасов выступают для фланкирования круговые глиняные башни с бойницами. Ворот, кажется, двое. Новая крепость отстоит от старого города версты на полторы к северу.

Вокруг городских стен рассыпаны на несколько вёрст фанзы и поля, орошаемые арыками из р. Конче. Кроме того, поселения тянутся вниз по Конче-дарье вёрст на 25. По собранным сведениям, как в самом Курле, так и в прилегающих к нему деревнях

---

[1] Всего в течение лобнорской экспедиции, считая от выхода из Кульджи до возвращения туда и обратно, у нас издохло 32 верблюда.

[2] Правителю Курли подчинен Кара-шар и Лоб-нор [приписка на полях дневника].

(считая всё вниз по Конче), живут 612 семейств в числе около 5 000 душ обоего пола. Бо́льшую половину населения составляют дунгане, затем туземцы и разные выходцы из городов Восточного Туркестана. Довольно также уроженцев оазиса Хами. Кроме того, в прошедшем году здесь поселено 700 семейств дунган, бежавших из Урумчи. Эти дунгане не входят в вышеприведенную цифру населения. Последнее теперь гораздо значительнее по случаю пребывания Якуб-бека.

Торговля в Курле не велика: самый зажиточный купец, как нам сообщали, торгует здесь не более как на 10 ямбов серебра, т. е. на тысячу рублей. Сами мы и [ни] в первое [и] ни [во] второе посещение не были внутри описываемого города. Туда даже не пустили наших казаков, говоря, что всё нужное доставят на дом.

Сельские местности в окрестностях Курли расположены, как вообще в Азии, отдельными фермами; при каждой фанзе находится сад. Из плодов здесь родятся: яблоки (плохие), груши, грецкие орехи, джида, шелковица. В особенности славятся груши, которые сохраняются до мая. Из огородных овощей разводятся в большом количестве арбузы, дыни. Последние превосходного качества и сохраняются почти до весны. Для этого после сбора их кладут тут же в огородах на землю, покрывают соломой и держат таким образом целый месяц. Затем относят в закрытые помещения, где укладывают в один ряд на солому и сверху покрывают ею же. По временам запас осматривается, и испортившиеся выбрасываются.

Посадка дынь производится в начале апреля. Земля (глина) разбивается на грядки длиною в сажень или немного более и в ширину около аршина; в этих грядках на расстоянии около двух футов или немного менее садятся семена. В пространство между грядами пускается из арыков вода, которая впитывается в почву. Прямо ни семян, ни ростков не следует поливать. Притом поливка из арыков производится, как говорят, только два раза: при посадке семян и когда плоды уже довольно велики.

В Курле иногда случаются при сильных ветрах с Тянь-шаня морозы даже в мае; тогда дыни, арбузы и все фрукты пропадают. 27 апреля я сам наблюдал мороз в 1° на восходе солнца. Цветы абрикосов и персиков были побиты.

24—30 апреля. Прибыли в Курле. 28-го числа свидание с Бадуалетом. Приём превзошёл всякие ожидания. Подарили Бадуалету три ружья: двухствольный штуцер американской системы (1 ствол внизу другого); магазинный штуцер Henry Martin о 17 выстрелов (к нему 200 патронов) и ружьё Бердана с 300 патронов; Заман-беку подарил свой старый штуцер Ланкастера, с которым

я выходил прошедшую экспедицию. Ещё пришлось подарить только револьвер Кольта правителю Курли да нейзильберное зеркало и бинокль секретарю Бадуалета. Противоположно монголам и китайцам, здешние чиновники оказались не падкими на подарки. Вероятно потому, что боятся Бадуалета... Во все время пребывания в Курле нам каждый день утром приносили дастар-хан, т. е. угощение: чай, сахар, сахарные лепёшки и баранки и зёрна урюка в сахаре; к этому ещё прибавлялись битые белки с молоком и сахаром в чашках. На обед или на ужин приносили пилав и суп.

Вообще теперь нас приняли несравненно лучше, нежели прошедшей осенью [1]. Впрочем, и теперь к нам никого не пускали из местных жителей, кроме присланных Бадуалетом; казаки также не ходили на базар; да и незачем было. Впрочем, Заман-бек просил меня не отпускать казаков в город во избежание каких-либо неприятностей.

30 апреля. Утром выступили из Курли в сопровождении Заман-бека, секретаря Бадуалета и градоначальника города Курли. Последние двое были приставлены, чтобы блюсти, кроме нас, и за Заманом. Всего с нами поехала орда человек 20. Удобно весьма делать научные исследования! Одно радует, что это последнее наше испытание. Несмотря на мою просьбу, нас повели на Карашар, где переправа на плоту; мы должны были рисковать переправою вброд через Хайду-гол на прежнем месте, т. е. в урочище Хара-мото.

Климат апреля. Жары больше, чем у нас в июле. Правда, с начала месяца еще по утрам перепадали (два раза) небольшие морозы, но вскоре и они кончились. Жарко и душно стояло не только днём, но и ночью. Воздух постоянно был наполнен густой пылью, правда, отчасти ослаблявшей действие солнечных лучей, но зато производившей духоту. Максимум температуры в полдень был +34°,4 в тени. Впрочем, как и вообще в пустынях Средней Азии, разница между температурой в тени и на солнце была незначительна. Сухость воздуха, даже на берегу Тарима, не говоря уже о соседней пустыне, достигала страшных размеров. Из наших вещей всё, что могло иссохнуть, потрескалось и полопалось. Дни стояли большей частью или совершенно тихие или с бурей; последние (всего шесть) случались реже, нежели в марте, но все от востока и северо-востока. В полдень и после него часто крутились вихри, иногда очень сильные. По ночам становилось обыкновенно немного светлее, нежели днём, пропадали перистые облака, но всё-таки звёзды были видны очень слабо, да и то лишь ближайшие к

[1] Вздор [приписка на полях дневника].

горизонту. Кроме пыли, небо почти постоянно днём было подернуто лёгкими, вероятно, перистыми облаками; совершенно ясных дней не было ни одного.

Вследствие жаров вода не только в озёрах, но даже и в Тариме нагрелась сильно, до +20°,2; температура почвы и половине месяца достигала на 1 фут + 14°,7, на 2 фута + 12°,5.

В городе Курле, лежащем у нижней подошвы Тянь-шаня, характер погоды изменился. Сделалось значительно прохладнее; увидели мы и голубое небо. Впрочем, и здесь не только сильные, но даже умеренные ветры, дующие с пустыни, приносят густую пыль; тяньшанские же ветры холодные; так, в бурю 26-го числа, термометр упал утром до + 2°,3; на следующий день, когда разъяснило, выпал даже мороз — 1°, побивший цвет на фруктовых деревьях [1]. Притом вместе с бурей 25-го числа мы увидали первый крапавший дождь; в тот же день падал редкий град величиною в кедровый орех, и слышался первый удар (слабый) грома; на другой день моросил снег. Всё это случилось после страшных жаров Лоб-нора. Впрочем, не только подошва, но даже весь южный склон Тянь-шаня, вероятно, беден атмосферными осадками. Приходя, главным образом, из Сибири, влага осаждается на северном склоне и исполинских вершинах Тянь-шаня; южному его склону не достаётся почти ничего; оттого здесь нет и растительности,— горы совсем голые. Перед бурей, 25-го числа, барометр сильно упал. Вообще в лобнорских пустынях, обильных весной бурями, замечательны огромные колебания барометра.

* *
*

В половине мая, когда мы пришли на Юлдус, растительная жизнь развернулась здесь еще весьма мало. Много было работы солнцу растопить глубокий зимний снег и согреть оледеневшую почву [2]. Не скоро мертвящий холод уступил место благотворному теплу. Не только в мае, но даже и начале июня шла еще здесь борьба между этими Ариманом и Ормуздом (46).

Ночные морозы [3], холодные западные и северо-западные ветры, по временам даже снег [4], как нельзя более задерживали развитие весен-

[1] Буря длилась без перерыва 1½ суток [приписка на полях дневника].

[2] Зимой на Юлдусе, как говорят, выпадает снег от 2 до 4 футов глубиной; по горам же и более. Морозы стоят весьма сильные. В половине мая мы встретили еще на реке Хорёты-гол на абсолютной высоте 8 500 футов очень большие пласты льда, толщиной 2—3 фута.

[3] До — 2,3° в начале июня.

[4] В последней трети мая снег (довольно глубокий) выпадал в горах до 9 000 футов абсолютной высоты.

ней растительности. Но привычны здешние травы и цветы к подобным невзгодам. Дайте им только днём несколько часов тепла, — и эти дети весны не замедлят развернуть свою недолговечную жизнь.

Так в горах вообще, а в азиатских в особенности. Лишь только перевалило за вторую половину мая, — с каждым днём начали прибывать новые виды цветущих растений. Везде по влажным склонам гор и по долинам показались жёлтые головки дикого чеснока — Allium [дикий лук] и низкорослый лютик; в меньшем числе — Pedicularis [мытник] и Viola [фиалка]. На более сухих местах запестрели голубые головки прострела — Pulsatilla [сон-трава], а по скатам холмов рассыпались мелкие, красноватые цветки Primula [первоцвет]. Позднее, на сухих каменистых скатах расцвела камнеломка — Saxifraga; наконец, начал цвести низкий, колючий кустарник — Caragana.

По горным долинам, возле ключей, а особенности на солнечном припёке, в конце описываемого месяца показались незабудки — Myosotis, росянка — Drosera, подмаренник — Gallium, белые и жёлтые одуванчики — Leontodon; тут же по скалам: горошек — Vicia, лапчатка — Potentilla, звездчатка — Stellaria и др.

На степной равнине Юлдуса растительность не богата, хотя трава большей частью хорошая для корма скота. Здесь цветы красовались лишь по влажным местам, возле речек, и то не в обилии. Кроме двух видов прострела, местами цвели голубой касатик (Iris) и кукушкины слёзы, а по сухим глинистым местам во множестве пестрели крошечные белые цветки камнеломки. Вот и только! На озёрах и кочковатых болотах по берегам Бага-Юлдус-гола было ещё беднее; цветущих растений здесь не имелось вовсе.

Животная жизнь на Юлдусе весной была обильнее, нежели встреченная нами здесь прошедшей осенью. Правда, звери оставались те же, но зато теперь проснулись от зимней спячки тарбаганы, и их свист очень часто раздавался по горным долинам. Ещё более заметно было прибыли среди птиц, в особенности мелких пташек, которые, как и везде весной, жили радостно, пели и веселились по целым дням. В суровых скалах альпийской области теперь слышалось прекрасное пение завирушки — Accentor altaicus, клокотанье и свист уларов — Megaloperdix nigellii; здесь же встречались ласточки — Chelidon lagopoda, не разбившиеся еще на пары стада Leucosticte brandtii [туркестанских вьюрков] и изредка раздавался свист стенолаза — Tichodroma muraria.

Пониже, в поясе лугов, часто попадались Montifringilla nivalis [альпийский вьюрок], Anthus aquaticus [горный конёк]; возле речек гнездились Budytes citreoloides? [желтоголовая трясогузка], Actitis hypaoleucos [перевозчик], а в ближайших скалах Casarca rutila [красная утка], Anser indicus [горный гусь]. Ещё ниже, в устьях горных долин и по степи, держались жаворонки Alauda arvensis и великолепный певун

Saxicola isabellina [каменка-плясунья]. На болотах и озёрах гнездились утки Anas boschas, A. crecca, A. clypeata [кряква, чирок-свистунок и широконоска], журавли — Grus cinerea, G. virgo [серый и журавль-красавка], кулички — Totanus calidris [травники], чайки — Larus brunneicephalus [буроголовые тибетские чайки] и крачки — Sterna hirundo.

Насекомых было вообще немного в мае. Всего чаще встречались шмели по альпийским лугам. Мошек и комаров на холодном Юлдусе нет вовсе. Нет также ни змей, ни ящериц, и только изредка в болотистом ключе можно поймать жабу или лягушку.

Климат мая. В климатическом отношении этот месяц распался на две резкие части: первая половина проведена была на южном склоне Тянь-шаня, вторая — на Юлдусе. Погода первой половины описываемого месяца была, в общем, продолжением той же, какую мы встретили в апреле на Тариме: те же жары, сухость воздуха, частые бури и пыльная мгла в воздухе. Таково влияние пустыни на соседний склон исполинского Тянь-шаня.

С поднятием на Юлдус климатические условия резко переменились: жары заменились прохладной, а иногда даже холодной погодой. Вместо прежней сухости, явились частые дожди; пыльная мгла исчезла из воздуха[1]. В общем, температура на Юлдусе во второй половине мая была довольно низкая: в полдень термометр только однажды показывал + 24°,3, а на восходе солнца он трижды упал ниже нуля (13-го — 6°,5, 14-го — 0°,7, 26-го числа 0°). Охлаждению атмосферы много способствовали ветры, которые дули всего чаще от запада-юго-запада. Первое направление исключительно преобладало ночью, но с восходом солнца ветер обыкновенно стихал; затем около полудня начинался снова и нагонял дождевые облака. Дожди падали почти каждый день. К вечеру небо обыкновенно снова прояснивало. Кроме дождей, дважды (9-го и 25 мая) при сильной непогоде выпадал снег: в первый раз он спустился на южном склоне Тянь-шаня до 6 500 или 7 000 футов абсолютной высоты; 25 мая выпал только до 9 000 футов,—ниже этого шёл уже дождь. Температура почвы на Юлдусе была весьма низкая: 17-го числа на один фут + 3°,7, на два фута + 0°,5. Растительность в половине месяца едва начала пробуждаться, но к концу мая считалось уже 35 видов цветущих растений. Грозы на Юлдусе случались четыре раза, — всё небольшие. Несмотря на обилие дождей, в ясную погоду сухость воздуха всё-таки была весьма значительна,

В общем в течение второй половины мая погода была плохая: ветреная, холодная и отчасти дождливая.

[1] Впрочем, иногда при юго-западном ветре пыль заносится и на Юлдус [приписка на полях дневника].

Перевалив в начале июня через хребет Нарат, на южном склоне которого весенняя флора была ещё разнообразнее, чем на Юлдусе, мы спустились на верховья р. Цанма. Здесь сразу изменился характер климата и растительности: появились еловые леса, а по долине и горным склонам густая трава достигала уже двух футов вышины. Дожди падали каждый день; чернозёмная почва была напитана водой, словно губка. То же обилие влаги встретили мы и в соседней долине Кунгеса. Только здесь, при меньшей абсолютной высоте, травянистая растительность была ещё более развита и богаче цветущими видами.

Гербарий наш пополнился значительной добычей. Зато, против ожидания, как на Цанме, так и на Кунгесе, найдено сравнительно мало гнездящихся птиц. Причиной тому, вероятно, слишком дикая растительность, которой избегают в особенности мелкие пташки. Чаще других встречались на Цанма: Carpodacus erythrinus [чечевица], Sylvia superciliosa [пеночка-зарничка], Cuculus canorus [кукушка], Scolopax rusticola [вальдшнеп], Turdus viscivorus [дрозд-деряба] — в лесах; Crex pratensis [коростель], Sylvia cinerea [серая славка], Salicaria sphenura? [садовая камышовка], Pratincola indica [черноголовый чекан] — по лугам. На Кунгесе к этим видам прибавились ещё: Scops zorca [совка-зорька], Oriolus galbula [иволга], Sturnus vulgaris [скворец], Columba oenas [клинтух], Columba sp. [голубь], Columba palumbus [вяхирь], Salicaria locustella [сверчок] и др. Вместе с тем появились тучи комаров и мошек, от которых в такую погоду не было спасения ни днём, ни ночью. На экскурсиях проклятые насекомые донимали нас невыносимо. Притом резкая перемена климата с сухого и прохладного на влажный и жаркий отозвалась невыгодно на нашем здоровье, в особенности в первое время пребывания на Кунгесе.

К л и м а т и ю н я. Этот месяц был проведён нами на весьма различных абсолютных высотах: от 8 000 футов на Юлдусе до 2 000 футов на Или. Притом мы постоянно спускались ниже, вследствие чего, в общем, климат становился постоянно теплее, хотя в различных полосах Тянь-шаня мы встретили совершенно различные климатические условия.

На Юлдусе, как и в мае, было довольно холодно; по ночам даже выпадали небольшие (— 2°,3) морозы; дожди падали довольно часто, но непродолжительные; атмосфера, в общем, была сухая [1].

Совсем иное началось с перевалом на северную сторону хребта Нарат. Здесь атмосферные осадки чрезвычайно обильны, в

[1] Зимой снегу здесь также очень много. В начале июня на перевале через Нарат, даже на южном склоне, выше лежали большие снежные нерастаявшие пласты в несколько футов, иногда в сажень, толщиною. На северной стороне местами еще виднелся снег до 7 000 футов абсолютной высоты [приписка на полях дневника].

особенности тысяч до шести футов. Этот пояс обнимает долину верхнего и среднего течения р. Цанмы. Дожди здесь шли почти каждый день, в ясные ночи падала сильнейшая роса; чернозёмная почва была пропитана водою, словно губка.

Днём солнце грело значительно, но ночью было весьма прохладно. Со спуском в лесную долину Кунгеса стало гораздо жарче; дожди хотя довольно часты, но всё-таки, кажется, более редки, нежели на Цанме. По мере спуска вниз по Кунгесу уменьшается количество дождей, пояс которых в этом месте Тянь-шаня спускается до 3½ или даже до 3 тысяч футов и резко обозначается поясом густо растущих трав. Далее вниз от р. Цанмы кончился пояс дождей, наступили страшные жары, доходившие до 37°,3 в тени. И чем далее вниз по Или, тем жарче. Степная растительность вся выжжена солнцем [1]. Зелень видна только возле реки, арыков и на местах, ими орошённых. Отсюда же (или немного ниже) начинается культурный пояс илийской долины. Впрочем, влияние соседних хребтов чувствуется и здесь. Так после сильного западного ветра и дождя термометр утром 28-го числа упал до +6°,5. Впрочем, подобные явления в здешних местах, вероятно, редки, да и случаются лишь в верхних частях илийской долины.

Гроз в июне замечено лишь две, и то на Юлдусе. Ветры дули довольно часто, но всегда слабые, преобладали в направлении восточном и западном, сообразно расположению илийской долины. Погода стояла большей частью ясная, но нередки были и дни облачные.

Температура воды была низка как в Кунгесе, так и в Или. Покончив здесь со своими исследованями, мы поспешили в Кульджу, куда и прибыли в начале июля, усталые и оборванные, но зато с богатой научной добычей ([47]).

* *
*

1—3 июля. Прошли 48 вёрст — от устья р. Каша до Кульджи. Здесь везде населено; частые деревни, арыки, обработанные поля. На последних местами уже поспела пшеница, и её жнут. На полях и в особенности по деревням множество птиц, обычных спутников культуры: грачей, розовых и чёрных скворцов, голубей, воробьёв, ласточек.

Жара стоит попрежнему страшная; по ночам так же жарко и

[1] Как и в пустыне, разница между температурой в тени и на солнце была невелика [приписка на полях дневника].

душно. Всё это сильно отзывается на нашем здоровье и наших казаков: чувствуешь сильный зуд в теле, головную боль и общее расслабление.

Придя в Кульджу, мы поместились в доме, где некогда жил кульджинский султан, принимавший здесь барона Каульбарса ([48]). Первый акт экспедиции окончен! Успех полный! Лоб-нор сделался достоянием науки! Как и в прошедшие экспедиции, такой успех был куплен ценою всевозможных невзгод, физических и нравственных. Впрочем, туча эта уже миновала; прояснило немного и наше небо, но на горизонте стоят новые, быть может, более грозные тучи, — это предстоящее путешествие в Тибет. Продлится оно вероятно, не менее двух лет, и сколько тревожных минут придётся пережить за это время! Впереди всё враги: и природа и люди; борьба предстоит трудная. Дай бог, чтобы хватило только здоровья и энергии!

Во время лобнорской экспедиции у нас издохли 1 лошадь и 32 верблюда из 41 перебывавших в нашем караване. Процент огромный, достаточно свидетельствующий о трудностях пути. Мы сами все переболели то тою, то другою болезнями, в особенности спустившись с холодного Юлдуса в жаркую Илийскую долину.

4—6 июля. Живём в Кульдже, отдыхаем. За писание отчёта я еще не принимался. Жары днём и ночью сильно влияют на наше здоровье: полубольные мы встаём после каждой ночи, обыкновенно проведённой тревожно, наполовину без сна от духоты. Вчера получил из Главного штаба ответ на свою телеграмму относительно поездки на войну. Велено продолжать экспедицию. Теперь я могу это делать уже со спокойной совестью; вышло, что отправлюсь не на Дунай, а на Брамапутру.

7 — 19 июля. Живём в Кульдже, отдыхаем, но плохо. Страшная жара не даёт покоя ни днём, ни ночью. Кроме того, во всём теле зуд нестерпимый; у меня сверх того сильный зуд в мошонке. Никаким образом не могу от него избавиться, надоедает страшно. На третий день по приходе в Кульджу Эклон сильно заболел чем-то вроде горячки или лихорадки. Болезнь развилась так сильно, что Эклон целых шесть дней ничего не ел. Жар в теле был очень большой; пришлось заворачивать в холодные простыни. А тут — еще на беду нигде нельзя достать льду, который по знакомству только достал нам доктор Мацеевский. Этот прекрасный старик посещал Эклона ежедневно два, иногда три раза и поставил больного на ноги. Теперь Эклон почти совсем здоров, но всё еще слаб. Пролежал он в постели целых двенадцать дней.

Во всё время болезни Эклона я не мог приняться за писание отчёта, был нравственно неспокоен, да и сильно устал после

экспедиции. Теперь немного отдохнул, Эклон поправляется, так что сегодня я начал писать отчёт, который, вероятно, окончу недели в три.

Правильной работе писания сильно мешают различные мелочные хлопоты по сбору в новую экспедицию.

20 — 31 июля. Попрежнему в Кульдже; так же жарко и так же гадко. Едва ли мы отдохнём здесь перед новой экспедицией. Последнюю неделю пробыл в Кульдже военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Колпаковский. По случаю его приезда все были в суете. Мне пришлось ходить при шапке и в кителе с орденами; это здешняя парадная форма. Времени даром пропало очень много; ежедневно приходилось обедать то у Колпаковского, то у Вортмана ([49]).

Фруктов в Кульдже очень много: арбузы, дыни, яблоки, груши, персики, виноград. Однако всего этого есть вдоволь нельзя,— сейчас проберёт понос. В особенности вредно действуют арбузы и виноград; последний, быть может, потому, что еще зелен. Наш Иринчинов все фрукты вообще, даже арбузы, зовёт «ягодами». Комично, пивши чай, даёт наставление Гармаеву: «Не ешь ты, паря, этих ягод (т. е. арбузов), ланись (т. е. в прошлом году) я хлёстко наелся, целый месяц болел» — таков образчик речи нашего Дондока.

Климат июля. Характеристика этого месяца — сильные жары, доходившие до +37° в тени. Ночью, в особенности в облачную погоду, так же жарко и душно.

Дождливых дней восемь (в том числе три грозы), но дождь обыкновенно небольшой и чаще падает ночью, нежели днём. Обыкновенно дождь шёл после западного ветра, который повторялся периодически и достигал иногда значительной силы. Затем всего чаще дули восточные ветры, в особенности ночью. Впрочем, в Кульдже при тесном помещении в саду, среди высоких тополей, невозможно было правильно наблюдать направление слабого ветра. Погода стояла большей частью ясная. Воздух был очень сухой, поэтому даже в полдень редко образовывались кучевые облака. После западных ветров, обыкновенно сильных и приносивших дождь, на окрайних горах илийской долины выпадал снег. Вследствие того дня два-три бывало прохладно, пока этот снег таял.

* *

*

Оглянувшись назад, нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мне удивительно.

С большим вероятием можно сказать, что ни годом раньше, ни годом позже исследование Лоб-нора не удалось бы. Ранее Якуб-бек, еще не боявшийся китайцев и не заискивавший вследствие того у русских, едва ли согласился бы пустить нас далее Тянь-шаня. Теперь же о подобном путешествии нечего и думать при тех смутах, которые, после недавней смерти Бадуалета, начали волновать весь Восточный Туркестан ([50]).

18 август 1877 г.
г. Кульджа

ПУТЬ ПО ДЖУНГАРИИ

(Из полевого дневника)

28 августа [1877]. Ещё раз, и, быть может, уже в последний раз, пускаюсь я в далёкие пустыни Азии. Идём в Тибет и вернёмся на родину года через два. Сколько нужно будет перенести новых трудов и лишений! Ещё два года жизни принесутся в жертву заветной цели. Зато и успех, если такового суждено мне достигнуть, займёт, вместе с исследованием Куку-нора и Лоб-нора, не последнюю страницу в летописях географического исследования Внутренней Азии!

31 августа. Сделали только 7 вёрст до Суйдуна. Здесь нас ожидали приехавшие провожать из Кульджи полковники Вортман и Матвеев. Сегодня вечером они уехали обратно в Кульджу. Прощай теперь надолго, всё европейское!

Путь от Кульджи до Суйдуна идёт по долине Или, невдалеке от предгорий высоких гор левой стороны долины. Эти предгорья бесплодны, но изобилуют местами каменным углём, который в малом количестве разрабатывается и доставляется в Кульджу. Сама Илийская долина сплошь почти покрыта деревнями и отдельными фанзами. Почти всё это здесь разорено и стоит в запустении. Только ближе к Суйдуну начинаются жилые места. Здесь же на берегу Или (верстах в 6 или 7 к югу от Суйдуна) лежат развалины старой Кульджи, разорённой во время восстания.

Эта Кульджа, говорят, была обширнее нынешней.

Город Суйдун очень невелик и славится своими прекрасными садами, лучшими во всей Илийской долине. В этих садах растут

превосходные груши, персики двух видов, яблоки и виноград. Дешевизна на все эти фрукты необыкновенная. С любопытством осматривали мы суйдунские сады. Таких, быть может, уже более никогда не придётся увидеть. Яблони и груши достигают 4 или 5 сажен вышины и растут так густо одна возле другой, как в лесу. Каждое дерево орошается из арыка. Дунгане в особенности славятся как садоводы. Бо́льшая часть фруктов Суйдуна вывозится в Кульджу, Верное [Алма-ата] и в Шихо.

Климат августа. [Весь месяц] проведён был в Кульдже, кроме последних дней. Жары почти такие же, как и в июле. Максимум температуры в 1 час дня +35°,7. Погода почти постоянно ясная; во второй половине ни одного облачного дня. Ветры слабые, ночью исключительно с востока; западные ветры периодически довольно сильные и приносят дождь, на горах в это время падает снег. После этого несколько дней довольно прохладно. Дождливых суток в течение месяца пять. Гроз не было ни одной.

3 сентября. Прошли 22 версты вверх по Талкинскому ущелью до озера Сайрам-нор. Здесь стоит теперь наш пост из 15 солдат и 10 казаков при офицере. Несчастный офицер — юноша (Ходоровский), заброшенный судьбою из Варшавы на Сайрам, живёт один-одинёшенек среди киргизов и караульных казаков. Нет ни книг, ни газет. Оторван от всего мира. Как не сделаться при такой жизни пьяницей! Ранее стоявший здесь сотник сибирского войска Кубарин оставил по себе память — целую груду пустых бутылок.

Дорогою много попадалось арб и вьючных коров, которые везли хлеб в Шихо китайским войскам или возвращались в Кульджу обратно.

Талкинское ущелье. Лучший путь сообщения Илийской долины с Джунгарией производится с давних времён по так называемой Императорской дороге, которая устроена по приказанию китайских императоров и составляет северную ветвь сообщения Небесной империи со своими крайними западными владениями. Эта дорога удобна для колёсной езды, по крайней мере, на азиатских двухколёсных арбах. Из долины Или она идёт от города Суйдуна по Талкинскому ущелью и выходит на озеро Сайрам-нор. Талкинское ущелье прорезывает южный склон северной отрасли Тянь-шаня, которая тянется по северному склону долины Или к городу Копалу и известна здесь (по Северцову) под именем Семиреченского Ала-тау, в отличие от Ала-тау Заилийского. Длина всего ущелья, от его устья до вершины перевала к озеру Сайраму, 24 версты. Всё ущелье очень узко (местами 50 — 60 сажен) и большей частью обставлено по бокам огромными отвесными скалами или крутыми скатами гор, покрытых лесом. Подъём

всего ущелья около 3 400 футов, так как близ устья (в двух с половиной верстах от него выше) барометрическое измерение дало 3 400 футов, а на перевале к Сайраму 6 600 футов. Собственно подъём довольно крут только на последних 4½ верстах.

На остальном протяжении дорога полога; на переходах с одной стороны речки на другую сделаны мостики (всего около 12 или 14), весьма плохие, так что, если возможно, то их обходят вброд.

Вдоль всего ущелья быстро бежит горная речка, берега которой густо обросли деревьями и кустарниками. Ими же покрыты и горные скаты. В нижней трети описываемого ущелья растут исключительно лиственные деревья: тополь, осина, абрикос, яблоня, берёза; кустарники: боярка, шиповник, таволга и другие переплетаются то диким хмелем, то бересклетом — Evonymus, который покрывает кусты, словно шапкой, кучами своих белых головок. От 4 000 футов (приблизительно) появляется ель (изредка рябина), которая по мере подъёма вверх является всё чаще и чаще, сходит, наконец, со скал на дно самого ущелья и исключительно преобладает в верхнем горном поясе. Так и на склоне к озеру Сайрам. Здесь леса исключительно еловые (кажется, ель обыкновенная, а не Picea Schrenckiana); в них густые заросли обыкновенного можжевельника, реже на открытых скатах попадается можжевельник стелющийся.

В верхней половине Талкинского ущелья уже часто можно было видеть деревья, в особенности осину с пожелтевшими или красноватыми листьями. Трава по лугам верхнего пояса гор посохла, цветов почти совсем не было видно. Словом, осень здесь уже давала себя чувствовать.

4 — 5 сентября. Дневали на берегу Сайрам-нора, возле нашего поста. Погода сделалась отличной, прохладной. После илийских жаров для нас здесь чистый рай. Сделали 10 чучел птиц

6 сентября. Прошли 27 вёрст; дорога отличная. Местность — степь, как на Юлдусе. От Сайрама Императорская дорога отвернула к востоку на города Шихо, Манас и др. Мы же пойдём севернее, чтобы миновать попутные китайские города (Джинхо, Шихо, Манас, Урумчи) и выйти прямо в Гучен. До сих пор еще не охотился; зверей нет, так как на Сайраме живёт много киргизов. Притом же теперь здесь постоянно ходят транспорты с хлебом и скотом из Илийской долины в район расположения китайских войск.

Озеро Сайрам, помещённое на одном из высоких плато Тянь-шаня, имеет 6 400 футов абсолютной высоты и по форме напоминает грушу. Наибольшая длина около 25, ширина около

20 вёрст. Глубина, как говорят, большая [1], вода пресная, но мало годная для питья, так как, говорят, слабит желудок. Берега везде гладкие и чистые, тростника или травы нет. В самом озере нет вовсе рыбы; поэтому и водяных птиц, несмотря на осень, крайне мало. Я видел только стадо Larus brunneicephalus [тибетская буроголовая чайка], стадо каких-то уток и одного Actitis hypoleucos [перевозчик]; говорят, что в небольшом числе здесь бывают турпаны и Anser indicus [горный гусь].

Вода в описываемом озере чрезвычайно светлая. В общей массе её цвет прекрасный, голубой, в особенности, когда слабый ветер рябит поверхность озера.

Окрестности его представляют степи, покрытые жёлтой травой, свойственной вообще высоким горным лугам и превосходной для корма скота. Поэтому здесь много кочует киргизов во время лета. Со всех сторон Сайрам окружён горами, не переходящими, впрочем, за пределы вечного снега. Горные скаты к озеру большей частью луговые; местами, но непременно в ущельях, обращённых к северу, растут еловые леса, в которых, вместо других кустарников, почву устилает густой можжевельник. Более дикие горы скалисты и иногда бесплодны. Императорская дорога от Сайрама направляется к востоку, на Шихо, Манас и далее.

7 сентября. Всю ночь шёл проливной дождь, мешаясь со снегом. Последний выпал в горах (на высоте) до 7 000 футов. Чтобы дать немного обсохнуть вещам, верблюдам и дороге, вышли поздно — в 8 часов. Тотчас же от ночлега пришлось подниматься на тот отрог Тянь-шаня, который стоит по северную [2] сторону озера Сайрама. Подъём здесь версты три длиною, но очень крутой и весьма трудный для верблюдов, в особенности с нашими тяжёлыми вьюками. Сам перевал выше Талкинского, я думаю, футов на 1 000, так что имеет не менее 7 500, а может быть, и около 8 000 футов абсолютной высоты. К сожалению, я не взял с собой барометра, и доставать его из ящика дорогою было неудобно [3]. На большую высоту перевала, сегодня нами пройденного, указывало и то обстоятельство, что листья на деревьях и кустарниках близ перевала совсем опали.

На северном склоне хребта, который мы перевалили сегодня, растут, впрочем только близ главной оси, еловые леса, в которых,

[1] Нет ни одной лодки [приписка на полях дневника].

[2] В рукописи ошибочно написано «южную». [Примечание П. П. Померанцева].

[3] Во всяком случае Талкинский перевал лежит на главной оси этой части Тянь-шаня, так как Императорская дорога от Сайрама идёт уже книзу и нигде не пересекает высокого хребта [приписка на полях дневника].

кроме можжевельника, довольно обыкновенна и рябина. Птиц очень мало, зверей не видали никаких; иногда попадались пары тарбаганов, но эти зверьки уже предались спячке, быть может, по причине сегодняшнего холода. Спустились сегодня на 5 400 футов, следовательно, на 1 000 футов ниже озера Сайрама...

11 сентября. Оказывается, что наш проводник обвёл нас кружным путём для того, чтобы пройти на то место р. Боро-талы, где живёт его сестра, и повидаться с нею. Сегодня этот болван сам признал, что «обманул нас маленько...» Такова судьба путешественника в диких странах Азии. Ночью сегодня киргизы украли у нас одну лошадь. Отыскать виноватых для нас, конечно, невозможно. Жаловаться в Кульджу — слишком далёкая история. Поэтому я велел своим казакам силою отобрать одну лошадь у жителей того аула, куда по следу доехали воры. Наш проводник-киргиз, видя, что казаки отбирают лошадь, наивно стал просить отобрать две — одну на его долю.

14 сентября. ...Остановились близ озера Эби-нор (Джасыль-кюль, т. е. голубое озеро по-киргизски) [1]. Это последнее гораздо больше Сайрама, притом лежит весьма низко — всего 700 футов над уровнем моря. Вода, как говорят, солёная, негодная для питья. Рыбы нет. Берега состоят из голой глины, гальки и солончаков; последние в особенности обильны на восточной стороне Эби-нора. Здесь в описываемое озеро впадает р. Кур-кара-усу; с запада же в него втекает р. Бора-тала. Жителей по берегу Эби-нора нет. Несмотря на половину сентября, жара стоит большая; притом день в день тихо и ясно. В полдень термометр в тени поднимается на 25° и выше. На сегодняшней стоянке много еще комаров и мошек. Жары сильно утомляют нас и верблюдов. Из последних один уже захромал, так что пришлось снять с него вьюк и разложить на других верблюдов. Жаль, что у нас нет ни одного запасного.

16 сентября. Сделали 20 вёрст; вошли в горы Майли; последние в своей наружной окраине совершенно бесплодны; из растений здесь только солянки. Но вскоре в ущельях появляется дырисун, сложноцветная и мелкая трава. Из кустарников редкие кусты шиповника, чёрного барбариса — Berberis heterocarpa?, по скатам гор Ephedra. Ягоды этих кустарников привлекают множество Caccabis chukar [кэклики]. Действительно, я еще нигде не встре-

---

[1] Название Эби-нор едва ли верно; слова «эби» нет в монгольском языке; монголы же обыкновенно дают качественные имена озёрам, рекам, горам и урочищам. Вероятно, что и описываемое озеро называется «Ыки-нор» [Ихэ], т. е. большое озеро [приписка на полях дневника; «по киргизски» нужно понимать: «по казахски»].

чал такого множества кэкликов, как сегодня. Остановились возле ключа, или, правильнее, небольшого ручейка. Незаметно вчера и сегодня мы поднялись с 700 до 4 500 футов абсолютной высоты... скалы громадны и дики, россыпи большие; бока гор весьма круты, горы довольно высоки.

17 сентября. Дневали, охотились за птичками и куропатками. Последних Эклон убил двенадцать. Кажется, я забыл раньше написать, что с нами опять идёт до Гучена, а, быть может, и до Хами прежний переводчик Абдул-Бас. Он хотя и глуп, но верен нам,— условие весьма важное. В своей же глупости Абдулка сам сознаётся и говорит, что голова у него все равно, что тыка (т. е. тыква).

21 — 22 сентября. Прошли 30 вёрст. Сегодня ночью дул сильный северо-западный ветер, и выпал снег. Было очень холодно; тем чувствительнее это после недавних жаров. Притом же и местность здесь сырая, что также не мало отзывается на здоровье. Горло моё стало опять плохо; по ночам трясёт лихорадка, так что каждый вечер принимаю по 5 гран хинину. Всего же хуже зуд в мошонке, снова весьма усилившийся; от этого проклятого зуда нет покоя ни днём, ни ночью.

25 сентября. День превосходный, тёплый и тихий. На охоте я убил молодую самку архара; Павлов же отличного шестилетнего самца и лисицу. Архар, сколько кажется, не Ovis polii, но меньше и отличнее цветом. Сегодня на охоте я немного заблудился. Нет возможности ориентироваться в невысоких горах, которые стоят одна возле другой без всякого определённого направления и притом все похожи одна на другую. В этих-то перепутанных холмах с небольшими скалами, пологими скатами, хорошими пастбищами всего более любят держаться архары.

26 сентября. Через четыре версты от ночлега вышли на колёсную дорогу, которая ведёт из Шихо и Манаса в Чугучак. По этой дороге в расстоянии 20 — 25 вёрст один от другого расположены пикеты; на каждом из них живут 5—7 калмыков. Прошли сегодня до пикета Толу; абсолютная высота здесь 3 300 футов. Местность обрисовалась рельефно: на западе стоит хребет Барлык, на севере виднеется Тарбагатай, а ближе его на северо-востоке Бутамайнак (по-монгольски Орхочук); вправо от нас недалеко Джаир [1]. Между этим хребтом и Барлыком степная равнина, по которой дорога ведёт мимо озера Ала-куль в Лепсинскую станицу.

---

[1] Названия гор и урочищ киргизские [казахские], так как наши проводники были киргизы; монголы, быть может, называют иначе те же самые места [приписка на полях дневника].

В горах Барлык, по словам калмыков, много яблок и медведей [1].

27 сентября. В два приёма сделали 27 вёрст. По дороге сплошь киргизские кочевья, которые располагаются обыкновенно кучами по нескольку десятков юрт вместе; не то, что монголы, которые кочуют обыкновенно врассыпную. Огромнейшие стада баранов и лошадей везде паслись по степи, которая довольно плодородна; поросла, главным образом, копцом (№ 63 гербария 1876 г.) Те места, с которых укочевали киргизы, выедены словно саранчою. Так эта орда всё подвигается на плато гор Майли, где и будет зимовать. Изредка по степи растут низкие кустарники полыни и ещё какой-то... [2]. Ручьи бегут довольно часто с соседних гор Джаир; берега этих ручьёв обрастают высоким тальником, который также объеден киргизскими верблюдами. В степи довольно много жаворонков — Alauda calandra, A. arvensis A. leucophaea?, других птиц, равно как и зверей, нет [3].

Климат сентября. Сообразно изменению абсолютной высоты местностей, по которым мы проходили, изменялась и температура. Так, на озере Сайрам по ночам бывал иней, и даже ночью на 7-е число в горах выпал снег до 7 500 футов абсолютной высоты. На озере же Эби-нор, абсолютная высота которого только 700 футов, было очень жарко. Затем в горах Майли прохладно, по временам даже холодно, и в ночь на 22-е число снег упал до 4 500 футов. Вообще вторая половина сентября отличалась гораздо более низкой температурой. Осень, видимо, начиналась. Притом эта пора года в Джунгарии не такова, как в Юго-Восточной или Южной Монголии. Близкое соседство Сибири чувствуется здесь довольно сильно. Температура довольно низка, в особенности при ветрах, которые дуют часто и иногда с значительной силой. Притом ветры непостоянны. Погода стоит также нередко облачная. Морозы на восходе солнца замечены трижды: первый был 22-го числа. В конце месяца листья на кустарниках и деревьях пожелтели и на некоторых совсем опали.

2 октября. Прошли 22 версты через горы Дамь по речке того же имени. Перевал весьма невысок. Вообще весь хребет Бутамай-

[1] Сегодня возле нашей стоянки лежали кучи соломы от обмолоченного хлеба. Перед вечером я пошёл к этой соломе, сел в неё и просидел около часа. Живо напомнилось мне детство, когда, бывало, так же валялся на соломе под сараем в Отрадном [приписка на полях дневника].

[2] [Фраза в рукописи не закончена].

[3] Сегодня опять вспомнил я про родину, сидя возле речки, берега которой обросли густым тальником — редкость в степи. Соблазнительны такие речки, когда встречаешь их по пути. Так и манит остановиться на берегу. К сожалению, таких отрадных мест в пустыне совсем нет; редки они и в её окраине [приписка на полях дневника].

как и его восточное продолжение Дамь имеет, вероятно, не более 3 500 и 4 000 футов абсолютной высоты. Горы эти... совершенно бесплодны. Только в ущельях попадается кое-какая бедная растительность: солянки, хармык, здесь же мы видели и ревень, быть может, тот же вид, что и в Алашанской пустыне. По приходе на место опять случилась история. С ближайшего пикета приехал тургоутский дзангин [1] и потребовал паспорт, но не умел прочитать по-китайски. Затем этот дзангин объявил, что напишет о нас в город Булун-тохой тарбагатайскому дзянь-дзюну [2] и что до получения ответа не пустит нас далее. До Булун-тохоя же 18 станций. Зная, что всего лучше поступить круто, я разругал дзангина и объявил ему, что пойду, не спрашиваясь его позволения. Если же он вздумает нас остановить силой, то я велю стрелять. Подобное решение подействовало как нельзя лучше: дзангин объявил, что не будет нас удерживать, но всё-таки пошлёт в Булун-тохой. До этого нам нет дела.

3 октября. Сегодня ночью опять распухло у меня лицо около глаз, сам не знаю, отчего. Быть может, на Мукуртае укусила какая-нибудь букашка. Словно сглазил я своё здоровье: прошлые экспедиции не знал, что такое болезнь, теперь же постоянно чем-нибудь болен. Видно, «укатали лошадку крутые горки». Речка Дамь, по-монгольски Намын-гол, возле которой мы теперь стоим, имеет сажени 4 ширины и глубину немного более фута. Она прорывает восточный конец хребта Дамь и впадает, как говорят, в солёное озеро, лежащее в двух днях к северу от гор Сацанзы.

Берега Дами обросли узкой каймой леса, высокими осокорями. Несмотря на такое удобное место, птичек очень мало. Сегодня я встретил только Fringilla montifringilla [юрок], Accentor atrigularis [завирушка черногорлая] и Parus cyanus [синица-лазоревка]. Видел две Ruticilla alaschanica? [горихвостка]. Зверей нет никаких, вероятно, распуганы проезжими. Впрочем, в горах, говорят, водятся горные козлы — Capra sp. Сегодня в первый раз мы нашли песок (плохой) для препарировки птиц; от самой Кульджи мы не встречали этой редкости, хотя уже прошли 470 вёрст. Проводник говорит, что здесь половина дороги до Гучена. Как-то мы пройдём безводные пески, которые лежат впереди?

4 — 5 октября. Прошли 33 версты по пикетной дороге, которая ведёт из Чугучака в Булун-тохой; на арбах здесь не ездят, только на вьюках. Вошли в окраину хребта Семис-тау который, как говорит проводник, соединяется с Тарбагатаем (51). Не знаю, насколько это верно. Горы Семис-тау едва ли имеют более 4 000 или

[1] [Дзангин (у Пржевальского «зангин») — начальник пикета].
[2] [Дзянь-дзюнь — китайский администратор].

4 500 футов абсолютной высоты... везде выветривающиеся камни, ходить трудно. Сегодня часов с одиннадцати утра поднялась сильнейшая буря с севера; небо было ясно, но по временам моросил снег из туч, задерживаемых горами Семис-тау. Ветер был так силён, что наши палатки едва устояли, огонь невозможно было разводить. Было очень холодно. К полуночи буря стихла, и грянул мороз в —11°. Таков крутой переход от недавних жаров! Впрочем, осень в Джунгарии далеко не так хороша, как в Южной и Восточной Монголии.

17 октября. Дневали. Берём запас воды (два бочонка и 4 турсука, сделанных из бараньих шкур), всего вёдер 20, и завтра идём на колодец Бадан-худук, до которого отсюда около 70 вёрст, а быть может, и более. Сегодня я убил Melanocoryрhа tatarica [чёрный жаворонок].

Сегодня мы достигли наибольшего поднятия к северу. Следовало бы определить широту и долготу, но нет для этого определённого пункта; колодец, возле которого стоим, весьма недолговечен.

Ж и т е л и Д ж у н г а р и и. В пройденной нами части Джунгарии население встречалось спорадически только на пространстве от Тянь-шаня до гор Делеун, т. е. в западной гористой и более плодородной части описываемой страны. Это население состояло из двух народностей: киргизов и тургоутов [т. е. казахов и торгоутов]. Первые встречены были нами в долине р. Боро-талы, где они подведомственны Кульджинскому району, и в долине р. Ушаты, где эти кочевники ведаются уже китайским правительством. В обеих местностях, т. е. на Боро-тале и на Ушаты, киргизов много. Живут они, противоположно монголам, скученно, аулами, в которых обыкновенно десятка два, три и более юрт. В обеих названных местностях киргизы живут зажиточно, занимаясь, главным образом, скотоводством, отчасти и хлебопашеством. Последнее, впрочем, только на Боро-тале. Зато у тех киргизов, которых мы видели в долине р. Ушаты, очень много скота — в особенности баранов и лошадей.

По своей наружности киргизы плотного коренастого сложения и роста большей частью высокого. Лицо квадратное, плоское и лоснящееся, словно вымазано салом. Глаза небольшие, волосы чёрные, голова бритая [1]. Все магометане.

Кумыс — любимейший напиток; баранина, молоко и чай — первые кушанья. Склонны к тучности. Противоположно киргизам,

---

[1] Так у илийских и джунгарских киргизов; у семипалатинских лицо, сколько кажется, приближается к татарскому типу [приписка на полях дневника].

тургоуты, обыкновенно, тонкие, сухопарые; роста среднего или часто небольшого. Вид изнурённый, в особенности у женщин. По лицу более всего походят на алашанских олютов, к которым и относятся по происхождению. Чистокровный, халхаский тип монгола между тургоутами встречается редко. Так же резко тургоуты отличаются от своих коренных собратьев и по характеру. Халхасец, по крайней мере, гостеприимен и простак душою. С началом дунганских неурядиц множество тургоутов было убито или ограблено дочиста. Женщины тургоутов все вообще малорослые, крайне непривлекательные по наружности. В городе Курле несколько работниц, шивших войлок для нашей юрты, с жадностью ели оставшееся после перетопки сало, перегорелые кусочки бараньих курдюков. Наш казак Иринчинов угощал дам этим лакомством.

Часть тургоутов живёт в нашем Кульджинском районе; другие же в пределах Джунгарии. Здесь обитает и их ханша, которая нынешней осенью должна была ехать на Юлдус для погребения там на горе Эрмин-ула хана, умершего в Пекине несколько лет назад. Теперь этот хан будет привезён на родину для предания земле.

По нашему пути кочевья тургоутов встречались по долине Кобука до гор Делеун. Восточнее начинается дикая, необитаемая пустыня вплоть до Гучена.

22 октября. Ночью грянул мороз в —23°. Давно ли было тепло! Такие скачки температуры постоянно случаются в азиатской пустыне. Снег, выпавший третьего дня и шедший немного вчера, совершенно покрыл землю; средним числом этот снег выпал почти на 1 дюйм. Всё бело, мороз, снег скрипит под ногами, — настоящая зима, а нам приходится, как в сорокаградусные жары Илийской долины, жить в палатках. В особенности холодно вставать утром; ночью же спим тепло — одеяла у нас бараньи, отличные. Только неприятно намерзание от дыхания на усах и подушке. Круто приходится иногда в пустыне и пролётным птицам. Сегодня на рассвете в двух саженях от нашего костра села крякова утка. Видно, сильно устала и озябла, что решилась сесть возле огня и людей на расчищенную от снега площадку. Прошли 25 вёрст. Корму для лошадей нет вовсе; даём им рис понемногу.

23 октября. Переход 23 версты. Вторая половина этого перехода — холмистые пески, по которым растёт редкий саксаул. Итти верблюдам здесь довольно трудно. Вообще путь, по которому мы теперь идём, решительно негоден для караванов по причине бескормицы и безводия. Летом здесь пройти совсем нельзя. Сегодня мы увидели Богдо-тау — исполинскую гору Восточного

Тянь-шаня. До этой горы ещё вёрст 200, но она видна очень хорошо. Порадовался я, увидав ещё одну диковинку Азии. Жаль, что не с кем поделиться впечатлениями! (52).

30 — 31 октября. Прошли 48 вёрст до колодца Сепкюльтай; пустыня, как и прежде; только более волниста. Корму лошадям нет; даём им каждый день рис, которого, по счастию, взято было много из Кульджи; думал я, что до Тибета хватит. Вообще наши обильные кульджинские запасы едва достанут до Гучена; казаки, и в особенности проводники, едят непомерно много. Трудно даже поверить, чтобы человек мог есть столько поганой дзамбы. Тянь-шань с каждым днём виден всё яснее и яснее. От Сепкюльтая можно уже различить все ущелья; между тем, до гор вёрст 60—70. Словно стена, стоит исполинский хребет над равниною пустыни. Далеко к востоку и западу убегает этот гигантский хребет, а в средине, прямо против нас, вздымается [1] величественная Богдоола; на вершине её очень часто сидят облака. Пустыня, которой мы теперь идём, до того безжизненна, что в ней нет даже Podoces [саксаульной сойки], коренной обитательницы самых бесплодных мест [2].

К л и м а т о к т я б р я. Осень в Джунгарии, как и во всей Средней Азии, характеризуется ясной, тихой и сравнительно тёплой погодой. Атмосферные осадки, т. е. дождь или снег, падают очень редко. Так и было в описываемом месяце. В особенности в первой его половине погода стояла отличная, за исключением нескольких холодных и ветреных дней в начале октября [3]. Во второй половине холода наступили вдруг: 20-го числа выпал неглубокий снег, и затем мороз; на рассвете [морозы] доходили до—23°; даже в полдень термометр показывал ниже нуля. Затем, с приближением к Гучену, снегу не стало, и погода опять сделалась довольно тёплой, хотя при ветре, даже слабом, тотчас же становилось холодно, даже и в ясный день. Температура почвы была довольно высокая: 26-го числа в песке на глубине одного фута было —2°,6; на два фута+1°. Ясных дней в течение месяца считалось 28; снег шёл четыре раза, но небольшой, однажды дождь; ветер только дважды достигал силы бури. Летом, как говорят, в этих местах падают сильные дожди, чем и можно объяснить, что в песках, кроме саксаула, встречаются и другие растения. Эти же летние дожди образовывают на глинистых площадях временные озёра, из которых пьют звери, живущие в пустыне.

---

[1] [Здесь вписано карандашом: «тремя острыми вершинами»].

[2] На обратном пути встретили Podoces hendersoni [монгольская саксаульная сойка; приписка на полях дневника].

[3] Листья на тальнике опали к половине октября [приписка на полях дневника].

1 ноября. Дневали. Зуд нестерпимый; по ночам не спишь, слабеешь с каждым днём. Пробую различные средства от зуда; сегодня, ложась спать, я намазался табачной гарью, разведённой в прованском масле. От этой мази через несколько минут у меня заболела голова до дурноты, и сделалась рвота. Ночь была проведена крайне тревожно.

2 — 4 ноября. Сделали 64 версты (опять безводных) и вышли из песков на плодородную равнину, где стоит Гучен [1]. Корм и вода в изобилии. При выходе из песков мы встретили партию семипалатинских татар и киргизов, торговавших в Гучене и возвращавшихся теперь домой. Обрадовались мы несказанно землякам; татары также рады были встретить русских. Остановились вместе и вместе провели вечер. Смех, балалайка, русский говор напомнили нам родину; с грустью на другое утро распрощались мы с татарами [2].

7 ноября. Прошли 17 вёрст до Гучена и остановились в 2½ верстах, не доходя до города.

15 — 16 ноября. От зуда испробовал всякие средства: мыл отваром табаку, мазал трубочной гарью, мыл солью и квасцами, мазал дёгтем и купоросом. Ничто не помогает; видимо, причина болезни внутренняя, а не наружная. Сегодня призвал китайского доктора из Гучена; обещал ему, сверх платы за лекарство, 15 лан, если вылечит меня. Доктор дал лекарство, составленное, как он говорил, из 40 различных трав: одни надо было пить, другими мыть; то и другое делать четыре раза в день; притом не есть сахару и вообще небольшая диэта. Каждый день такое питьё стоит 1½ лана; вот уже пью его два дня, — пока еще облегчения нет. Во всяком случае необходимо вылечиться здесь на месте, иначе невозможно итти далее. Между тем, стоять на одном месте почти без всякого дела крайне трудно. В экспедиции только одна работа и заставляет забывать всю трудность обстановки и все лишения. Последних не мало — и физических и нравственных. Грязь, холод, усталость, однообразная пища — вот отчего приходится страдать физически.

Теперь я читаю книгу Фламмариона «La pluralite des mondes habites» ([53]). Каким резким контрастом является эта книга с окружающей обстановкой: с одной стороны, величие ума и нравственной стороны человека, с другой — тот же человек, мало чем отличающийся от животного!

---

[1] Пески здесь также увалистые; только растительности больше. Дорога очень тяжела [приписка на полях дневника].

[2] В особенности обрадовался нам вятский татарин Сейфиев Милюк Шей Ахматов, живший в Семипалатинске и исполняющий, кажется, должность переводчика [приписка на полях дневника].

Холода стоят сильные день в день с начала ноября; снег покрывает сплошь землю дюйма на два. Морозы по ночам доходят до — 24°,5; днем в полдень, даже в тихую погоду, не ниже [выше] — 9°. Не то, что в прошедшем году за Тянь-шанем в Таримской долине.

19 — 22 ноября. Стоим на прежнем месте. Зуд попрежнему; болезнь эта и питьё в течение пяти дней китайских лекарств истощили и ослабили меня сильно. При таком состоянии неразумно итти вперёд. Пользы делу не принесёшь, а всего скорее сам погибнешь. Сегодня я решил, если не поправлюсь к 2 декабря, то пойду обратно в Зайсанский пост, чтобы вылечиться в госпитале и здоровым пойти опять к Гучену и в Тибет. Я настолько ослабел, что даже руки трясутся: это можно видеть на настоящем писании. Притом постоянное сидение в грязной, дымной юрте, без всякого дела, сильно влияет на здоровье. Во время пути, на свежем воздухе (пожалуй), скорее можно поправиться. Но тут новая беда: день в день сильные морозы, притом же с болью невозможно сесть на седло. Посмотрим, что будет к 1 декабря. Куда придётся итти — в Хами или в Зайсан? Уповаю на своё счастье. Быть может, оно и теперь меня выручит, как выручало много раз прежде. Уже сегодня, лишь только решено было вернуться, стало меньше чесаться. Случай ли это, или болезнь пошла на убыль?

25 — 26 ноября. Болезнь моя нисколько не уменьшается. Всевозможные средства и свои и китайские[1] испытаны. Ничто не помогает. Без правильного лечения в госпитале выздороветь мне невозможно. В этом я убедился теперь окончательно. Оставаться дальше возле Гучена или итти вперёд — нечего и думать. Истощишься окончательно силами и пропадёшь, наверное, без всякой пользы для дела экспедиции. Ни наблюдать, ни делать съёмки, ни даже ходить теперь я не могу.

Взвесив все эти обстоятельства, я решил возвратиться в Зайсанский пост, вылечиться там в госпитале и тогда с новыми силами итти опять в Гучен и далее в Тибет. Тяжело было притти мне к такому решению. Не один раз вчера я плакал при мысли о необходимости вернуться. Трудно было свыкнуться с подобным решением, но горькая необходимость принуждала к нему. Эклон грустил не менее меня. Хотя, конечно, очень тяжело и горько ворочаться, но совестью своею я спокоен: всё, что возможно было сделать, я сделал, перенёс целых два месяца, даже более, мучи-

[1] Кроме питья внутрь в течение 5 дней по 4 раза каждый день по большой чашке на один раз, китайский доктор давал мне сначала мытьё, потом мазь и, наконец, порошок для присыпки. В мази можно было заметить ртуть и мускус; как мазь, так и присыпка сильно жгли, но всё-таки без пользы [приписка на полях дневника].

тельной болезни и шёл вперёд, пока была еще малейшая надежда на выздоровление. Теперь эта надежда исчезла окончательно, и я покорюсь горькой необходимости. Таким образом, наши двухмесячные труды дорогою из Кульджи и полный лишений переход через Джунгарскую пустыню — всё пропало даром. Вот истинное несчастье!

27 ноября. В 8½ утра выступили в обратный путь. Ехать верхом я не могу, поэтому купили в Гучене за 17½ лан передок от русской телеги и на эту двухколёску примостили сиденье. Вьюков у нас оказалось 17. Если бы возможно было оставить вещи в Гучене до возвращения, тогда бы у нас было всего 7 — 8 вьючных верблюдов. Но при том недружелюбном приёме, какой мы встретили со стороны китайцев, нечего было и думать оставить вещи. Таким образом, приходится тащить пудов сто клади до Зайсана и обратно совершенно бесполезно. Верблюды натрутся, да и казаки не мало истомятся каждодневным вьючением. Прошли сегодня 27 вёрст. Теперь везде лежит снег, так что о воде нечего нам беспокоиться.

28 — 30 ноября. Каждый день делаем более 25 вёрст. Спешим в Зайсан, но далеко еще до него. Между тем, болезнь от тряски в телеге с каждым днём усиливается: зуд и боль нестерпимые; по временам так донимают, что невольно катятся из глаз слёзы. Крайне тяжело. С одной стороны, мучительная болезнь, с другой — гнетущая мысль о возврате и потере нескольких месяцев времени. Когда пройдём половину пути к Зайсану, тогда, пожалуй, станет немного легче. Теперь же для меня такие тяжёлые дни, каких еще не было в моей жизни ([54]). Бескормица и безводие сильно истомляют наших верблюдов и лошадей. Придётся в Зайсане добывать новых и тратить на это, быть может, тысячу рублей ([55]).

Климат ноября. Почти весь этот месяц проведён был нами возле Гучена. Характеристику ноября составляют сильные холода, каких вовсе нельзя было ожидать при столь низком положении названного города. Тем более за Тянь-шанем, в расстоянии каких-нибудь 150 вёрст, как, например, в Турфане, зима тёплая, и снег не падал, по словам туземцев, целых 15 лет. Между тем возле Гучена морозы стояли день в день в течение всего месяца и доходили на восходе солнца до —26°,2. Снег также падал нередко, хотя вообще небольшой (всего 9 снежных дней) и сплошь покрывал землю от 2 до 3 дюймов; даже днём термометр в тени показывал —17°. Притом снег здесь падал хлопьями, а не мелкой сухой пылью, как в Монголии и в Северном Тибете. Вообще исполинская стена Тянь-шаня задерживает и осаждает на своём

северном склоне все испарения, приносимые из Сибири. По той же причине после каждой морозной и тихой ночи возле Гучена появлялся сильный иней. Погода в ноябре, вероятно, также в зависимости от задерживающего влияния Тянь-шаня, стояла большей частью облачная, что весьма редко случается в среднеазиатских пустынях. Ветры дули мало, только слабые и умеренные; часто были совершенно тихие дни. Колебания барометра были, как и на Лоб-норе весною, очень велики. В тихую, ясную погоду в полдень становилось тепло, но и в это время термометр на солнце всегда показывал ниже нуля.

2 декабря. Ночь напролёт не спал от зуда. Быть может, он усилился от перемены погоды (идёт снег) и от отвратительной горько-солёной воды. Монголы не пьют этой воды, считая её вредной. Тем не менее принуждены были остаться дневать, чтобы покормить верблюдов и лошадей и самим отдохнуть немного. От дурной воды начинает у меня болеть живот. Это ещё прибавка к моим страданиям.

Город Гучен. Расположенный возле северной подошвы Тянь-шаня недалеко (...верстах) от знаменитой группы Богдо-ола, Гучен, сам по себе, невелик и начал обстраиваться лишь в самое последнее время. Сколько в нём теперь жителей, не знаю, но китайских войск, как говорят, три тысячи. Лавок мелочных и более крупных сотни две. Товары мануфактурные привозятся из Пекина; продукты же (хлеб, овощи) в небольшом количестве засеваются в окрестностях самого города. Большей же частью хлеб привозят из Кульджи, на продовольствие китайских войск по подряду Каменского. Скот пригоняют тургоуты с речки Кобука, татары и киргизы — из Зайсанского края [1]. Дороговизна на всё страшная. Монеты нет никакой, кроме серебра в слитках и мелких рубленых кусочках. За каждую мелочную покупку приходится отвешивать серебро. Последнего здесь очень много. Простой подёнщик носит иногда порядочный мешок таких денег. Сами купцы говорят, что у них только и дёшево серебро, всё же остальное очень дорого. Лан в Гучене так же мало значит, как у нас гривенник. Русским купцам торговать в Гучене не позволяют; из Кульджи с нашей стороны запрещён вывоз хлеба и скота (кроме доставки хлеба Каменским по подряду) [2]. Китайские войска, расположенные в Гучене, как и везде, отличаются крайней деморализацией. Сплошь и к ряду грабят жителей, разбойничают по дорогам. На-

[1] Те и другие получают огромные барыши. Так, например, татары покупают гуртом баранов в Семипалатинской области по 1 р. 20 к. (за штуку), а продают в Гучене по 2 лана и более [приписка на полях дневника].
[2] Зуд и боль не дают писать [приписка на полях].

чальники делятся в таком случае с подчинёнными. Кроме войск, собственно жители Гучена состоят из китайцев и дунган; последние уцелели [благодаря] своей покорности. Свою религию могут исполнять, но должны носить косу, как китайцы. Кроме того, приезжающие торговцы из Баркуля, Хами, Турфана и других мест[1]. Несмотря на опасность грабежей, эти торговцы ради большой наживы пускаются в путь.

5 — 20 декабря. Всё это время было употреблено на переход до Зайсанского поста. Шли без днёвок с восхода солнца почти до заката. Всё это время я должен был сидеть в телеге, которая трясла немилосердно, в особенности по кочкам. От такой тряски ежедневно болела голова; боль эту ещё увеличивал постоянный дым в юрте. Грязь на всех нас была страшная, в особенности у меня, так как по несколько раз в день и в ночь приходилось мазаться дёгтем с салом, чтобы хоть немного унять нестерпимый зуд. От подобной мази белье пачкалось страшно, штаны были насквозь пропитаны дегтярным салом. Холода стояли страшные, 5 суток сряду ртуть в термометре замерзала. В юрте ночью без огня мороз доходил до — 26°. И на таком холоде в грязи приходилось проводить ночи наполовину без сна. Мёрзлой мазью, в темноте и морозе 5—6 раз в ночь нужно было мазаться. Брр!.. противно вспомнить о таких тяжёлых временах.

Казакам было также чрезвычайно трудно, так как они на подобных морозах всё время проводили на дворе и спали в палатке, предпочитая там лучше мёрзнуть, нежели спать в юрте в нашем обществе.

...За несколько дней до Зайсана я, послав киргиза вперёд к приставу, просил выслать мне сани и лошадей в урочище Цаган-обо (в 65 верстах от Зайсана), там, где стоит летом наш пикет. Две почтовых пары были высланы, и мы 20-го числа вечером приехали на них в Зайсан. Хороши мы были в это время своей наружностью. Борода отросла, всклокоченные волосы, не мылись мы от самого Гучена, лица потемнели от морозов и дыма в юрте; словом, мы были похожи на кого угодно, только не на европейцев; нечего говорить, с какой жадностью накинулись мы на принесённый ужин и с какой радостью на следующий день вымылись в бане. Возврат в Зайсан наделал нам не мало хлопот. Придётся сделать лишних 1 300 вёрст и на 4 месяца затормозить экспедицию. Притом и расход будет немаленький, считая прожитие в Зайсане, а главное, порчу верблюдов. Половина из них протёрла себе пятки и, вероятно, не будет годиться на дальнейший путь.

[1] [Фраза, повидимому, не закончена].

Вообще киргизские верблюды, несмотря на свой рост и силу, оказались плохими для путешествия потому именно, что непривычны к дороге. В Зайсане мы поместились в нанятой маленькой квартире. Будем лечиться, а затем в половине февраля опять махнём в Тибет.

21—31 декабря. Живём в Зайсанском посту. Из квартиры никуда не выходим. Лечимся. Облегчения пока еще нет.

Климат декабря. [Этот месяц] проведён нами в Джунгарии по дороге из Гучена в Зайсанский пост; последнюю треть пробыли в этом посту. Трудно было ожидать на этой широте таких сильных холодов, какие стояли весь этот месяц [1]. На восходе солнца 11 суток мороз переходил за — 30° и пять суток сряду, с 5 по 10 декабря, при наблюдениях утром и вечером, ртуть в термометре замерзала,— следовательно, мороз стоял выше [ниже] —40°. К сожалению, я не имел спиртового термометра для точного определения страшного холода. Даже в полдень, в один из подобных дней, термометр показывал — 33°. Снег шёл 9 раз, но всегда небольшой; только один порядочный буран случился 3-го числа. Вообще снег в Джунгарской пустыне лежал от 2 до 4 дюймов, с приближением к Сауру и возле Зайсана снег достигал полфута глубины. Погода стояла тихая (сильный ветер только два раза), и половина дней месяца были ясны.

1 января 1878 г. В горе великом встречен был новый год! Возврат, с одной стороны, болезнь — с другой, разные мелкие неприятности от своих спутников,— всё это сгустилось вместе и тяжёлым бременем лежит на душе.

Дай бог, чтобы наступающий год был для меня более счастлив, чтобы прихотливая фортуна снова начала мне покровительствовать и дала возможность закончить успешно предпринятую экспедицию. Не мало трудов и здоровья принесено уже мною в жертву заветной цели; пусть же такая цель будет вполне достигнута, не ради пустой славы, но для пользы науки...

Сюда, счастье, сюда, сюда!..

2 — 10 января. Попрежнему в Зайсане. Скука страшная. Целый день сижу дома, примачиваю и мажу больное место. Пользы пока еще нет; зуд попрежнему невыносимый. Ночи проводятся наполовину без сна. Эта невольная бессонница, постоянное нервное напряжение, страшная скука, малая надежда на близкое выздоровление — всё это вместе убийственно действует на меня. Ко всему ещё присоединяются постоянные неприятности от казаков,

---

[1] Такие сильные морозы стояли в это время в посту Зайсанском и в Кульдже. Ни там ни здесь старожилы не запомнят подобных холодов. Притом как велика была площадь охлаждения: от Гучена до Кульджи, а может быть, и более [приписка на полях дневника].

которые пьянствуют и ведут себя невыносимо скверно. Да, таких трудных дней, как теперь, и вообще в нынешнюю зиму, еще не было во всей моей жизни.

11 — 20 января. Попрежнему в Зайсане — лечимся. Облегчения всё еще очень мало, не только у меня, но даже и у Эклона, у которого зуд сравнительно небольшой. Таким же зудом заболели в течение этих десяти дней Чебаев и Урусов. Что за причина этому? Доктора говорят потому, что заболевшие люди постоянно при нас и смотрят, как я вожусь с своей чесоткой.

Странно, что до сих пор я еще не получил ни одного письма, ни даже телеграммы. Даже выписанное три недели назад из Семипалатинска зелёное мыло (для мытья) еще не пришло. Зайсанская же аптека (казённая при лазарете) крайне плоха; здесь нет некоторых даже обыкновенных лекарств [1].

СРАВНЕНИЕ ТЯНЬ-ШАНЯ С НАНЬ-ШАНЕМ (ГОРАМИ ГАНЬ-СУ)

КОНСПЕКТ

1. Положение и геологическое строение. Общее направление обоих хребтов — по широте. Тянь-шань гораздо обширнее и более изолирован: с севера и юга окружён пустынями почти с одинаковой абсолютной высотой; тянется узкой полосой. Нань-шань только с севера упирается в пустыню; с юга же примыкает к высокому нагорью Северного Тибета (бассейна озера Куку-нор и верховьев Хуан-хэ). Геологическое строение?? ([56]).

2. Общий характер обоих хребтов. а) Оба хребта вполне альпийские, но Тянь-шань выше и обильнее вечными снегами. б) Громадные высокие плато (вместо бывших озёр) составляют характеристику Тянь-шаня; в Нань-шане таких плато нет вовсе. в) Тянь-шань — хребет степной (леса только в ущельях и по верхним долинам рек и то на северном склоне гор). В Нань-шане леса несравненно обильнее; растут не только в ущельях, но и на скалах гор, хотя опять-таки почти исключительно на северных склонах. г) Атмосферными осадками Нань-шань, сколько кажется, богаче; в Тянь-шане ими обилен только северный склон. д) Южный склон Тянь-шаня совершенно бесплодный; в Нань-шане южный скат (к Куку-нору и Цайдаму?) луговой. е) Снеговая линия в Тянь-шане ниже.

---

[1] Безобразие в Александровской лазаретной аптеке страшное. Лекарства составляют полуграмотные фельдшера и часто неправильно. Так не один раз делалось и для меня. Притом же, за неимением, пузырьков, лекарства отпускают в бутылках от наливки — всё больше смородинной [приписка на полях дневника].

3. Различие флоры. а) Рододендронов в Тянь-шане нет; в Нань-шане 4 вида. б) В Нань-шане нет яблони и абрикосов, в Тянь-шане много. в) Леса Нань-шаня характеризуются обилием ягодных кустарников: барбарис, крыжовник, малина, смородина, Lonicera [жимолость]; в Тянь-шане их гораздо меньше. г) В Нань-шане обильны берёзовые леса, которых в Тянь-шане мало (перечислить, какие породы деревьев и кустарников преобладают в лесах тех и других гор). д) В Тянь-шане, в глубоких долинах, лежащих в поясе дождей, заросли травы громадные; в Нань-шане таких зарослей нигде нет, травы везде невысоки, хотя и густы. е) Различие альпийской флоры: в Тянь-шане эта флора только по горным склонам; обширные же плато, лежащие выше 7 000 — 8 000 футов, имеют степную (бедную по количеству видов) растительность. Caragana jubata [карагана — верблюжий хвост] в альпийском поясе обоих хребтов; из других кустарников Тянь-шаня[1] в альпийской области только низкий Salix [ива]; в Нань-шане в альпийской области, кроме рододендронов, много и других кустарников (перечислить их).

Самый верхний пояс тех и других гор занимают россыпи, которые в Нань-шане обильнее.

4. Различие фауны. а) Звери и птицы. Число их по отрядам в том и другом хребте. б) Пресмыкающиеся: в Нань-шане мало; в глубоких и низких долинах Тянь-шаня много. в) Рыбы много в Тянь-шане, очень мало в Нань-шане. г) Насекомые: много в Тянь-шане, мало в Нань-шане. Пресмыкающихся и насекомых, вероятно, потому мало, что наиболее глубокие его долины (нами обследованные) лежат не ниже 7 000 футов. Рыбы же Нань-шаня почти вовсе не исследованы ([57]).

21 — 31 января. Попрежнему в Зайсане. Болезнь начинает в последние дни немного утихать. Донял меня проклятый зуд до того, что я потерял совсем надежду на выздоровление и решил было ехать в Омск в госпиталь. Но теперь болезнь поворотила к лучшему, так что поездка в Омск отложена. Вместо того решено, [что] если через месяц совершенно не поправлюсь, то в начале марта пойду на озеро Зайсан, где поселюсь при устье Чёрного Иртыша для наблюдения пролёта птиц. Здесь на Зайсане можно будет исподволь укрепить и испытать своё здоровье. Если же моё выздоровление пойдет быстро, то на Зайсан не пойдём, а прямо двинемся в путь около 10 марта. Это было бы гораздо лучше; но ни в каком случае нельзя пускаться в путь, не излечившись совершенно; иначе болезнь может опять повториться. На-днях я

---

[1] На Юлдусе [вписано карандашом].

прогнал из экспедиции Чебаева. Этот человек, во всём мне обязанный, оказался сильным негодяем. Делал всё нехотя, пьянствовал и, видимо, не желал оставаться в экспедиции. Я отправил его в Забайкальский дивизион, находящийся в пределах Семипалатинской области; там, в наказание, Чебаев пробудет до окончания экспедиции. Да, в нынешнее путешествие мне сильно не везёт относительно спутников (58).

Климат января. Ровной, довольно, впрочем, холодной зимой характеризовался этот месяц, весь проведённый нами в посту Зайсанском. На восходе солнца термометр иногда падал до—31°,8, в полдень не поднимался выше — 7°. Погода стояла почти постоянно тихая, облачных и ясных дней считалось поровну. Снег шёл шесть раз, но обыкновенно небольшой, хотя падал хлопьями. На степи вблизи поста снег лежал в конце описываемого месяца по одному футу. Признаков весны даже в конце января не замечалось; оттепели не было ни одной.

1 — 10 февраля. Болезнь моя за это время значительно уменьшилась: зуд хотя и не прекратился вовсе, но сами припадки этого зуда стали гораздо реже и слабее. Теперь, по крайней мере, я могу спать довольно спокойно и днём только изредка чесаться.

Постоянное нервное напряжение от бывшего зуда, сиденье в душной комнате, скука, сомнение в возможности скорого выздоровления,— всё это сильно отразилось на моей нервной системе вообще. Хотя физически я здоров, но по временам чувствую головную боль, усталость и крайне дурное расположение духа.

Думаю, что всё это пройдёт, как только мы двинемся в путь. Куда только придётся итти? На Зайсан или прямо к Гучену. Последнее, конечно, гораздо лучше, но для этого нужно полное выздоровление. Во всяком случае в начале марта мы уйдём из Зайсана. Больше нехватит сил сидеть здесь, тем более весною...

Климат февраля. Зима настоящая здесь этот месяц. Снег нисколько не таял: везде лежит по степи по полтора фута и более, рыхлый и сухой. Морозы стояли хотя небольшие (минимум на восходе солнца — 19°), но постоянные. В полдень в течение всего месяца только два раза было выше нуля в тени. Во второй половине февраля частые, почти постоянные туманы [1]. Кроме того, часты облачные дни (всего 19, считая туман и пасмурность), затишья часты; ветры только слабые. Снежных дней всего 6. Весна нынешняя, как говорят старожилы Зайсана, поздняя. В иной год снег сгоняет к концу февраля. Прилётных птиц в феврале еще не было.

---

[1] Туманы всегда сопровождались инеем; явление это, вероятно, зависит от близости высокого Саура [приписка на полях].

1—3 марта. Весна наступает. Улицы почернели, по ним стоит вода. Впрочем, в поле снег еще нисколько не тронулся, сплошь лежит на полтора фута и более. Однако такой глубокий снег только в окрестностях Зайсанского поста. Мои казаки, посланные для выбора верблюдов, говорили, что на Чиликтинской долине, лежащей на большей абсолютной высоте, за горами Моарак, в 50 верстах от Зайсана, снегу нет вовсе.

С верблюдами возня ужасная. Хороших нет, их не дают и прячут киргизы, боясь, чтобы не взяли даром, как то уже случилось при поставке хлеба в Гучен по подряду Сосновского. Придётся, пожалуй, итти до Гучена на нанятых верблюдах, а своих простых отправить в Гучен прямой дорогой.

9 марта. Ради первого дня весны ездили на охоту. Убили 10 уток, 5 куропаток и зайца[1]. Холодно, снег в поле еще не тает. Сухой этот снег, как песок; трудно его пробрать солнцем, которое притом светит не часто.

С сегодняшнего дня начался валовой пролёт Anas boschas [кряквы]; кроме того, показались в достаточном числе Melanocorypha tatarica [чёрные жаворонки]; других птиц еще немного, вновь прилетели Sturnus vulgaris [скворцы]. До сих пор я еще не получал хронометров и фотограф [ического] аппарата, высланных из Петербурга. На-днях пришлось прогнать ещё одного из своих спутников — унтер-оф[ицера] Павлова. Взамен его и Чебаева, возьму двух новых казаков из Забайкальского отряда, находящегося в Семипалатинской области в урочище Катон-карагай[2].

10 марта. Сегодня после полудня пошёл не надолго первый дождь при южном ветре 7° тепла. Впрочем, лишь только ветер поворачивал с севера, как становилось холодно, термометр опускался ниже точки замерзания. Сегодня я променял у киргизов своих 15 верблюдов и купил двух новых; за первых дал в придачу по 30 руб., за последних заплатил по 60 руб., кроме того, мне ещё приведут 6 верблюдов по 60 руб. да 6 мы оставили из своих старых. Таким образом, наш караван будет состоять теперь из 29 верблюдов, в том числе 4 или 5 запасных. За промен и покупку новых верблюдов заплачено в Зайсане 930 руб. В Кульдже заплачено в августе прошлого года 1 200 серебряных рублей; да в той же Кульдже у Текеса летом 1876 г. куплено 24 верблюда за 1 440 руб. Таким образом, до сих пор на верблюдов истрачено 3 570 руб.; сверх того, Якуб-бек подарил нам 17 верблюдов. Лоша-

---

[1] Эклон убил 6 уток и зайца [приписка на полях].

[2] Эклон видел первых мошек на солнечном припеке. Снег в степи еще везде на полтора фута, проталин нет. В горах на солнцепёках снегу почти нет [приписка на полях].

дей куплено до сих пор пять (четыре в Кульдже, одна в Зайсане), да от Якуба получено три.

11 марта. Ночью дождь, утром и до полудня снег. Весна наступает настоящая. Всё невыносимее становится сидеть в поганом Зайсане. А нужно пробыть здесь ещё неделю, — пока придут 6 остальных верблюдов. Там временем, быть может, пришлют два хронометра и фотограф[ический] аппарат, высланные мне из Петербурга с Полторацким. Новые же казаки, вероятно, догонят меня уже по дороге в Гучен.

15 марта. С каждым днём теплеет, но всё-таки по степи, в окрестностях Зайсанского поста, нет ни проталин, ни разливов; снег лежит сплошной почти на один фут. Между тем, птицы прибывают; сегодня прилетели: Motacilla personata [белая трясогузка], Anthus sp. [конёк], Totanus calidris [травник], Corvus frugilegus [грач]. Последних видел три экземпляра, высоко летевших к северу.

Сегодня мы ездили на охоту; убили мало: две кряквы, три куропатки и зайца. Шилохвостей летело много — стадами, не выше как на сотню шагов от земли. Неслись они по степи к озеру Зайсану и Иртышу. Гуси, которых, впрочем, еще очень мало, летят туда же. Сегодняшний лёт шилохвостей, который я наблюдал, сидя на сухом обрыве берега ручья, напомнил мне прошлогоднюю весну на Лоб-норе. Кто знает, быть может, стада, пролетевшие мимо меня в полдень, ранним утром поднялись с Тарима! Кроме того, широкая равнина степи и то там, то здесь несущиеся над ней стада уток перенесли моё воображение на Сунгачинские разливы, где некогда и провел две счастливые весны ([59]).

Сегодня на солнечном пригреве видно было довольно много насекомых; в речке видел рыбок. Всё просится к жизни; весеннее тепло будит миллиарды существ! Сидеть в Зайсане становится уже не под силу. Скоро, впрочем, уйдём отсюда.

16 — 18 марта. Теплеет с каждым днём. Снег уничтожается быстро. Степь уже начинает чернеть, снег вдруг стаял в последние два дня. На горах южные склоны уже совершенно свободны от снега. Впрочем, такое многоснежие только в окрестностях Зайсана. По южную сторону Саура и в Джунгарской пустыне снегу уже давно нет. Появляются уже и настоящие летние птицы; вчера прилетела Ruticilla sp. [горихвостка].

Завтра, наконец, мы уходим из Зайсана. Радость неописанная. Избавляемся мы, наконец, от тюрьмы, в которой сидели целых три месяца. Такого трудного времени еще не было в моей жизни: болезнь, казаки, местный люд — всё собралось вместе. Немного можно сказать хорошего про любую из наших азиатских окраин,

а Зайсан притом ещё одно из самых худших мест, мною виденных в Азии.

Совсем собрались и уложились, как вдруг в 4 часа пополудни неожиданный сюрприз: получена эстафета из Семипалатинска. В ней меня извещают, что китайцы требуют от Колпаковского выдачи бежавших к нам дунган, иначе грозят вгоржением своих войск; вместе с тем Кауфман и Полторацкий предлагают мне подождать с выступлением в путь до получения ответа на этот счёт из Петербурга. Вот несчастье! Весьма возможно, что мы теперь и совсем не пойдём в Тибет. Между тем, всё снаряжено и закуплено, денег истрачено многое множество. Не желая оставаться в Зайсане, я решил всё-таки выступить завтра, но дойти только до деревни Кендерлык и там ожидать, что будет далее. Теперь я буду так же тревожно ждать, как некогда в саду алашанского князя перед выступлением в Гань-су[1].

19 марта. Вышли в 8 часов утра. Я ехал в двухколёсной арбе и немного верхом, часто шёл и пешком. Снегу в степи осталось мало.

Сегодня в первый раз дует сильный северо-западный ветер. Прошли двадцать пять вёрст до Кендерлыка и ещё версты полторы вверх по реке от деревни. Здесь и остановились.

22 марта. Вчера вечером получил я фотографию [аппарат] и два хронометра, присланные из Петербурга. И тут опять несчастье! Полковник Ребендер, который вёз эти вещи, провалился вместе с санями и лошадьми сквозь лёд на Иртыше. Фотография вся испортилась — 8 дней везлась мокрою до меня. Хронометры остались целы, благодаря тому, что были обшиты войлоком. Завтра перейдём вёрст 15 вниз по р. Кендерлык. Там есть болота, и, говорят, на них много водяной птицы. Будем охотиться в ожидании прибытия новых казаков и ответа из Петербурга.

25 марта. Вчера перед вечером поднялась буря с запада; ночью шёл снег, и было очень холодно. Ходить никуда нельзя было.

Плохо моё здоровье. Зуд усиливается против того, каковым был последнее время в Зайсане. Да и вообще я чувствую себя нездоровым: сегодня ночью язык у меня сильно сох. Тяжело, очень тяжело! Мало надежды на удачу предстоящего путешествия. Для него нужно прежде всего быть здоровым.

Ответа из Питера насчёт китайцев еще нет. Быть может, совсем не велят нам итти. Томительная неизвестность — самое худшее положение.

---

[1] Но так ли счастливо, как тогда? [приписано карандашом].

Сегодня замечены вновь прилетевшие: Larus ridibundus [обыкновенная чайка], быть может, прилетели и раньше 15 марта, Milvus ater [чёрный коршун].

Вечером огромная стая пролётных галок остановилось ночевать в тальнике возле нашей палатки.

Глубоко тяжёлую весть получил я сегодня телеграммою от брата из Москвы: 18 июня прошлого года моя мамаша скончалась. Полугодом раньше её умер мой дядя. Невознаградимы для меня эти потери, понесённые в такой короткий срок. Если бы я не возвращался из Гучена в Зайсан, то о смерти матери не знал бы до окончания путешествия. Быть может, это было бы к лучшему. Теперь же к ряду всех невзгод прибавилось ещё горе великое. Я любил свою мать всей душой. С её именем для меня соединены отрадные воспоминания детства и отрочества, беззаботно проведённые в деревне. И сколько раз я возвращался в своё родимое гнездо из долгих отлучек, иногда на край света. И всегда меня встречали ласка и привет. Забывались перенесённые невзгоды, на душе становилось спокойно и радостно. Я словно опять становился ребенком. Эти минуты для меня всегда были лучшей наградой за понесённые труды...

Буря жизни, жажда деятельности и заветное стремление к исследованию неведомых стран Внутренней Азии — снова отрывали меня от родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самой тяжёлой минутой всегда было для меня расставание с матерью. Её слезы и последний поцелуй еще долго жгли моё сердце. Не один раз среди дикой пустыни или дремучих лесов моему воображению рисовался дорогой образ и заставлял уноситься мыслью к родному очагу...

Женщина от природы умная и с сильным характером, моя мать вывела всех нас на прочный путь жизни. Её советы не покидали меня даже в зрелом возрасте. Правда, воспитание наше было много спартанским, но оно закаляло силы и сделало характер самостоятельным. Да будет мир праху твоему, моя дорогая мамаша!

Если мне суждено довести до конца предпринятое путешествие, то его описание будет посвящено твоей памяти, как некогда при жизни я порадовал тебя посвящением моего первого путешествия в Уссурийском крае.

26 — 27 марта. Стоим в урочище Чиркаин. Место плохое для пролётных птиц: речки небольшие, болота поросли сплошь густым тростником, и на открытых болотах везде лёд. Погода большей частью дурная — холодная, ветреная и облачная. Вновь прилетел Grus cinerea [серый журавль]. Пролёт Anthus aquaticus и Larus

ridibundus [горный конёк и обыкновенная чайка] усиливается. Эти два дня зуда у меня почти совсем не было; только на охоте не могу так много ходить, как прежде.

Сегодня приехал ко мне из Зайсана доктор Рашевский, обнадёжил, что зуд не усилится в прежней степени; усталость же мало-помалу начнёт проходить. Прибыл ещё новый казак, Телешов, взамен Павлова. Завтра пойдём опять в Кендерлык, оттуда на озеро Улюнгур.

29 марта. Стоим возле деревни Кендерлык. Погода отвратительная, холод и буря.

Перед вечером получил от графа Гейдена ([60]) телеграмму, в которой объяснено, что военный министр находит неудобным, при настоящих обстоятельствах, моё движение в глубь Китая. Теперь более уже невозможно колебаться. Как ни тяжело мне, но нужно покориться необходимости — и отложить экспедицию в Тибет до более благоприятных обстоятельств. Тем более, что моё здоровье плохо — общая слабость и хрипота горла, вероятно, вследствие употребления иодистого калия.

Пожалуй, что сам отказ итти теперь в экспедицию, даже болезнь и возвращение из Гучена случились к моему счастью. Больной теперь, я почти наверное не мог бы сходить в Тибет. Только сам я не хотел и н е м о г отказаться от мысли, хотя внутренне предугадывал неудачу.

Если же мы прошли бы в Цайдам, то китайцы, в случае ссоры с русскими, легко могли передушить нас. Посмотрим, насколько рассеется это дело в будущем.

С эстафетой послал в Главный штаб телеграмму с просьбой разрешить мне вернуться в Петербург для поправления здоровья.

30 марта. Остался ещё на день возле Кендерлыка, чтобы поохотиться за тетеревами на току. Завтра же уйдём отсюда в Зайсан. Пробудем там с неделю, чтобы сдать на хранение, частью же распродать экспедиционные вещи, а затем поедем на почтовых в Семипалатинск и далее в Россию. Мои казаки, узнав о возвращении, сильно пригорюнились,— видно, и для них заманчива вольная жизнь путешественников.

К л и м а т м а р т а. Против всякого ожидания, этот месяц был очень холоден. Первую его половину снег лежал еще сплошь по степи и таял понемногу равномерно; затем он вдруг исчез весь к 19 марта, а к 23-му числу вся степь была уже совершенно свободна от снега. Однако лёд на озёрах и болотах почти еще не трогался до конца месяца; северный склон Саура и даже его низких предгорий также весь был в снегу; только на солнцепёках чернеется земля.

В первую треть описываемого месяца, как и в феврале, часто были туманы; в последней трети вдруг начались сильные северо-западные ветры, которых прежде почти совсем не было[1]. Эти ветры всегда приносили холод. Вообще тепло в течение всего марта перепадало лишь изредка. Дни большей частью стояли облачные; морозы на восходе солнца доходили до — 12°,3; во второй половине описываемого месяца снежных дней было пять. Первый дождь падал 10-го числа. Однако весенняя жизнь пробуждалась, лишь только становилось тепло; тогда на солнечном пригреве являлись насекомые, а в конце месяца ящерицы и бабочки; 28-го числа найден первый цветок; неделей раньше начала цвести ива. Пролёт птиц в марте был бедный; впрочем, водяных, быть может, было немного на Иртыше и Зайсане.

Вообще ранняя весна, по крайней мере, нынешнего года, возле Зайсанского поста отличалась холодами и дурной погодой; тёплых дней было очень мало. Весьма вероятно, что такое обстоятельство много зависит от влияния высокого Саура, который стоит стеною с юга.

Впрочем, такие холода, по словам старожилов, бывают не каждую весну. Чаще тепло настаёт раньше.

31 марта. Перешли из Кендерлыка в Зайсанский пост с тем, чтобы отсюда ехать в Петербург. Верблюды и все экспедиционные запасы останутся на хранении в Зайсане. Рассчитываю вернуться сюда к будущей весне и тогда с новыми силами и новым счастьем предпринять новую экспедицию.

Сегодня исполнилось мне 39 лет, и день ознаменовался для меня окончанием экспедиции, далеко не столь триумфальным, как моё прошлое путешествие по Монголии. Теперь дело сделано лишь наполовину: Лоб-нор исследован, но Тибет остаётся еще нетронутым. В четвёртый раз я не могу попасть туда: первый раз вернулся с Голубой реки; второй — с Лоб-нора, третий — из Гучена; наконец, в четвёртый раз экспедиция остановлена в самом её начале.

Я не унываю! Если только моё здоровье поправится, то весною будущего года снова двинусь в путь ([61]).

Хотя остановка экспедиции совершилась не по моей вине и притом я сознаю, что это самое лучшее при настоящем состоянии моего здоровья, — всё-таки мне крайне тяжело и грустно ворочаться назад. Целый день вчера я был сам не свой и много раз плакал. Даже возвращение в Отрадное теперь мало радует.

---

[1] Вероятно, ветры дуют здесь всю весну — явление, общее всей Средней Азии.

Правда, жизнь путешественника несёт с собой много различных невзгод, но зато она даёт и много счастливых минут, которые не забываются никогда.

Абсолютная свобода и дело по душе — вот в чём именно вся заманчивость странствований. Не даром же путешественники никогда не забывают своей труженической поры, даже среди самых лучших условий цивилизованной жизни.

Прощай же, моя счастливая жизнь, но прощай ненадолго! Пройдёт год, уладятся недоразумения с Китаем, поправится моё здоровье, и тогда я снова возьму страннический посох и снова направлюсь в азиатские пустыни...

Перерыв, но не конец дневника.

31 марта 1878 г.
Пост Зайсанский

ЧУГУЧАКЪ
Дурбульджинъ
Оз. Эби-норъ
Оз. Сайрамъ-норъ
Укр. Джинъ-хо
Шихо
КУЛЬДЖА
Арустанъ
Пер. Ямату
Ч
Ж
Х
Р
Е
МАНА
Карашаръ
Курля
АКСУ
Куча

КА
МАРШРУТНО-ГЛАЗ
ВТОРАГО (1876,1877) И ТРЕТ
Н. М. ПРЖЕ
ЦЕНТРАЛ
У
Н
Г
А
Р
І
Я
2110
2400
1800
2100
ГУЧЕНЪ
4200
Оз. Баркуль
БАРКУЛЬ
5300
УРУМЧИ
Дабанчи
ТУРФАНЪ
ПИЧАНЪ
Токсунъ
Т
Я
Н
Ь
Ш
2600

СПИСОК ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

Первый столбец—названия, приводимые у Н. М. Пржевальского; второй столбец—наиболее принятые ныне латинские названия, соответствующие видам, упоминаемым автором; третий столбец—русские названия. Виды, отмеченные во втором столбце словами: «так же», в настоящее время указываются под теми же названиями, какие были приняты во времена Н. М. Пржевальского.

Accentor altaicus	Prunella hymalayana	Гималайская завирушка
Accentor atrigularis	Prunella atrigularis	Черногорлая завирушка
Accentor fulvescens	Prunella fulvescens	Бледная завирушка
Accipiter nisus	Так же	Перепелятник
Actitis hypaoleucos	Так же	Перевозчик
Aegialites cantianus	Aegialophilus alexandrinus	Морской зуёк
Alauda arvensis	Так же	Жаворонок
Alaudula leucophaea	Calandrella pispoletta	Серый жаворонок
Anas acuta	Так же	Шилохвость
Anas boschas	Anas platyrhyncha	Кряква
Anas clypeata	Spatela clypeata	Широконоска
Anas crecca	Querquedula crecca	Чирок-свистунок
Anas penelope	Mareca penelope	Свиязь
Anas querquedula	Querquedula querquedula	Чирок-трескунок
Anas strepera	Так же	Серуха
Anser cinereus	Anser anser	Серый гусь
Anser indicus	Так же	Горный гусь
Anthus aquaticus	Anthus spinoletta	Горный конёк
Anthus pratensis	Так же	Луговой конёк
Antilope hodgsoni	Pantholops hodgsonii	Антилопа оронго
Antilope subgutturosa	Gazella subgutturosa	Джейран
Aquila bifasciata	Aquila nipalensis	Степной орёл
Aquila fulva	Aquila chrysaetus	Беркут
Arctomys baibacinus	Marmota baibacina	Алтайский сурок
Arctomys sp. (caudata)	Marmota caudata	Длиннохвостый сурок
Ardea alba	Egretta alba	Белая цапля
Ardea cinerea	Так же	Серая цапля
Arvicola	Microtus	Полёвка
Asinus kiang	Equus hemionus	Кулан
Astur palumbarius	Astur gentilis	Тетеревятник
Athene plumipes	Так же	Китайский домовый сыч
Botaurus stellaris	Так же	Выпь
Budytes citreoloides	Motacila citreola	Желтоголовая трясогузка

Buteo sp.	Так же	Канюк
Buteo vulgaris	Buteo buteo	Канюк
Caccabius chukar	Alectoris kakeli'	Кеклик
Calamodyta turtoides	Acrocephalus arundinaceus	Дроздовидная камышовка
Camelus bactrianus ferus	Так же	Дикий верблюд
Canis chanco	Canis lupus	Волк
Canis lupus	Так же	Волк
Canis vulpes	Vulpes vulpes	Лисица
Canis melanotis	Vulpes vulpes	Лисица
Capra sibirica	Так же	Горный козёл
Capra skyn	Capra sibirica	Горный козёл
Carbo cormoranus	Phalacracorax carbo	Баклан
Carpodacus erythrinus	Erythrina erythrina	Чечевица
Carpodacus rubicilla	Erythrina rubicilla	Большая чечевица
Casarca rutila	Tadorna ferruginea	Красная утка
Cervus elaphus	Так же	Благородный олень
Cervus maral	Cervus elaphus	Марал
Cervus pygargus	Capreolus pygargus	Косуля
Chelidon lagopoda	Delichon urbica	Городская ласточка
Ciconia nigra	Так же	Черный аист
Circus cyaneus	Так же	Полевой лунь
Circus rufus	Circus aeruginosus	Камышовый лунь
Columba oenas	Так же	Клинтух
Columba palumbus	Так же	Вяхирь
Columba rupestris	Так же	Каменный голубь
Columba sp.	Так же	Голубь
Corvus corax	Так же	Ворон
Corvus cornix	Corvus corone	Ворона
Corvus frugilegus	Так же	Грач
Corvus monedula	Coloeus monedula	Галка
Corvus orientalis	Corvus corone	Ворона
Coturnix communis	Coturnix coturnix	Перепел
Crex pratensis	Crex crex	Коростель
Cuculus canorus	Так же	Кукушка
Cyanecula coerulecula	Luscinia svecica	Варакушка
Cyanistes cyanus	Parus cyanus	Князёк
Cygnus olor	Так же	Лебедь-шипун
Cynchramus polaris	Emberiza pallasi	Полярная овсянка
Cynchramus pyrrhuloides	Emberiza schoeniculus	Камышовая овсянка
Cynchramus schoeniculus	Emberiza schoeniculus	Камышовая овсянка
Cypselus murarius	Apus apus	Стриж
Cyprinidae	Так же	Карповые
Dafila acuta	Anas acuta	Шилохвость
Erinaceus auritus	Так же	Ушастый ёж
Erythrospiza mongolica	Bucanetes githagineus	Пустынный снегирь
Erythrospiza obsoleta	Rhodospiza obsoleta	Пустынный вьюрок
Falco aesalon	Aesalon columbarius	Дербник
Felis irbis	Felis uncua	Снежный барс, ирбис
Felis lynx	Так же	Рысь
Felis manul	Так же	Манул
Fregilus graculus	Pyrrhocorax graculus	Клушица
Fringilla montifringilla	Так же	Юрок
Fulica atra	Так же	Лысуха
Fuligula clangula	Bucephala clangula	Гоголь
Fuligula cristata	Nyroca fuligula	Хохлатый черныш
Fuligula ferina	Nyroca ferina	Красноголовый нырок
Fuligula nyroca	Nyroca rufa	Белоглазый нырок
Fuligula rufina	Netta rufina	Красноносый нырок
Galerida magna	Galerida cristata	Хохлатый жаворонок
Graculus carbo	Phalacracorax carbo	Большой баклан
Grus cinerea	Grus grus	Серый журавль
Grus virgo	Так же	Журавль-красавка
Gypaetus barbatus	Так же	Ягнятник
Gyps himalayensis	Gyps fulvus	Снежный сип

Harelda glacialis	Clangula hyemalis	Морянка
Hirundo rustica	Так же	Касатка
Hypsibates himantopus	Himantopus himantopus	Ходулочник
Lanius homeyeri	Lanius excubitor	Серый сорокопут
Lanius isabellinus	Так же	Пустынный жулан
Larus argentatus	Так же	Серебристая чайка
Larus brunneicephalus	Так же	Тибетская буроголовая чайка
Larus ridibundus	Так же	Обыкновенная чайка
Leptopoecile sophiae	Так же	Славковидный королёк
Lepus sp.	Так же	Заяц
Leucostistes brandtii	Так же	Туркестанский вьюрок
Linota montium	Acanthis flavirostris	Горная чечётка
Lutra vulgaris	Lutra lutra	Выдра
Megaloperdix nigellii	Tetraogallus hymalayensis	Темнобрюхий улар
Megaloperdix sp.	Tetraogallus sp.	Улар
Melanocorypha tatarica	Так же	Чёрный жаворонок
Mergus merganser	Так же	Большой крохаль
Meriones sp.	Так же	Песчанка
Milvus ater	Milvus korschun	Чёрный коршун
Montifringilla nivalis	Так же	Альпийский вьюрок
Motacilla personata	Motacilla alba	Белая трясогузка
Mus sp.	Так же	Мышь
Mustela intermedia	Martes foina	Каменная куница
Myophoneus temminsiki	Myophoneus coeruleus	Синяя птица
Numenius arquatus	Так же	Большой кроншнеп
Oreinus	Так же	Осман
Otocoris albigula	Eremophila alpestris	Рогатый жаворонок
Oriolus galbula	Oriolus oriolus	Иволга
Ortygometra pusilla	Porzana parva	Малый погоныш
Otus brachyotus	Asio flammeus	Болотная сова
Otus vulgaris	Asio otus	Ушастая сова
Ovis polii	Ovis ammon	Аркар, горный баран
Panurus barbatus	Panurus biarmicus	Усатая синица
Parus cyanus	Так же	Синица лазоревка
Passer ammodendri	Так же	Саксаульный воробей
Passer montanus	Так же	Полевой воробей
Pelicanus crispus	Так же	Серый пеликан
Perdix daurica	Так же	Серая даурская куропатка
Phasianus mongolicus	Phasianus colchicus	Фазаны
Phasianus shawii Phasianus insignis	Phasianus colchicus	
Pica caudata	Pica pica	Сорока
Picus sp.	Так же	Дятел
Picus major	Dryobates major	Большой пёстрый дятел
Podiceps cristatus	Так же	Чомга
Podiceps minor	Podiceps ruficolus	Малая поганка
Podoces	Так же	Саксаульная сойка
Podoces hendersoni	Так же	Монгольская саксаульная сойка
Podoces humilis	Так же	Саксаульная сойка
Podoces panderi	Так же	Среднеазиатская саксаульная сойка
Podoces tarimensis	Podoces biddulphi	Таримская саксаульная сойка
Poëphagus grunniens ferus	Так же	Дикий як
Pratincola indica	Saxicola torquata	Черноголовый чеккан
Pseudois nahoor	Так же	Куку-яман
Rallus aquaticus	Так же	Водяной пастушок
Rhopophilus deserti	Rhopophilus pekinensis	
Rhopophilus pekinensis	Так же	
Ruticilla erythrogastra	Phoenicurus erythrogaster	Краснобрюхая горихвостка
Ruticilla erythronota	Phoenicurus erythronotus	Рыжеспинная горихвостка
Salicaria locustella	Locustella naevia	Сверчок

Salicaria sphenura	Acrocephalus dumetorum	Садовая камышовка
Saxicola atrogularis	Oenanthe deserti	Пустынная каменка
Saxicola isabellina	Oenanthe isabellina	Каменка-плясунья
Saxicola leucomela	Oenanthe pleschanka	Каменка-плешанка
Saxicola oenanthe	Oenanthe oenanthe	Каменка
Schizothorax	Так же	Маринка
Scolopax hyemalis	Capella solitaria	Горный дупель
Scolopax rusticola	Так же	Вальдшнеп
Scops zorca	Otus scops	Совка-зорька
Sorex sp.	Так же	Землеройка
Spermophylus	Citellus	Суслик
Sterna caspia	Hydroprogne tschegrava	Чеграва
Sterna hirundo	Так же	Речная крачка
Sturnus vulgaris	Так же	Скворец
Sturnus unicolor	Sturnus vulgaris	Скворец
Sus scrofa ferus	Так же	Кабан
Sylvia cinerea	Sylvia communis	Серая славка
Silvia curruca	Так же	Славка-завирушка
Sylvia superciliosa	Phylloscopus inornata	Пеночка-зарничка
Syrrhaptes paradoxus	Так же	Саджа или копытка
Tadorna cornuta	Tadorna tadorna	Пеганка
Tichodroma murraria	Так же	Стенолаз
Tigris regulis	Felis tigris	Тигр
Tinnunculus alaudarius	Cercheis tinnunculus	Пустельга
Totanus calidris	Tringa totanus	Травник
Totanus glottis	Tringa nebularia	Большой улит
Totanus ochropus	Tringa ochropus	Черныш
Tringa minuta	Erolia minuta	Кулик-воробей
Turdus atrogularis	Turdus ruficollus	Чернозобый дрозд
Turdus mystacinus	Turdus ruficollus	Чернозобый дрозд
Turdus ruficollus	Так же	Чернозобый дрозд
Turdus viscivorus	Так же	Дрозд-деряба
Turtur sp.	Streptopelia sp.	Горлица
Turtur vitticollis	Streptopelia chinensis	Китайская горлица
Upupa epops	Так же	Удод
Ursus arctos	Так же	Медведь
Ursus isabellinus	Ursus arctos	Медведь
Ursus leuconyx		Бурый белокоготный медведь
Vultur cinereus	Aegypius monachus	Гриф
Vultur monachus	Aegypius monachus	Гриф

СПИСОК ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Allium	Лук (у Н. М. Пржевальского—дикий чеснок)
Asclepias (нужно: Apocynum Hendersoni)	Кендырь
Butomus	Сусак
Calligonum	Джузгун
Caragana	Карагана, дереза
Caragana jubata	Карагана—верблюжий хвост
Ceratocarpus	Ибелек, эбилек, рогач
Drosera	Росянка
Eleagnus	Джида, лох
Ephedra	Эфедра, хвощ
Evonymus	Бересклет
Gallium	Подмаренник
Halimodendron	Джингил
Hedysarum	Копеечник
Hippuris	Водяная сосёнка
Iris	Ирис, касатик
Kalidium	Бударгана, поташник
Lasiagrostis	Чий, дэрисун, дэрэс
Lonicera	Жимолость
Myosotis	Незабудка
Nitraria	Селитрянка, хармык
Pedicuiaris	Мытник, вшивица
Picea Schrenkiana	Тяньшанская ель
Populus diversifolia	Разнолистный тополь, тогрук, туранга
Pottentilla	Лапчатка
Primula	Первоцвет
Pulsatilla	Прострел, сон-трава
Salix	Ива
Statice	Кермек
Stellaria	Звездчатка
Saxifraga	Камнеломка
Typha	Куга, рогоз
Vicia	Горошек
Voila	Фиалка

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

[1] Помощник Н. М. Пржевальского по его первому центральноазиатскому (монгольскому) путешествию М. А. Пыльцов не смог принять участие во второй и последующих экспедициях Пржевальского в Центральную Азию. Семейные обстоятельства, сложившиеся у Пыльцова, его женитьба на сестре Н. М. Пржевальского, заставили Николая Михайловича искать себе других спутников. Дело это было очень трудным. Пржевальский серьёзно и ответственно относился к подбору участников экспедиции, справедливо полагая, что в хорошо подобранном составе экспедиции — залог её успешной работы и счастливого возвращения. В желающих ехать с Пржевальским недостатка не было. Н. М. Пржевальский предполагал, что его помощником на этот раз вновь окажется Николай Яковлевич Ягунов, который был уже испытан им в уссурийском путешествии. Однако судьба решила иначе. Ягунов, будучи уже поручиком Кексгольмского гренадерского полка, 8 (20) июня 1875 г., купаясь в реке Висле, утонул. Это было большим горем для нашего путешественника, который очень любил Ягунова.

> «Я до сих пор еще не могу свыкнуться с мыслью, что Ягунова уже не существует. Всё кажется, что вот-вот он приедет к нам в деревню, — так недавно еще был среди нас, а теперь превратился в ничто...» (из письма И. Л. Фатееву 14 июля 1875 г.; по Н. Ф. Дубровину, стр. 199).

В результате долгих поисков и колебаний Н. М. Пржевальский останавливает свой выбор на двух: Е. М. Повало-Швыйковском (в своем отчёте Пржевальский почему-то пишет — Швейковский) и Ф. Л. Эклоне.

Федор Леопольдович Эклон сопровождал Пржевальского во втором и третьем путешествиях в Центральную Азию. Эклон был сыном служащего, молодым человеком 18 лет, когда великий путешественник начал подготавливать его к навыкам экспедиционной жизни и к полевой работе, очень многообразной и в общем трудной. Пржевальский направляет Эклона в Самогитский полк в качестве вольноопределяющегося. Позже Эклон получил чин поручика Ростовского гренадерского полка. Пржевальский очень полюбил Эклона, который оказался хорошим помощником и товарищем.

Евграф Михайлович Повало-Швыйковский — сын соседки Пржевальского по имению в Смоленщине. Повало-Швыйковский был тогда юнкером, но в момент путешествия — прапорщиком Звенигородского полка, а позже поручиком.

Пржевальский знал Евграфа Михайловича с самого детства и потому считал,

что может спокойно положиться на него в трудных условиях путешествия в пустынях Лоб-нора или нагорьях Тибета. Как показывает дневник и отчёт Пржевальского, эти его надежды не сбылись. Вот что он пишет в своём дневнике от 20 сентября 1876 г.:

«Тяжёлый день. Сегодня я отправил обратно в Кульджу, а оттуда в полк, Швыйковского, оказавшегося совершенно негодным для экспедиции по своей умственной ограниченности и неспособности к какому-либо делу. Ни снимать птиц, ни стрелять, ни делать съёмки — ничего не умел бедный Евграф. Сначала я думал, что он научится всему этому, но вот прошло уже более месяца, а Швыйковский остался тем же, каким был и при начале экспедиции. Я вынужден был его прогнать, как человека совершенно бесполезного. Тяжело мне было решиться на это. Евграф ко мне лично привязан, притом он доброй души. Да, наконец, здесь, где всё чужое и враждебное, преданный товарищ ценится более, чем где-либо. Однако необходимость взяла верх. Я отправил Евграфа, хотя вчера вечером и сегодня утром я плакал несколько раз как ребенок. Возвращение Швыйковского я обставил как можно лучше и в материальном и в нравственном отношениях. Дал ему прогоны и жалованье — всего 800 руб., причиною возврата везде выставил болезнь. Остался я теперь с одним Эклоном; с ним мы и сделаем всю экспедицию».

[2] Смета, поданная Пржевальским на расходы по второй экспедиции, исчислялась в 24 740 руб. из расчёта двух лет работы. Предполагалось, что если экспедиция задержится на третий год работ, что и входило в первоначальные планы путешественника, тогда дополнительно следовало послать ещё 12 тыс. руб. 31 января 1876 г. Совет Русского Географического общества постановил ходатайствовать об отпуске этих средств Н. М. Пржевальскому.

[3] Панфил Чебаев и Дондок Иринчинов — два спутника Пржевальского по монгольскому путешествию, к которым хорошо относился великий путешественник. Оба они родом из Забайкалья (Иринчинов — бурят по национальности), были долгими и верными спутниками Николая Михайловича по Центральной Азии. О составе Лобнорской экспедиции пишет автор в полевом дневнике за 1—11 августа 1876 г.: «Всего нас десять человек: я, Эклон, Швыйковский, переводчик киргиз Исаев (крещёный?) и казаки Чебаев, Иринчинов (прежние), Бадмаев, Черепанов и Козлов; эти последние взяты из Семиреченского войска».

Бадмаев был прислан русским консулом в Урге Я. П. Шишмарёвым из Забайкалья в качестве переводчика с монгольских языков. Однако Бадмаев и Черепанов оказались ленивыми и мало способными работниками, и в самом начале экспедиции Пржевальский отправил их обратно в Кульджу. Та же участь постигла и второго переводчика — Николая Исаева, для характеристики которого Пржевальский не скупился на гневные и резкие слова.

[4] Здесь Пржевальский употребляет распространённое тогда название «сартского» языка.

В термин «сарт» в Туркестане в разное время вкладывали и разное содержание. В данном случае Пржевальский понимает под сартским языком — язык местного оседлого населения Средней Азии и Кашгарии. Такое понятие весьма неопределённо, ибо оседлые жители Туркестана говорят на разных языках. Неопределённость этнического термина «сарт» подчёркивалась многими исследователями. Русские переселенцы в начале XX века всех оседло живущих жителей Туркестана называли «сартами». По мнению известного тюрколога акад. В. В. Радлова, слово «сарт» произошло из индийского, где имело значение «купец». У акад. В. В. Бартольда, крупнейшего историка Средней и Передней Азии, находим следующее объяснение эволюции термина «сарт»:

«В турецкой литературе XI века встречается также слово «сарт», но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле «купец». В турецкой буддийской литературе встречается слово «сартбау», искажённое санскритское sarthavaha или sarthabaha — «предводитель каравана»; повидимому, это слово, на почве так называемого лингвистического осмысления, было изменено турками в сартбаши — «начальник сартов», откуда образовалось слово «сарт» в смысле «купец». Монголы в XIII веке употребляли образованные от этого корня слова: «сартак», и «сартаул», в смысле «таджик» и «мусульмании», причём называли сартаками не только иранцев, но и турок—мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане в конце XV века употребляли слово «сарт» в смысле «таджик», противополагая язык и литературу сартов языку и литературе турок. Степняки узбеки, завоевавшие Туркестан в начале XVI века, стали называть «сартами», в противоположность «узбекам», всех оседлых жителей, как иранцев, так и говоривших по-турецки; впоследствии, когда языком большинства оседлого населения сделался турецкий, слово «сарт» стало употребляться в литературе (например, у кокандских историков), отчасти и в жизни, в смысле горожанин или сельский житель, говорящий по-турецки, в противоположность таджику, сохранившему свой язык иранца. По чертам быта сартам, как типичным горожанам и земледельцам, теперь противополагаются не узбеки, большей частью перешедшие к оседлому образу жизни, а «казаки». В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Ленинград, 1927, стр. 24—25.

Ныне термин «сарт», вследствие его неопределённости, не применяется.

[5] Таранчами называли тюркский народ, проживающий в Кульджинском крае, откуда частично они во второй половине XVIII века переселились в Семиречье. Язык у таранчей тот же, что и у тюркского оседлого населения Кашгарии, т. е. уйгурский. Ныне не выделяют таранчей как отдельную народность, — они вошли в состав уйгуров. В основе названия «таранчи» лежит термин «таря», т. е. пашня, и поэтому перевод этого названия звучит: пахари, земледельцы.

[6] Дунгане — народ, живущий в китайской провинции Ганьсу, а также провинциях Цинхай, Синьцзян. В небольшом количестве населяют юго-восточную часть Казахской ССР и Киргизскую ССР. Язык—китайский, религия—мусульманство. Происхождение дунган недостаточно ясно; считают, что это тюркское племя, в сильнейшей степени окитаившееся.

[7] Калмыки, или торгоуты, — монгольское население Джунгарии. Главное занятие торгоутов — кочевое скотоводство, местами же занимаются также посевами зерновых, но земледелие почти всюду имеет подчинённое значение. Считают, что в Синьцзяне ныне кочуют 160—180 тысяч торгоутов. Небольшая часть их, известная под названием булугунских торгоутов (по р. Булугун), живёт на юге Кобдосского аймака Монгольской Народной Республики. По своему языку торгоуты принадлежат к западномонгольской ветви монгольских племён, по религии они буддисты-ламаисты.

Ниже упоминаемый народ сибо — давние военные переселенцы в Джунгарию из Маньчжурии, которые осели в долине Или. По религии — буддисты, но с остатками шаманизма, который сохранился ещё со времени пребывания их в Маньчжурии. Живут в хорошо распланированных городах, обнесённых стенами, по хозяйству — земледельцы.

[8] Река Или у Кульджи по современным съёмкам имеет абсолютную высоту 700 м.

[9] Н. А. Северцов, один из крупнейших исследователей Туркестана, не случайно соединил в один вид этих двух медведей. Ныне систематика медведей объединяет

в один вид Ursus leuconyx и U. isabellina как Ursus arctos выделяя формы. Тяньшанский медведь—это особая форма—белокоготный бурый медведь.

[10] В Советском Тянь-шане, в горах Кетмень, Заилийском хребте и других, ботаники отмечают отдельные экземпляры тяньшанской ели, размером до 60 м высоты и до 2 м в диаметре ствола.

[11] Нарат и все другие перечисляемые под различными местными названиями Пржевальским горы входят в главную водораздельную цепь Восточного Тянь-шаня. Река Юлдус (Хайду-гол или Хайдык) несёт свои воды уже на юг, в Кашгарию. Горы на водоразделе между верховьями Кунгеса и Юлдуса поднимаются до высоты 3 500 — 4 000 м, но высота Тянь-шаня увеличивается отсюда на запад, к границам Советского Союза, а также на восток, где недалеко от Урумчи горы Богдо-ула достигают вечного снега и имеют высоту 5 600 м.

[12] В этом перечне млекопитающих обращают внимание необычные названия лисицы — Canis melanotis, оленя — Cervus maral, полёвок — Arvicola, сусликов — Spermophilus. Говоря о полёвках, Пржевальский, видимо, имеет в виду полёвок в широком смысле слова, а не только водяных полёвок. Указывая лисицу как Canis melbnotis, автор хотел этим сказать, что упомянутая лисица относится к группе южных, серых лисиц. Олень — Cervus mara — является особым подвидом C. elap а не самостоятельным видом. Под сусликами Spermophilus принято сейчас понимать тонкопалых сусликов, но Пржевальский имеет в виду в данном случае сусликов рода Citellus. Для диких баранов и козлов, упоминаемых здесь и ниже, автором приняты другие видовые названия (см. список латинских названий животных).

[13] Кара-шар — один из центров Синьцзяна, город на южном склоне Тянь-шаня, расположенный на реке Хайду-гол, почти у впадения последней в озеро Баграч.

[14] Якуб-бек — глава мусульманского государства в Кашгарии — Джеты-шаар или Семиградье. Джеты-шаар существовало недолгое время, с 1867 по 1878 г.; оно было признано Англией и Турцией. Якуб-бек происходил из Средней Азии, родился близ города Ташкента, который защищал от русских войск, а затем бежал в Восточный Туркестан, где возглавил национально-освободительное мусульманское движение против китайцев. Полное имя Якуб-бека: Магомет Якуб-бек Бадаулет[1], эмир Джеты-шаара.

Период истории Синьцзяна, когда в Кашгарии в течение недлительного времени существовало государство Якуб-бека, очень плохо изучен. На русском языке имеются данные по этому периоду в работе А. Н. Куропаткина: «Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля». СПб., 1879; а также в исследовании Н. И. Веселовского: «Якуб-бек». Записки Восточного отд. Русского Археологического Общества, 1898.

Якуб-беку посвящена также работа на английском языке: D. C. Boulder Life of Jakoob Beg London 1878.

[15] Все упомянутые фазаны лишь подвиды одного вида: - Phasianus colchicus.

[16] Это удалось сделать ученикам Н. М. Пржевальского — В. И. Роборовскому и П. К. Козлову, которые в качестве участников Тибетской экспедиции Русского Географического общества получили задание начальника экспедиции М. В. Певцова произвести съёмку озера Баграч, что и было ими выполнено в 1890 г. По Козлову озеро Баграч имеет длину до 85 км, а в ширину 42, окружность его превышает 235 км. Озеро пресное, очень прозрачное, дно можно различать на глубине 12 м; это, видимо, средняя глубина озера, наибольшая же глубина осталась неизвестной. Весной и осенью на озере во время бурь поднимаются волны до 2 м высоты, волнением выбрасывает на берега много рыбы, которая становится добычей крылатых хищников и кабанов. Замерзает озеро в начале декабря, вскрывается в марте, но льдины ветрами передвигаются еще и в апреле.

---

[1] Н. М. Пржевальский всюду пишет: Бадуалет.

Берега озера разнообразны, во многих местах заросли густыми тростниками или окружены песками. Водная гладь озера привлекает много птиц, а тростники дают приют некоторым зимующим здесь лебедям и уткам. За многочисленными кабанами охотится редкий здесь тигр (Труды Тибетской экспедиции, ч. 3, СПб., 1896, стр. 107 — 109).

У М. В. Певцова также приводятся данные об этом, одном из самых больших озёр Центральной Азии. По данному автору, озеро имеет длину до 90 км, а ширину 53 км. Крайне любопытным представляется мастерски записанная картина ловли рыбы зимой. Картина эта представляет исключительный этнографический интерес:

> «Зимой, когда озеро Баграш-куль покроется льдом, монголы ловят в нём много рыбы и сбывают её в Карашаре, откуда большая часть этой рыбы отправляется на продажу в Урумчи. Рыбу добывают двумя способами: крюками и острогой. Сделав во льду прорубь, обкладывают её по краю принесённой с берега землёй, опускают в воду прочный железный крюк с наживкой из мяса, привязанный к веревке, и с наступлением ночи разводят вокруг проруби на земляной насыпи костёр. После этого ловцы отходят от проруби по льду на версту и более, выстраиваются в линию и подвигаются к ней потихоньку, стуча сильно палками об лёд. Пробудившиеся рыбы, заметив издали свет, направляются к проруби и глотают наживку. Точно таким же образом загоняют рыб к большим прорубям, у которых их караулят бойцы с массивными острогами. К рукояти остроги привязывается верёвка, свободный конец которой прикрепляется к толстому колу, замороженному во льду. Ударив очень большую рыбу, с которой невозможно справиться одному, боец выпускает из рук острогу, а потом с помощью товарищей втягивает её постепенно на лёд. Рыбы в Баграш-куле, по словам монголов, достигают длины почти человеческого роста и принадлежат, по всей вероятности, тем же видам из семейства карповых, которые живут в Яркенд-дарье и её левом притоке Конче, вытекающем из этого озера» (Труды Тибетской экспедиции, ч. I, СПб., 1895, стр. 341).

[17] Токсум — оазис и городок в Восточном Тянь-шане, близ города Турфана, лежит в известной Турфанской впадине на большой дороге, связывающей центр Синьцзяна город Урумчи (китайское название Ди-хуа) с Кара-шаром. Таким образом пути из Токсума идут в Джунгарию и Кашгарию и естественно, что Якуб-бек избрал этот пункт для построек здесь укреплений, поскольку именно здесь, с востока, можно было ждать китайцев, которые, конечно, прекрасно знали древнюю дорогу из Анси на Хами и Турфан, в обход пустыни Лоб-нора.

[18] Заман-бек — личность в некоторых отношениях примечательная; русские историки Востока хорошо знают Заман-бека и его помощь русским в путешествиях или дипломатических переговорах. Заман-бек, или Заман-хан-эфенди, действительно уроженец Кавказа, но затем он был в Турции, откуда турецкий султан посылает его к Якуб-беку вместе с некоторыми другими лицами, знающими военное дело.

Заман-бека после смерти Якуб-бека и падения Джеты-шаара можно видеть на русской службе: он в Ташкенте работает переводчиком в канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В 1877 — 1878 гг. участвует в посольстве, отправленном Россией в Афганистан и возглавлявшемся генерал-майором Н. Г. Столетовым.

Заман-бек от имени Якуб-бека вёл предварительные переговоры с посольством капитана Куропаткина[1], который с инструкциями туркестанского генерал-губернатора Кауфмана был послан в Кашгарию в 1876 г., т. е. в том же году, когда и начал свое Лобнорское путешествие Пржевальский. Куропаткин имел задания по установлению границ между Джеты-шааром и Ферганской областью, а также по выяс-

---

[1] Впоследствии генерал и военный министр.

нению общей политической обстановки в Кашгарии. У Куропаткина читаем о Заман-беке:

«Через несколько дней к нам явился Заман-хан-эфенди, которому было поручено Якуб-беком вести предварительные переговоры. Наше изумление было очень сильно, когда оказалось, что Заман-хан прекрасно владеет русским языком и довольно образован (мы с ним беседовали об Англии, которой он не симпатизирует, о европейских делах, причём он высказал очень верные соображения и своё знакомство с положением дел в Тунисе, Алжирии и Египте). Он нам сообщил о своём прошлом несколько подробностей, из коих мы узнали, что он выходец с Кавказа, получил в России образование, но по каким-то политическим делам вынужден был бежать в Константинополь. Оттуда, три года тому назад, Заман-хан прибыл в Кашгар и с тех пор состоит при Якуб-беке в качестве доверенного советника. Заман-хан сильно симпатизирует русским и уже доказал свою симпатию на деле: только благодаря его влиянию подполковник Пржевальский был пущен на Лоб-нор. Ранее же приезда Заман-хана в г. Курля наш путешественник находился в этом городе как бы под почётным арестом. Заман-хан вызвался сам проводить г. Пржевальского на Лоб-нор, и позднее, в письмах ко мне, г. Пржевальский выражает свою полную благодарность Заман-хану за его искреннюю дружбу и содействие во всех трудных обстоятельствах, в которые становилась экспедиция» (Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879, стр. 7).

Заман-беку, чьё тёплое участие в экспедициях не раз отмечал Пржевальский, во многом обязана Лобнорская экспедиция. Покидая пределы Джеты-шаара, Пржевальский не забывает роли Заман-бека, благодарит его, что специально отмечает в своём дневнике:

«...Я написал Заман-беку тёплое письмо, в котором благодарил его за все услуги, нам оказанные. Действительно, Заман-бек для нас очень много сделал: без него нам было бы вдесятеро труднее, да и попали ли бы мы тогда на Лоб-нор? Вообще, мне везёт удивительно: ни годом позднее, ни годом раньше исследование Лоб-нора не удалось бы. В первом случае Якуб-бек, еще не боявшийся китайцев, не пустил бы нас; через год же китайцы наверное завладеют Карашаром и Курлей; тогда опять путь на Лоб-нор закрыт, по крайней мере до совершенного покорения Восточного Туркестана китайцами».

[19] Константин Петрович Кауфман (1818—1882) — первый генерал-губернатор Туркестанского края. Начал свою военную карьеру на Кавказе, но главная деятельность проходила в Средней Азии, когда при его прямом руководстве происходило присоединение к России Самарканда, Хивы, Кокандского ханства. Пользовался большой известностью в Туркестане, где его называли «ярым-падишах», т. е. полуцарь.

Акад. В. В. Бартольд подчёркивает заслуги К. П. Кауфмана в деле изучения Туркестана: «Работы по изучению края встречали со стороны генерал-губернатора Кауфмана полное содействие, иногда даже предпринимались по его инициативе» (История изучения Востока в Европе и России, Ленинград, 1925, стр. 251).

Поэтому понятно, что когда один из талантливейших русских исследователей Туркестана А. П. Федченко открыл в Заалайском хребте высочайший пик, он назвал его пиком Кауфмана (ныне пик Ленина, 7 127 м).

Кауфман был крупным администратором и известен как «устроитель Туркестанского края»; при нём началось строительство железных дорог, устанавливались границы с пограничными государствами. Но Кауфман был представителем царской администрации, он не понимал форм национальной культуры, считал, что они должны

исчезнуть, и край постепенно сольётся с Россией, будет органически связан с русской культурой. В этом отношении Кауфман был типичным представителем царской колониальной политики.

[20] Курук-таг (или Сухие горы) — один из юго-восточных хребтов Тянь-шаня, протянувшийся на 600 км от озера Баграч на восток и окаймляющий пустыню Лоб-нора с севера. Курук-таг, постепенно снижаясь, разбиваясь на гряды, холмы, образует сильно разрушенные мелкосопочники и местами обрывами падает к депрессии, занятой песками Кум-таг.

Курук-таг восточнее озера Халача, куда с востока несёт свои воды значительная центральноазиатская река Сулэ-хэ, переходит в пустынное нагорье Бэй-шань.

Курук-таг имеет резко опустыненные ландшафты, на западе он поднимается до абсолютных высот 2 789 м, на востоке его высоты 1 000—1 200 м и в редких случаях превышают 1 500 м.

[21] Наличие следов древних береговых линий и озёрных отложений на Курук-таге подтвердили последующие исследователи Кашгарии, которые указывают на факты значительно большего распространения озёрных вод в Кашгарской котловине и постепенной миграции дельты Тарима в связи с отступанием Лоб-нора.

[22] Ала-шань—песчаная пустыня, часть Гоби, лежащая во Внутренней Монголии, в провинции Нинься, на север от Нань-шаня. Обследована Пржевальским в первой центральноазиатской экспедиции (см. его «Монголия и страна тангутов». М. 1946, главы 6, 8 и 14, стр. 150—166, 177—193, 289—304).

[23] Картина гидрографии, нарисованная Пржевальским, конечно, уже изменилась. Ныне доказано, что гидрография среднего и нижнего течения Тарима, Конче-дарьи и Лоб-нора очень изменчива; это — особенность речных систем Центральной Азии, для которой термин «кочующие реки» уже давно стал применяться в географической литературе.

Реки меняют свои направления, забрасывая одни русла и прокладывая новые; быстро возникают и исчезают рукава реки, иногда далеко уходящие от основной артерии. Во вступительной статье мы показали, каким большим изменениям подвержена гидрография Тарима — Лоб-нора, причём изменения эти частично протекают на глазах у человека.

[24] В тексте у Пржевальского под латинским названием Asclepias указан кендырь; это латинское название соответствует ласточнику, кендырь же — Apocynum — встречается в Средней Азии и Китае, на юге Европейской части СССР. Главные его места обитания — долины и дельты больших рек. В бассейне Тарима и Лоб-нора известен кендырь вида Apocynum Henderson, о нём подробно и рассказывает автор.

[25] Под родовым названием Sorex sp. Пржевальский мог иметь в виду как землероек рода Sorex, так и, что вероятнее, землероек рода Crocidura.

[26] Под родовым названием Picus sp. Пржевальский мог иметь в виду дятлов различных родов. Пржевальский и в этом списке и ниже упоминает саксаульную сойку Podoces tarmensis; современная систематика знает четыре вида саксаульных соек, из которых ни одна не называется таримской; так как три вида из четырёх приводятся Пржевальским: P. hendersoui, P. humilis, P. panderi, то можно думать, что P. tarimensis есть четвёртый вид, а именно P. biddulphi, которая к тому же описана по сборам из Тарима. Таримской сойке под названием P. ciddulphi посвящает специальный параграф П. К. Козлов (см. Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии под начальством В. И. Роборовского, ч. 2, СПБ., 1889).

[27] Количество видов рыб в Тариме и Лоб-норе оказалось большим, чем это первоначально предполагал Пржевальский. В своём отчёте о четвёртом путешествии в Центральную Азию он приводит следующие данные об ихтиофауне этих интерес-

нейших и замкнутых водоёмов. В восточной части Таримского бассейна путешественниками было найдено 13 видов рыб, из которых 7 видов эндемичны и встречаются только в пределах Таримского бассейна.

Эти 13 видов принадлежат к двум семействам: карповых и вьюновых и четырём родам. По данным С. Герценштейна, обрабатывавшего коллекции рыб Пржевальского, эти роды следующие: Schizothorax, Aspiorrhynchus, Nemachilus, Diplophysa.

На Лоб-норе пойманы рыбы: Aspiorrhynchus przewalskii, по-местному тазек-балык, достигающая до полутора пудов весом, маринки — Schizothorax lacustris, S. chrysochlorus, S. altior, (отур-балык), S. punctatus. К этому списку следует добавить добытый в 1877 г. в Тариме S. microlepidotus. Кроме маринок, Пржевальским привезены и гольцы: Nemachilus tarimensis, N. yarkandensis, т. е. названные гольцами таримским и яркендским. Кроме указанных в реках Кашгарии, относящихся к бассейну Лоб-нора, из реки Ак-су привезены ещё две маринки: S. latifrons, S. malacorrhynchus, два гольца: N. bombifrons, N. strauchi из Чернен и Ак-су и губач — Diplophysa scleroptera из Ак-су впрочем, последний широко распространён по водоёмам Центральной Азии (От Кяхты на истоки Желтой реки, СПб., 1888, стр. 298—299).

Следует отметить, что сборы рыб из Кашгарии очень ограничены и малы. Указанными находками не исчерпывается всё разнообразие её ихтиофауны. Исследования её и сравнительный анализ на территории Центральной и Восточной Азии смогут пролить свет на многие нерешённые вопросы палеогеографии этих стран и осветить проблемы древних гидрографических связей и водоёмов, имевших другие очертания, другой режим и сток. В этом отношении изучение рыб является плодотворным и доказательным.

[28] Здесь Пржевальский приводит таблицу, с указанием деревень по Тариму, количества дворов, жителей, детей и т. д. Эта таблица вряд ли сейчас представляет интерес, почему мы и сочли возможным изъять её из текста.

[29] Этот этнографический очерк таримцев, а также лобнорцев существенно дополнил сам же Н. М. Пржевальский в своей книге «От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима». СПб., 1888, гл. 8, стр. 283—319: Не забегая вперёд, мы не приводим здесь материалов из указанной книги четвёртого путешествия в Центральную Азию, которая также предполагается к переизданию. Этнографические сведения о лобнорцах можно найти также у М. В. Певцова, рассказавшего о быте, работе, жилищах заброшенных сюда людей. Пржевальский указал, что хоронят умерших на Лоб-норе в челноках, а Певцов приводит крайне любопытные данные об обычаях хоронить умерших, не закапывая труп в землю, а покрывая его жердями, на которых настилается войлок или тростник, и это сооружение немного присыпается землёй. Этот обычай, по мнению Певцова, говорит о пережитках монгольских традиций в быту лобнорцев (Труды Тибетской экспедиции, ч. I, СПб., 1895, стр. 302—332).

[30] На современных картах принята абсолютная высота зеркала нового озера Лоб-нора 768 м, Пржевальский определил 671 м. но в четвёртом своём путешествии он исправляет эту отметку до 792 м [2 600 футов], М. В. Певцов же определяет высоту уровня Лоб-нора в 810 м [2 650 футов]. Следует учитывать, что все эти измерения сделаны барометрическим способом, что при большом удалении от опорных метеорологических пунктов не может дать достаточной точности.

[31] Пыльная мгла, или помоха, — очень обычное явление в Кашгарии. На это специально обратил внимание М. В. Певцов:

«Пыльные туманы — весьма обыкновенное явление в Кашгарии. Образование их обусловливается ветрами; а потому ветреные месяцы имеют наибольшее

число дней с пыльными туманами. После каждой бури, сопровождающейся всегда столь густой пыльной мглой, что во время её трудно бывает читать среди дня на дворе, пыльный туман, несмотря на последующую абсолютную тишину, продолжается двое и даже трое суток после шторма. В течение этого времени сверху падает постоянно, но очень медленно, тончайшая минеральная пыль, носившаяся в воздухе. Иногда она покрывает поверхность земли слоем в 2—4 линии толщины, и на этой минеральной пороше явственно отпечатываются следы людей, скота, птиц и диких зверей.

Пыльные туманы сопровождаются всегда облачностью неба, которая увеличивается по мере усиления густоты тумана и, сколько я мог заметить, не предшествует, а следует за пыльной мглой. Как только начнётся сгущение пыли, — вслед за этим сгущаются и облака, и наоборот, по мере разрежения пыльного тумана, разрежаются и облака.

Во время густых пыльных туманов солнце бывает видимо только около меридиана в течение не более часа, да и то не всегда. Оно кажется тогда тусклым, бледно-фиолетовым диском, на который можно смотреть без ощущения боли не только простым глазом, но даже в маленькую астрономическую трубу походного инструмента без цветного стекла позади окуляра...» (Труды Тибетской экспедиции, ч. 1, СПб., 1895, стр. 414).

Пыльную бурю в пустынях Лоб-нора описал Н. М. Пржевальский весной 1877 г., о чём свидетельствует следующая запись в его дневнике:

26 марта. Вчера, часов в 7 вечера, неожиданно пришёл сильный ураган от северо-востока. Мы были в это время у Заман-бека, юрта которого от нашей палатки стояла шагов на пятьсот. Чёрными и бурыми клубами пыли шла издали буря и так быстро, что, заметив это явление, мы не могли уже убежать к себе в палатку. Возле нас было совсем тихо, но ураган надвигался неотразимо. Через несколько минут он разразился с новой силой. Стало темно, хоть глаз коли, так что мы принуждены были ночевать у Заман-бека и только утром добрались до своей палатки, которую едва-едва не унесло ветром. Все вещи были положены на полу нашей палатки, чем и спасли её. Утром ветер стал тише и вскоре совсем стих, но пыль густой мглой стояла целый день в воздухе; пришлось дневать поневоле.

Пыльная буря. В пустынях Лоб-нора, подобно тому, как в Монголии и Тибете, весной свирепствуют иногда сильнейшие бури, часто уподобляющиеся урагану. Такие бури, по словам местных жителей, всего чаще случаются в мае. В феврале мы наблюдали их две, в марте...[1] Обыкновенно бури следуют одна за другой через довольно правильные промежутки времени: в марте дня через четыре или пять. Барометр перед такой бурей иногда за целый день падает очень сильно — иногда на... мм[2]. Все бури приходят с северо-востока. Обыкновенно они начинаются слабым ветром, который, однако, быстро усиливается; иногда же буря, как, например, 26 марта вечером, приходит ураганом; перед тем затишье стоит полное. При каждой буре воздух тотчас же наполняется тучами пыли, которые затемняют солнце. Во время урагана 26 марта столбы чёрной пыли и белой (последняя с солончаков) неслись исполинскими клубами дыма, быстро менявшими свои очертания и высоко поднимавшимися вверх.

Обыкновенно буря продолжается круглые сутки и никогда не менее 12 часов. Стихает быстро, иногда даже отрывисто; случается, что за отрывистым затишьем буря снова начинается.

После бури обыкновенно ещё целые сутки, иногда и более, стоит в воздухе

[1] [Пропуск в рукописи].
[2] [Пропуск в рукописи].

мгла, пока пыль хотя немного осядет из атмосферы. В таком воздухе дышится тяжело; глаза же делаются воспалёнными. Причина весенних бурь Лоб-нора вероятно заключается в сильном нагревании в это время здешних низких пустынь.

Для восстановления равновесия холодный ток воздуха стремится сюда с Тянь-шаня и Северной Монголии».

[32] Это первое в литературе упоминание хребта Алтын-таг, открытого Пржевальским в данной экспедиции. Алтын-таг оказался громадным хребтом, северной ветвью Куэнь-луня, отделяющей котловину Цайдам от бассейна Лоб-нора и на восток уходящей в Нань-шань. К исследованию Алтын-тага Н. М. Пржевальский возвращается и в следующих путешествиях.

[33] О посещении в 1858—1861 гг. русскими алтайскими староверами озера Лоб-нора в поисках богатой страны Беловодья охотно рассказывает Пржевальский и в своей книге «От Кяхты на истоки Жёлтой реки», 1888, стр. 317—319, а также М. В. Певцов в «Трудах тибетской экспедиции» на стр. 313—314.

Гораздо более подробные сведения о замечательных путешествиях русских крестьян в Центральную Азию и даже Тибет приводят Г. Е. Грумм-Гржимайло и П. К. Козлов. Первый из них напечатал рассказ, записанный со слов Ассана Емельянова Зырянова, участника этого похода, сына руководителя первой группы староверов, ушедшей в Китай. Рассказ этот представляет исключительный интерес и является документом, который Грумм-Гржимайло справедливо считает документом географическим, поскольку староверы впервые прошли по таким местам, где до них не был никто из европейцев. Не одна, а несколько партий алтайских староверов уходили в Китай, но всё же почти все и возвращались к родным местам. (Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. 3, СПб., 1907, приложение 1, стр. 433—439).

П. К. Козлов при следовании через Алтай в свою экспедицию в Монголию и Кам в 1899 г. лично беседовал с 76-летним старовером Е. Н. Рахмановым, который также ходил на Лоб-нор в поисках Беловодья, в «тихие места из-за притеснения веры». Рахманов показал, что, не удовлетворившись Лоб-нором, большая часть русских крестьян ушла отсюда на юг, к Алтын-тагу, перевалила его и устроила здесь в урочище Гас колонию. Русские начали пахать землю, охотиться на диких зверей, из которых им больше всего понравились куланы, — как они их почему-то называли, — «польские кони». Места эти показались им привольными, их здесь никто не притеснял, но зов родины оказался настолько сильным, что уже очень скоро они вернулись в Русский Алтай. Рахманов вернулся без красавицы-дочери Пелагеи: она была украдена и скоро стала любимой женой у турфанского бека, которому и родила трёх детей (П. К. Козлов. Монголия и Кам, т. I, ч. I, СПб., 1905, стр 11—15).

[34] Здесь в дневнике отмечаем следующую запись о днях Рождества и Нового года 1877 года:

> «*25 декабря.* Праздник Рождества для нас немногим отличался от других дней: та же обстановка, те же лица. Только поели немного лучше; напекли пирожков с говядиной, морковью, и изюмом, зажарили гуся, достали баночку варенья; казакам я дал бутылку коньяку.
>
> В течение дня много раз вспомнил про родину, родных и друзей. В Отрадном и Смоленске, несомненно, также не один раз вспомнили обо мне, быть может, со слезами на глазах...
>
> *26 декабря.* Отправился в горы за дикими верблюдами. Взял с собой Эклона, Чебаева, Павлова и Бетехтина; верблюдов у нас, с запасными, 11; клади немного. Остальные казаки с вещами и верблюдами, равно как и Заман-бек со своими спутниками, остались до нашего возвращения в Чархалыке.

Радость немалая, так как теперь с нами нет прежней орды — только двое проводников. Впрочем, на первые три перехода с нами едут человек пять какой-то сволочи с Лоб-нора. Оскар наш также оставлен в Чархалыке. Сегодня прошли 21 версту; остановились в месте безводном.

27 декабря. Прошли 30 вёрст по совершенно голой равнине. Лёд вьючили из Чархалыка. С малым караваном идём теперь быстро. Сегодня в первый раз увидели след дикого верблюда. Такого следа еще не видал ни один европейский глаз, — думал я, смотря на безобразные, ясно отпечатавшиеся на песке пятки животного.

31 декабря. Прошли 17 вёрст. Новый год встречаем среди дикой пустыни, вдали от всякого жилья человеческого. Впрочем, и лучше, что возле нас нет здешнего люда, кроме двух проводников. Как и во все другие дни, сегодня ляжем спать в 7 часов вечера, завтра встанем в 6 утра. Не будет для нас никаких особых пожеланий и приветствий, но зато мы можем спокойно оглянуться на истекший год, зная, что он прожит не даром.

Сегодня опять вспомнят обо мне много раз в Отрадном и Смоленске. Хотя бы во сне увидать близких сердцу!..

1 января. Ради Нового года переход в 28 вёрст, по совершенной пустыне. Почва (глина с песком) совсем голая, покрытая галькой, которая насыпана, словно щебёнка на шоссе. Растительности нет никакой, только с половины дороги попадается мелкий, редкий саксаул. Воды нигде нет; вот уже третий день, как мы таем грязный лёд.

Что-то принесёт мне наступающий год? Насколько выполнится задуманное мною исследование Внутренней Азии? Где будем мы будущее 1 января? На все эти вопросы можно будет ответить через год. Теперь же, с упованием на счастье, будем безустанно служить своему великому делу» (Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, М. — Л., 1940, стр. 534—536).

[35] Пески тянутся на восток до долины Дань-хэ и даже переходят отдельным островом на восток от последней, к городу Дунь-хуань, что лежит в 300 км на запад от города Сучжоу.

[36] Картина Алтын-тага, нарисованная Пржевальским, в целом соответствует только общей характеристике страны. В действительности орография Алтын-тага оказалась сложнее, как это и бывает при более детальном знакомстве с таким громадным горным районом, как данный. На юг от Черчена Алтын-таг поднимается до 6 389 м, на меридиане Чархалыка перевалы лежат на высоте 4 000—5 000 м, а озеро Аяг-кум, расположенное на высоком плато между северной цепью Алтын-тага и южным хребтом Пржевальского (вместе с Русским хребтом, отделяющимся от Алтын-тага), на высоте 3 871 м выше уровня моря. Далее на восток Алтын-таг несколько снижается, но всюду имеет большую высоту и очень чётко выражен в рельефе. Длина Алтын-тага от меридиана Хотана до гор Анимбар свыше 1 000 км. В хребте Пржевальского горная вершина Улуг-мус-таг имеет высоту 7 723 м и является высочайшей из известных ныне в системе Куэнь-луня.

Алтын-таг, как и другие горные сооружения Центральной Азии, на разных участках носит разные названия, которые даются хребту местными жителями. Некоторые из таких названий и приводит Пржевальский, но их несравненно больше: Кызыл-унгур, Суламнинг-таг, Кызыл и т. д.

Алтын-таг после Пржевальского был посещён экспедицией М. В. Певцова, среди участников которой геолог К. И. Богданович дал прекрасное геолого-географическое описание западного Куэнь-луня и Алтын-тага (см. Труды Тибетской экспедиции, ч. 2, СПб., 1892; см. также и чч. 1 и 3 этих трудов, где приводятся описания отдельных маршрутов в горах Куэнь-луня В. И. Роборовским и П. К. Козловым).

[37] Упоминая о Canis chanco, Пржевальский имеет в виду, видимо, высокогорную форму тибетского волка.

[38] Н. М. Пржевальский охотно останавливается на характеристике дикого верблюда, районов его обитания, биологических особенностях и т. д. В то время еще мало что знали о диких верблюдах. Краткие упоминания путешественников о наличии в пустынях Центральной Азии двугорбого дикого верблюда могли приниматься всерьёз, но могли и расцениваться скептически. Доказательств не было. Такие доказательства впервые привёз Пржевальский,—это одна из его больших заслуг в области зоологии и зоогеографии. Со времени Пржевальского появилось очень мало новых данных о диких верблюдах, — слишком ограничен материал в руках систематиков-зоологов, чтобы детально разобраться в сходствах и отличиях дикого верблюда от домашнего.

Вопрос, поставленный Пржевальским, — есть ли найденные им верблюды прямые потомки диких родичей или это домашние, ушедшие в степь, одичавшие и размножившиеся на воле, — до сих пор не может быть окончательно и категорически решён. Сам Пржевальский в дальнейшем склонялся к тому, что дикие верблюды Лоб-нора действительно дикие, но аргументация его в данном случае в общем мало отличалась от доводов, приведённых в этой книге, и вряд ли её можно назвать очень убедительной. В частности, неверно представление о том, что совокупление у домашних верблюдов не может производиться без помощи человека, а значит и домашние формы не могут стать одичавшими. Всё это ни в какой мере не снижает научного интереса к замечательному факту открытия Пржевальским диких верблюдов в Лоб-норе, где они действительно водятся, как найдены они также в Хамийской пустыне и в Заалтайской Гоби, т. е. в самых страшных бесплодных пустынях Центральной Азии. Более нигде в мире нельзя встретить этого редкого зверя, ареал распространения которого, видимо, всё более и более сужается.

[39] Старинное название Лоб или Лоп известно уже давно. Об озере Лоб-нор не знает Марко Поло, но упоминает это название, когда описывает город Лоп в начале одноименной пустыни:

> «...А пустыня та, скажу вам, великая; в целый год, говорят, не пройти её вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдёшь ночь и день, так найдёшь довольно много пресной воды; человек на пятьдесят или на сто хватит её, так по всей пустыне: пройдёшь ночь и день и найдёшь воду. В трёх-четырёх местах вода дурная, горькая, а в других — хорошая, всего двадцать восемь источников. Ни птиц, ни зверей тут нет, потому что нечего им там есть» (Марко Поло. Путешествие. Ленинград, 1940, стр. 50).

Местные жители не называют озеро именем Лоб-нор, как это отмечает Пржевальский, который говорит, что вся страна, а не озеро, в низовьях Тарима известна как страна Лоб. Окончание нор или нур ныне широко распространено: у монголов это значит — озеро, у азербайджанцев ноур — пруд, озерко, болотце; у коми нюр — болото, болотистые луга; у народа ханты — омут, яма с водой и т. д.

Слово Лоб — объяснить гораздо труднее. Видимо, оно дотюркского, индо-европейского происхождения. Известно, что древним населением Кашгарии были согдийцы, народ, говорящий на языке иранской группы. Лоб можно сравнить с такими географическими названиями, как: р. Лаба на Северном Кавказе, р. Лаба(Эльба) в Европе, р. Лобва Свердловской области, Лопасна, Лобжа (бассейн Днепра) и т. д. Названия эти уходят в далёкое прошлое. Акад. А. Соболевский, разбирая часто встречающиеся на Руси географические названия, включающие слова: Лоб, лоп, люб, лаб, — отмечает, что они связаны с древним „alb“, что значит белый, ср. латинский

„albus“ (А. И. Соболевский. Новые Русско-скифские этюды. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. 31, 1926, стр. 10—30).

При нашем объяснении названия Лоб-нор будет тем более интересно вспомнить, что алтайские староверы в поисках страны «Беловодья» ушли на Лоб-нор, а Иван Петлин, первый руский, посетивший Китай и прошедший через Монголию в 1618 г., говорит о Лабинском государстве, лежащем на юг от страны монгольской.

[40] Утверждение Н. М. Пржевальского, что вода в Лоб-норе пресная, вызвало большое сомнение в правильности оценки путешественником качеств воды, с одной стороны, а с другой — подкрепило противников Пржевальского в убеждении, что он описал под именем Лоб-нора другое озеро, так как все китайские источники сообщают об озере Лоб-нор как о солёном водоёме, и это казалось правдоподобным, ибо замкнутое озеро, обладающее большим испарением, в условиях резко пустынного сухого климата, должно очень быстро засолоняться (см. выше нашу вводную статью).

[41] Факт примечательный и отмечаемый многими исследователями Средней и Центральной Азии. Что озёра там были некогда большими и частыми, это не подлежит сомнению, — озерный ландшафт господствовал в кайнозойскую эру. Однако очень спорен вопрос об усыхании озёр в историческое время, нет доказательств, говорящих о таком продолжающемся усыхании в настоящем или за историческое время.

[42] Здесь в тексте издания 1877 г. у автора приводится список деревень Лоб-нора с указанием количества дворов в каждой.

[43] Намаз — ежедневная молитва каждого правоверного мусульманина, регулярно исполняемая всюду в странах ислама.

[44] Н. М. Пржевальский говорит, видимо, об описании Чарльзом Дарвином жителей Патагонии и Огненной Земли, сделанном великим натуралистом во время его путешествия на корабле «Бигль» (см. «Путешествие натуралиста вокруг света». Сочинения Ч. Дарвина, т. 1, М.—Л., 1935).

[45] Из всех зоологических наблюдений Н. М. Пржевальский особенно увлекался орнитологическими. Он хорошо знал птиц и неутомимо охотился на них, расширяя свои коллекции. Каждую весну в путешествии он проводил на каком-либо крупном водоёме, где ждал массового прилёта птиц и внимательно следил за последовательностью в ходе перелёта.

Пять таких вёсен наш путешественник посвятил изучению весенних перелётов: на озере Ханка в Уссурийском крае в 1868 и в 1869 гг., на озере Далай-нур в юго-восточной окраине Монгольского нагорья в 1871 г., в Ала-шане и в долине Хуан-хэ в 1872 г., на высокогорном озере Куку-нор в 1873 г.

[46] Ариман и Ормузд: первый — божество зла, «дух зла и бедствий» из пантеона древней Персии, второй — бог света, добра. Между этими богами идёт вечная борьба.

[47] Статья Н. М. Пржевальского, напечатанная в «Известиях Географического общества» за 1877 г., на этом кончается, она помечена городом Кульджой, 18 августа 1877 г. Дальнейшее ожидание в городе Кульдже и путешествие по Джунгарии до Гучена, возвращение в Зайсан можно востановить по дневнику Пржевальского, откуда и заимствованы некоторые выдержки, воспроизводимые настоящим изданием.

Пржевальский окончил отчёт 15 августа, о чём свидетельствует его запись в дневнике: «Живём в Кульдже, свой отчёт я кончил, но должен сам переписывать. Трезвого и хорошего писаря не нашлось. Другой экземпляр в Главный штаб переписал кое-как мой казак Гармаев».

Дневник же Пржевальский перестал вести только 31 марта 1878 г. в Зайсанске. В конце дневника лаконичная приписка: «Перерыв, но не конец дневника».

[48] А. В. Каульбарс, известный русский путешественник и военный географ. Исследователь Тянь-шаня и древних русел р. Аму-дарьи. В 1872 г. был послан в Восточный Туркестан, где заключил от имени России торговый договор.

[49] Первый генерал-губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский (область образована в 1867 г.), ещё в 1860 г. командовавший русскими войсками, нанёсшими поражение кокандцам у пикета Узун-агач (в районе нынешнего города Фрунзе).

[50] Ниже приводимый текст заимствован из дневника Н. М. Пржевальского, откуда мы сделали выборки тех записей, которые нам представляются наиболее интересными или сохранившими и сейчас своё научное или биографическое значение.

Во время пребывания в Кульдже Пржевальский был твёрдо уверен, что он сможет продолжать экспедицию, и лихорадочно готовился ко второму кругу путешествия, на этот раз в Тибет. Твёрдая уверенность Пржевальского в таком предприятии видна из следующей записи в дневнике:

> «*16—27 августа.* В больших хлопотах по сборке в экспедицию проведено всё это время. Тем труднее было, что в Кульдже многого достать совсем нельзя: притом же всякую работу, самую даже простую, надо отдавать в мастерскую 10-го Туркестанского линейного батальона, где солдаты работают скверно и очень дорого.
>
> Отчёты свои отправил, письма написал. Снарядились хорошо, благодаря запасам, привезённым еще в прошлом году из Питера. Много нам помогли в Кульдже начальник северного участка Кульджинского района, майор Герасимов и доктор Мацеевский — заведующий местным полугоспиталем. У Мацеевского же я оставил для посылки зимой по почте в Академию наук два ящика с рыбами и пресмыкающимися; остальные коллекции укупорены в девять больших ящиков и один кожаный мешок — сданы на хранение кульджинскому городничему до отправки их в Петербург.
>
> В Тибет едем: я, Эклон, Чебаев, Иринчинов, Гармаев, Анносов; Павлов и Урусов; — двое последние солдаты 10-го Туркестанского линейного батальона, квартирующего в Кульдже; Павлов тот самый, который ходил уже на Лоб-нор.
>
> Верблюдов у нас 24, из них 19 вьючных; верховых лошадей 3, на них едем: я, Эклон и Чебаев. Багажа около 160 пудов: нужно тащить всё необходимое на целых два года. Денег имеем с собой 17 ямб и 200 серебряных рублей. Последние в Кульдже не имеют никакой цены».

Дневник Пржевальского представляет очень увлекательную книгу. Перед глазами читателя возникает образ замечательного путешественника со всеми особенностями характера этого человека, его вспыльчивостью, упорством, страстностью к исследованиям; читатель из дневника может лучше представить этого человека, о котором так много написано и так много сказано. Читая его записи, кажущиеся совсем свежими, как бы вступаешь в непосредственный контакт с великим исследователем Центральной Азии, и кажется, что не существует семидесяти лет, отделяющих нас от времени героических путешествий Николая Михайловича.

Н. М. Пржевальский 28 августа 1877 г. начал новый маршрут, названный им вторым периодом экспедиций, который должен был привести его в Лхасу. Но, увы, и на этот раз стремления путешественника попасть в эту заветную столицу Тибета не сбылись. Он прошёл на Сайрамское озеро, Эби-нор, к горам Семис-тау и по Джунгарии дошёл до города Гучена, откуда болезнь Пржевальского заставила его повернуть обратно к Зайсану, куда экспедиция прибыла 20 декабря 1877 г. Ход экспедиции от Кульджи на Гучен и обратно до Зайсана виден из выдержек дневника путешественника.

[51] Семис-тау, или Семис-тай, действительно, соединяется с хребтом Тарбагатай

и представляет восточное продолжение гор Урка-шар. Западную Джунгарию по маршрутам Пржевальского детально обследовал акад. В. А. Обручев, который в 1905, 1906 и 1909 гг. предпринял географическое и геологическое изучение пограничной Джунгарии. Этот исследователь пишет: «Наблюдения Пржевальского, маршрут которого в Семис-тае почти совпадает с нашим, не были опубликованы и выразились только в нанесении на русских картах нескольких названий урочищ и колодцев. На своей отчётной карте он показал пик Холусутай и кл. Хаша-тай». (Пограничная Джунгария, т. 3, вып. 1, Ленинград, 1932, стр. 140).

Высоты Семи-тау оказались выше, чем предполагал Пржевальский: они превышают 2 000 м над уровнем моря.

[52] Пржевальский называет «Богдо-тау» высокую горную группу Восточного Тянь-шаня, возвышающуюся над Урумчи. Абсолютная высота этой группы, ныне известной под названием Богдо-олы (Богдо-улы), 5 600 м.

На полях дневника Пржевальского приписано: «Богдо-тау поднимается тремя острыми вершинами и двумя меньшими; первые гораздо резче выступают из общей массы Тянь-шаня, так же высоко поднятого в этой части. Тянь-шань от Богдо-тау уходит на юго-запад к Урумчи, так что группа Богдо как бы выдаётся к северу от общего направления хребта».

[53] Николай Камилл Фламмарион широко известен своими замечательными и увлекательными книгами по астрономии. Пржевальский читал его книгу «Многочисленность обитаемых миров», 1862 г., которая явилась первым произведением начинающего писателя, сразу ставшего очень популярным. Часть книг Фламмариона переведена и на русский язык.

[54] Измученный болезнью, Пржевальский не прекращает вести дневник, но записи его становятся всё более лаконичными, он их дописывает на полях. К записям за эти дни добавлено: «Только дёготь с бараньим салом и прованским маслом немного успокаивает, но на час, не более. В течение дня и ночи мажусь раз 10—15, белье и нижнее платье испачкались и провоняли дёгтем. Мазать приходится дорогой на морозе и ветре, легко застудить».

[55] Вторая приписка: «От колодца Сепкюльтай снегу становится мало, возле урочища Ургунты снегу вовсе нет».

[56] Здесь приписка на полях: «О геологическом строении спросить у Иностранцева».

Александр Александрович Иностранцев (1843—1919), крупный геолог, с 1873 г. профессор Петербургского университета по кафедре геологии и палеонтологии, автор многих трудов по геологии России, обработал геологические коллекции Пржевальского. Геология Нань-шаня освещена в работе В. А. Обручева. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань, 2 т., 1900—1901 гг.

[57] Эта предварительная характеристика горных систем Тянь-шаня и Нань-шаня сделана путём противопоставления. Нужно иметь в виду, что данные по Нань-шаню, почерпнутые Пржевальским из своих исследований Нань-шаня в первой центрально-азиатской экспедиции, относятся, главным образом, к Восточному Нань-шаню, более влажному, облесённому, богатому растительностью, чем западный, сухой и суровый Нань-шань, где влияние пустынь и холодных нагорий Тибета более сильно.

Сравнение гор Тянь-шаня и Нань-шаня, хотя и конспективно изложенное, — замечательный географический документ, не потерявший своего интереса и по настоящее время.

[58] В дневниковых записях Пржевальского этого перода, когда болезнь мучила его, чувствуется, что нервы автора дневника уже не выдержали, — много раздражения выливается на страницы его полевых записок.

П. П. Померанцев во вступительной статье к дневнику Пржевальского пишет:

«Вторая половина экспедиции по Джунгарии до Гучена была особенно тяжёлой. Пржевальский и часть его спутников заболели мучительным зудом (Pruritus scrofi). Записи дневника становятся нервными и жёлчными. Больного раздражает буквально всё. Даже преданные спутники—казаки оказываются проходимцами, людьми «на один покрой». Читая эти страницы, просто не веришь словам Пржевальского, ибо каким большим диссонансом выглядит рядом с этим его многочисленная и многолетняя переписка со своими спутниками — казаками и солдатами, проникнутая редким вниманием и любовью к этим простым людям... Но нервы отказывались подчиняться, и больной продолжал резко ругать своих спутников за «гнусное» поведение. Правда, некоторые из них справедливо заслужили к себе порицание от своего начальника, будучи действительно виноваты перед ним. Так, пришлось расстаться с преданным спутником забайкальским казаком Панфилом Чебаевым, бывшим с Пржевальским еще в первом его путешествии по Монголии и в стране тангутов... «Да, в нынешнее путешествие мне сильно не везёт относительно спутников...» (запись за 21—31 января, 1877 г.).

Последнее было не совсем верно. Около Пржевальского были и преданные спутники: бурят Иринчинов, тоже забайкальский казак, участник всех четырёх путешествий в Центральную Азию, переводчик Юсупов, участник трёх последних путешествий, прапорщик Эклон, ходивший в третье путешествие и, наконец, перед самым концом экспедиции забайкальский казак Телешов, не покидавший Пржевальского до последних дней его жизни». (Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, М.—Л., 1940, стр. 504).

[59] Воспоминание об Уссурийском путешествии и о наблюдениях за весенним пролётом птиц на озере Ханка.

[60] Граф Ф. Л. Гейден, начальник Генерального штаба русской армии, позже генерал-губернатор Финляндии. Гейден был в курсе путешествий Пржевальского и помогал ему в комплектовании персонала экспедиций. В данном случае Гейден передал указание военного министра Д. А. Милютина.

[61] Н. М. Пржевальский сдержал своё слово. Менее чем через год, в конце февраля 1879 года, наш путешественник совместно со своими спутниками Ф. Л. Эклоном и В. И. Роборовским собрались в Зайсанском, чтобы начать знаменитое третье путешествие по Центральной Азии, которое, как известно, закончилось полным триумфом (См. «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой Реки», СПб., 1883, 473 стр.).

Таблицы для перевода мер длины и веса в метрические

Таблица 1

Вёрсты в километрах
1 верста = 1,06680 километра

Вёрсты		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		1,067	2,134	3,200	4,267	5,334	6,401	7,468	8,534	9,601
10	10,668	11,735	12,802	13,868	14,935	16,002	17,069	18,136	19,202	20,269
20	21,336	22.403	23,470	24,536	25,603	26,670	27,737	28,804	29,780	30,937
30	32,004	33,071	34,138	35,204	36,271	37,338	38,405	39,472	40,538	41,605
40	42,672	43,739	44,806	45,872	46,939	48,006	49,073	50,140	51,206	52,273
50	53,340	54,407	55,474	56,540	57,607	58,674	59,741	60,808	61,874	62,941
60	64,008	65,075	66,142	67,208	68,275	69,342	70,409	71,476	72,542	73,609
70	74,676	75,743	76,810	77,876	78,943	80,010	81,077	82,144	83,210	84,277
80	85,344	86,411	87,478	88,544	89,611	90,678	91,745	92,812	93,878	94,945
90	96,012	97,079	98,146	99,212	100,279	101,346	102,413	103,480	104,546	105,613
100	106,680	107,747	108,814	109,880	110,947	112,014	113,081	114,148	115,214	116,281

Таблица 2

Сажени в метрах
1 сажень = 2,13360 метра

Сажени		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		2,13	4,27	6,40	8,53	10,67	12,80	14,94	17,07	19,20
10	21,34	23,47	25,60	27,74	29,87	32,00	34,14	36,27	38,40	40,54
20	42,67	44,81	46,94	49,07	51,21	53,34	55,47	57,61	59,74	61,87
30	64,01	66,14	68,28	70,41	72,54	74,68	76,81	78,94	81,08	83,21
40	85,34	87,48	89,61	91,74	93,88	96,01	98,15	100,28	102,41	104,55
50	106,68	108,81	110,95	113,08	115,21	117,35	119,48	121,62	123,75	125,88
60	128,02	130,15	132,28	134,42	136,55	138,68	140,82	142,95	145,08	147,22
70	149,35	151,49	153,62	155,75	157,89	160,02	162,15	164,29	166,42	168,55
80	170,69	172,82	174,96	177,09	179,22	181,36	183,49	185,62	187,76	189,89
90	192,02	194,16	196,29	198,42	200,56	202,69	204,83	206,96	209,09	211,23
100	213,36	215,49	217,63	219,76	221,89	224,03	226,16	228,30	230,43	232,56

1 куб. сажень = 9,7126 куб. метра

Таблица 3

Футы в метрах

1 фут = 0,304 800 метра

Футы		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		0,30	0,61	0,91	1,22	1,52	1,83	2,13	2,44	2,74
10	3,05	3,35	3,66	3,96	4,27	4,57	4,88	5,18	5,49	5,79
20	6,10	6,40	6,71	7,01	7,32	7,62	7,92	8,23	8,5	8,84
30	9.14	9,45	9,75	10,06	10,36	10,67	10,97	11,28	11,58	11,89
40	12,19	12,50	12,80	13,11	13,41	13,72	14,02	14,33	14,63	14,94
50	15,24	15,54	15,85	16,15	16,46	16,76	17,07	17,37	17,68	17,98
60	18,29	18,59	18,90	19,20	19,51	19,81	20,12	20,42	20,73	21,03
70	21,34	21,64	21,95	22,25	22,56	22,86	23,16	23,47	23,77	24,08
80	24,38	24,69	24,99	25,30	25,60	25,91	26,21	26,52	26,82	27,13
90	27,43	27,74	28,04	28,35	28,65	28,96	29,26	29,57	29,87	30,18
100	30,48	30,78	31,09	31,39	31,70	32,00	32,31	32,61	32,92	33,22

Таблица 4

Дюймы в сантиметрах

1 дюйм = 2,54 000 сантиметра

Дюймы		1	2	3	4	5	6	7	8	9
		2,54	5,08	7,62	10,16	12,70	15,24	17,78	20,32	22,86
10	25,40	27,94	30,48	33,02	35,56	38,10	40,64	43,18	45,72	48,26
20	50,80	53,34	55,88	58,42	60,96	63,50	66,04	68,58	71,12	73,66
30	76,20	78,74	81,28	83,82	86,36	88,90	91,44	93,98	96,52	99,06
40	101,60	104,14	106,68	109,22	111,76	114,30	116,84	119,38	121,92	124,46
50	127,00	129,54	132,08	134,62	137,16	139,70	142,24	144,78	147,32	149,86
60	152,40	154,94	157,48	160,02	162,56	165,10	167,64	170,19	172,72	175,26
70	177,80	180,34	182,88	185,42	187,96	190,50	193,04	195,58	198,12	200,66
80	203,20	205,74	208,28	210,82	213,36	215,90	218,44	220,98	223,52	226,06
90	228,60	231,14	233,68	236,22	238,76	241,30	243,84	246,38	248,92	251,46
100	254,00	256,64	259,08	261,62	264,16	266,70	269,24	271,78	274,32	276,86

Таблица 5

Пуды в тоннах

1 пуд = 0,016380496 тонны

Пуды	[illegible]	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	0	0,01638	0,03276	0,04914	0,06552	0,08190	0,09828	0,11466	0,13104	0,14742
10	0,16380	0,18019	0,19657	0,21295	0,22933	0,24571	0,26209	0,27847	0,29485	0,31123
20	0,32761	0,34399	0,36037	0,37675	0,39313	0,40951	0,42589	0,44227	0,45865	0,47503
30	0,49141	0,50780	0,52418	0,54056	0,55694	0,57332	0,58970	0,60608	0,62246	0,63884
40	0,65522	0,67160	0,68798	0,70435	0,72074	0,73712	0,75350	0,76988	0,78626	0,80254
50	0,81902	0,83541	0,85179	0,86817	0,88455	0,90093	0,91731	0,93369	0,95007	0,96645
60	0,98283	0,99921	1,01559	1,03197	1,04835	1,06473	1,08111	1,09749	1,11387	1,13025
70	1,14663	1,16302	1,17940	1,19578	1,21216	1,22854	1,24492	1,26130	1,27768	1,29406
80	1,31044	1.32682	1,34320	1,35958	1,37596	1,39234	1,40872	1,42510	1,44148	1,45786
90	1 47424	1,49063	1,50701	1,52339	1,53977	1,55615	1,57253	1,58891	1,60529	1,62167
100	1,63805	1,65443	1,67081	1,68719	1,70357	1,71995	1,73633	1,75271	1,76909	1,78547

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Б. В. Юсов*
Редактор карт *Г. В. Яников*
Художественный редактор
В. В. Щукина
Технический редактор
К. В. Крыночкина
Обложка работы художника
Г. Э. Вильфата
Заставки *А. П. Радищева*

Сдано в набор 22/V-47 г. Подписано к печати 26/IX-47 г. А-10612. Печ. л. $9\frac{3}{4}+1\frac{1}{2}$ вкл. Уч.-изд. 11,9. Тираж 15000 экз. Зак. № 3756. Цена 6 руб. Переплет 1 руб. 50 коп.

6-я тип. треста „Полиграфкнига" ОГИЗа при Совете Министров СССР Москва, 1-й Самотечный, 17.

Цена [illegible]р. 50к.

0-75